

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРІВ

Асанова Улькер Кязімівна – кандидат історичних наук, доцент, завідувач кафедри історії РВНЗ «Кримський інженерно-педагогічний університет»

Бережна Наталя Олександрівна – аспірантка кафедри історії та етнології України Черкаського національного університету ім. Б. Хмельницького

Гарчева Людмила Петрівна – доктор історичних наук, професор, завідувач кафедри загальнотеоретичних правових наук Кримського економічного інституту ДВНЗ «Київський національний економічний університет імені В. Гетьмана»

Даюк Жанна Юріївна – кандидат педагогічних наук, доцент кафедри музичного мистецтва (естрадна музика) Рівненського державного гуманітарного університету

Дорофеєв Денис Володимирович – кандидат політичних наук, доцент кафедри історії Росії, нової та новітньої історії історичного факультету Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського

Єрмаков Станіслав Глібович – кандидат історичних наук, в.о. доцента кафедри музейної справи та охорони пам'яток історії та культури РВНЗ «Кримський університет культури, мистецтв та туризму»

Іслямов Едем Музафарович – викладач кафедри музейної справи та охорони пам'яток історії та культури РВНЗ «Кримський університет культури, мистецтв та туризму»

Кислий Олександр Євгенович – доктор історичних наук, професор кафедри музейної справи та охорони пам'яток історії та культури РВНЗ «Кримський університет культури, мистецтв та туризму»

Корольов Віктор Іванович – доктор історичних наук, професор Кримського факультету Запорізького національного університету

Магурчак Андрій Миколайович – докторант кафедри давньої та нової історії України Київського національного університету імені Т. Г. Шевченка

Ніколаєнко Микола Васильович – кандидат історичних наук, в.о. доцента кафедри музейної справи та охорони пам'яток історії та культури РВНЗ «Кримський університет культури, мистецтв та туризму»

Новосельська Аріна Вадимівна – кандидат педагогічних наук, заслужений діяч мистецтв АРК, художній керівник – генеральний директор КРУ «Кримський академічний театр ляльок»

Севастьянов Олександр Валерійович – кандидат історичних наук, в.о. доцента кафедри соціальних та гуманітарних наук РВНЗ «Кримський університет культури, мистецтв та туризму»

Стельмах Ірина Федорівна – кандидат історичних наук, в.о. доцента кафедри музейної справи та охорони пам'яток історії та культури РВНЗ «Кримський університет культури, мистецтв та туризму»

Шевченко Олег Костянтинович – кандидат філософських наук, в.о. доцента РВНЗ «Кримський гуманітарний університет» (м. Ялта)

Шелягова Ганна Олександрівна – кандидат педагогічних наук, в.о. доцента кафедри книгознавства, бібліотекознавства та бібліографії РВНЗ «Кримський університет культури, мистецтв та туризму»

ТАВРІЙСЬКІ СТУДІЇ

Історичні науки

№ 5

2013

ВИМОГИ ДО НАПИСАННЯ СТАТЕЙ

Матеріали, що надаються до Редакційної колегії журналу «Таврійські студії», мають відповідати вимогам ВАК України від 15.03.2003 р. № 7-05/1 з урахуванням таких необхідних елементів у своїй структурі:

1. постановка проблеми у загальному вигляді та її зв'язок із важливими науковими чи практичними завданнями;
2. аналіз останніх досліджень і публікації, в яких започатковане розв'язання цієї проблеми і на які спирається автор, виділення невирішених раніше частин загальної проблеми, котрим присвячується запропонована стаття;
3. формулювання мети статті (постановка завдання);
4. виклад основного матеріалу дослідження з повним обґрунтуванням отриманих наукових результатів;
5. висновки з даного дослідження і перспективи подальших досліджень з цього напрямку.

Вимоги до оформлення статей

Обсяг статі – до 20 тис. знаків у форматі Microsoft Word (* doc).

Шрифт – Times New Roman, 14 пт.

Міжрядковий інтервал - 1.5

Абзац – відступ 1.25

Вирівнювання - по ширині

Інтервал між літерами – «Звичайний» (без ущільнень)

Розміри полів – ліве – 20 мм, праве – 20 мм, верхнє – 20 мм, нижнє – 20 мм.

Стаття надсилається у друкованому вигляді на адресу редакційної колегії в одному примірнику з «мокрими» підписами авторів та електронному варіанті на CD або DVD диску.

Графічні розміри таблиць та малюнків у тексті – 110 x 170

Назву таблиці розміщувати ліворуч над формою таблиці.

Виклад таблиці починається через 1.5 інтервал від основного тексту. Таблиця розташовується під текстом, в якому вперше дано посилання на неї, або на наступній сторінці. Таблиця повинна бути виконана лише в книжковій орієнтації. Якщо таблиця виходить за формат сторінки, її ділять на частини, при цьому в кожній частині повторюють її головку.

Шрифт таблиць: 9.5 пт. Мінімальний розмір шрифту у таблиці 8 пт. Таблиці не повинні перевищувати 11 см завширшки.

Файл зберігати у форматі **RTF** або **DOC**. **Ім'я файлу** подавати транслітерацією, як прізвище автора, наприклад. Ivanov

Елементи заголовку:

У лівому куті (без абзацного відступу) - **УДК**

- наступний рядок – по центру – **ініціали та прізвище автора** (авторів)
  - наступний рядок – через інтервал великими літерами напівжирним шрифтом по центру
- подається **назва статті** (без точки)
  - наступний рядок – через інтервал – **текст анотації (на мові статті)**
    - наступний рядок – **ключові слова (на мові статті)**
    - наступний рядок – через інтервал – **виклад матеріалу статті**
      - по закінченню статті – через інтервал по центру - **Література (Джерела та література)**
      - після списку використаних джерел – через інтервал – **текст анотації та ключові слова (англійською, російською або українською мовами)**

Текст **Анотації** (200-300 знаків з пробілами) друкується маленькими літерами, курсивом.

Ключові слова із тексту статті друкувати маленькими літерами, курсивом, через кому.

Список **Літератури** оформлюється відповідно до вимог ВАК України (Бюлєтень ВАК України, № 3, 2008, с.9-13).

На останній сторінці обов'язково подати відомості про автора із зазначенням прізвища, ім'я, по батькові (повністю), посади, наукового ступеня, вченого звання, домашньої адреси, контактних телефонів та електронної адреси.

Сторінки статті не нумеруються.

Рецензія на статтю за підписом доктора або кандидата наук (для аспірантів, здобувачів та ін.) – є обов'язковою умовою прийому статті до розгляду та друку.

У разі недотримання вимог до оформлення, подані статті опубліковані не будуть.

ЗМІСТ

АКТУАЛЬНІ ПИТАННЯ ІСТОРІЇ

Кислий О.Є.

ФОРМАЦІЙНА ПЕРІОДИЗАЦІЯ ІСТОРІЇ ЯК СИСТЕМА, ІІ
ЕМЕРДЖЕНТНІСТЬ ТА ПОШУК СИСТЕМИ

Бережна Н.О.

МОВНА ІДЕНТИЧНІСТЬ ВІРМЕН ЦЕНТРАЛЬНОЇ УКРАЇНИ (ЗА
МАТЕРІАЛАМИ ПЕРЕПИСІВ 1989 та 2001 рр.)

Даюк Ж.Ю.

АНАЛІЗ ДІЯЛЬНОСТІ КРЕМЕНЕЦЬКОГО ЛІЦЕЮ ХІХ СТОЛІТТЯ
ІНОЗЕМНИМИ ДОСЛІДНИКАМИ

Дорофеев Д.В.

ПРЕДПОСЫЛКИ ИЗМЕНЕНИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО
МЕХАНИЗМА В США: 1781-1787 гг.

Ермаков С.Г.

АРАБО-ЕВРЕЙСКОЕ ВООРУЖЕННОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ
В ПАЛЕСТИНЕ В 1967 ГОДУ

Магурчак А.М.

МАЛОВІДОМІ СТОРІНКИ ЖИТТЯ УКРАЇНСЬКОГО ЕМІГРАНТА
АНДРІЯ ЖУКА (1920-ті рр. ХХ ст.)

Новосельська А.В.

ПЕРІОДИЗАЦІЯ ІСТОРІЇ РОЗВИТКУ СИСТЕМИ ВИЩОЇ ОСВІТИ У
СФЕРІ КУЛЬТУРИ І ЕСТЕТИЧНОГО ВИХОВАННЯ НА ПІВДНІ УКРАЇНИ
(КІНЕЦЬ ХІХ - ПОЧАТОК ХХІ ст.)

Стельмах И.Ф.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КАТЕГОРИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ МУЗЕЕВ

ІСТОРІЯ КРИМУ. КРАЄЗНАВСТВО

Асанова У. К.

РАЗВИТИЕ МУЗЕЙНОЙ СЕТИ В КРЫМСКОЙ АССР:
ЭКСПЕДИЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУЗЕЕВ

Гарчева Л. П.

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ТАВРИДЫ

Исламов Э. М.

ПИСЬМЕННАЯ ТРАДИЦИЯ О МИТРИДАТЕ VI ЕВПАТОРЕ

Королёв В. И.

КРЫМ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ АРМЯН
Николаенко Н. В.

ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ В ФИЛОСОФСКОМ
НАСЛЕДИИ С. Н. БУЛГАКОВА («РАННЕКРЫМСКИЙ ПЕРИОД»)

Севастянов А. В.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ КРЫМОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ (20-е гг. XX в.)

Шевченко О. К.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ МЕТОД В ИСТОРИОГРАФИИ: К ВОПРОСУ О
ДВУХ «ЛИВАДИЙСКИХ» СИМПОЗИУМАХ 1995 И 2000 ГГ.,
ПОСВЯЩЕННЫХ ЯЛТИНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Шелягова А. А.

СИМФЕРОПОЛЬСКАЯ ЧАСТНАЯ МУЖСКАЯ ГИМНАЗИЯ Е. И. СВИ-
ЩЕВА: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Відомості про авторів

Вимоги до статей

**Формаційна періодизація історії як система,
її емерджентність та пошук системи**

Автор досліджує марксистську концепцію періодизації історії як одну з найбільш уживаних та системних. Показує потребу її розгляду не апологетично й не ниніщівно критично, а в рамках пошуку можливих концептів для її удосконалення. Серед головних посилів статті - тези, що поняття суспільно-економічної формациї можна розглядати як дотичне до теорії класів, що сучасні новітні дані про хід історії дозволяють виробити інші моделі періодизації історії на основі діалектики більш загальних перевірін, ніж врахованих марксизмом.

Ключові слова: формаційна періодизація, історична періодизація, класи.

Ця стаття є частиною окремого дослідження, присвяченого теорії періодизації поступальних історичних змін або трансформацій. Оскільки марксистська концепція періодизації історії одна з найбільш уживаних та системних, є потреба її розглянути не апологетично й не критично, а в рамках пошуку можливих концептів для її удосконалення. При тому будемо зважати на відомий методологічний посил, що не може бути вірною та теорія, яку не можна спростувати. Широка дискусія щодо Маркового розуміння історії другої половини минулого століття, а також недавня відома робота П.П.Толочко [19] на захист марксизму показують актуальність предметного обговорення проблеми періодизації історії загалом та марксистської формацийної концепції. Автор цієї статті просить читача зважити на наступне: 1) в певному сенсі стаття є контурною щодо проблематики; 2) в статті будуть посилання на попередні авторські роботи, де довелося викласти розуміння «докласової» (класової статевої) експлуатації як системного історичного явища, що знаходить продовження в майновій класовій експлуатації, а також де показано, що в принципі в традиційному суспільстві присвійного господарювання була можливість отримувати прибавчний продукт, а відтак перехід до відтворюючого господарювання не створив можливість отримання

прибавочного продукту та створення класів та ін. Обмежений обсяг статті спричиняє до того.

За теорією суспільно-економічної формациї світовий історичний процес розглядається не як аморфний і однорідний, а як внутрішньо систематизований ряд якісно відмінних ступенів розвитку, підкреслимо, людського суспільства загалом. Порівняно з іншими схемами періодизації формацийну періодизацію відрізняє її системність (теорія поєднує економічну, соціальну і політичну сторони суспільного життя), діалектична внутрішня логіка, матеріалістичне розуміння історії, що дозволило розглядати суспільство не з ідеалістичних, а з наукових позицій. Тому можна звернути увагу на означення марксистської філософії історії (історичного марксизму) як «марксистського еволюціонізму» [19, с.15]. На рівні історії з цим можна погодитись, але розглядаючи історію періодизацій, філософію історії, підкреслюємо матеріалістичну діалектику (у нашему випадку класично, з прийняттям законів стрибкоподібного переходу кількісних змін у якісні та заперечування заперечення). Наша мета – показати ті засади, історичні, соціально психологічні та особистісно-мотиваційні, що поряд з уже відомими в науці тезами про витоки марксизму, провели до його створення, а значить показати й історичні межі одного з найбільш уживаного концепту марксизму – формацийного розуміння історії. Розгорнуті порівняння різних періодизацій, включно з марксовою, та їхню критику з точки зору демоекономіки залишимо для наступних публікацій.

Найбільші проблеми з точки зору схематичності «розвитку» суспільства у марковій періодизації викликають два періоди – створення класового суспільства і цивілізацій та розпаду класового суспільства. Матеріалістичній діалектиці за марксистською схемою у більшій мірі півладне внутрішнє (а не початкове, і не завершальне) наповнення такої періодизації. По-перше, класові протиріччя не можуть бути головними протиріччями на етапах становлення та прикінцевих трансформацій (розвитку) суспільства. Сутність більш загальних і фундаментальних протиріч та діалектика їхньої дії викладена в літературі [3, с.179-300; 4, с.11, 213-332]. Далі врахуємо, що з самого початку період

рабовласницького суспільства ніби розпадався на два відносно самостійних етапи – період давньосхідних цивілізацій і античність. К. Маркс та Ф. Енгельс вважали, що можна говорити про рабовласницьку стадію, що передує феодальній; але без особливих пояснень К. Маркс вводить також поняття “азіатський спосіб виробництва”, що панував у рамках давньосхідних деспотій, і був, на його думку, першим способом експлуататорського державного ведення господарства. Відповідно і для тих відносин, що склалися в Стародавній Греції та Римі, він використовує термін не “рабовласницький”, а “античний” спосіб виробництва.

В результаті дискусій, що відбувалися, головним чином, в 60-х та 80-х роках минулого століття, частина вчених відмовилася взагалі від сприймання рабовласництва як окремої формaciї (Е. О. Берзін, Л. В. Васильєв, Г. О. Мелікішвілі, Л. О. Сєдов, Й. О. Стучевський та ін.). Група вчених, переважно відомих сходознавців (І. М. Дьяконов, М. О. Дандамаев, В. М. Массон, В. О. Якобсон), які продовжували відстоювати традиційні погляди на рабовласництво як закономірний етап розвитку, все ж визнали, що принаймні в рамках давньосхідних цивілізацій рабська праця не набула значного поширення. На Сході, в Єгипті, Ассирії, Вавилоні “раби” (або ж державно-храмові працівники) використовувалися при потребах виконання значних громадських робіт, головним чином, по зрошуванню земель, “носії влади експлуатували працю своїх співвітчизників державно-бюрократичними методами”, а в цілому азіатський спосіб виробництв був дуже близький до феодального [16, с.70-76].

З іншого боку, навіть найбільш послідовні прихильники критики концепції рабовласницької формaciї все ж погоджуються з тим, що “рабовласництво як економічний уклад” отримало розвиток в античну епоху, коли “можливим було широке застосування рабської праці у виробничій сфері”, при умові, що утвердження рабовласницьких відносин стимулювалося товарним виробництвом. “Природні умови Греції надавали можливість займатися землеробськими справами по вирощуванню злаків, оливок та

винограду протягом майже всього року. Оскільки внутрішній ринок окремих міст був досить обмеженим, а одне одному вони майже нічого запропонувати не могли, тому що екологічне середовище та рівень економічного розвитку їх були досить близькими. Між тим розвиток мореплавства, знайомство з народами Західного Середземномор'я та Причорномор'я, які стояли на порівняно нижчому щаблі суспільно-економічного розвитку, відкрили перед еллінами неосяжний зовнішній ринок... Це, безумовно, стимулювало підвищення товарності відповідних галузей і відтак – використання у виробництві рабської праці” [17, с.131]. Хоча з певними наведеними тут поясненнями загальних економічних процесів не завжди можна погодитись, але попередні наші дослідження показують, що саме значна різниця в розвитку рабовласницьких відносин та рівень товарно-виробничих відносин тісно пов’язані з різницею в історико-демографічному становищі держав Сходу та античних держав [3, с.162, 172-178]. П. П. Толочко виступив на захист основних положень формаційної теорії, підкресливши, що «ні про яку жорсткість марксистської періодизації історії говорити не приходиться... К. Маркс та Ф. Енгельс ніде не стверджували універсальність виокремлених ними формаций або стадій для всіх народів світу». Він виступив з різкою критикою цивілізаційної схеми періодизації, як «новомодного захоплення», що у кращому випадку лише допоміжна до формаційної [19, с.16-29]. Отже, по-перше, з точки зору системології, окрім елементів системи мають емерджентні властивості. По-друге, усяка теорія потребує подального удосконалення, навіть центральна чи допоміжна до центральної.

Відомо також, що в процесі розробки своєї теорії суспільно-історичного процесу Маркс використовував різні критерії членування історії людства на етапи в залежності від потреб дослідження. Отже, можливо, якби перед ним не стояла потреба розробки теорії класової боротьби, себто вже в наш час, він розробив би й іншу періодизацію. Так, в роботі «До критики гегелівської філософії права» у якості наявних критеріїв висувається співвідношення громадянського суспільства і держави. Ці ідеї широко були використані в

соціології в кінці ХХ – на початку ХХІ ст. Під цим кутом зору Маркс розрізняв древність, середні віки, новий час та демократію майбутнього. В «Економічно-філософських рукописах 1844 року» історія йому ввижається у вигляді процесу зародження, руху і відмирання історичних форм відчуження праці. Отже, з цього критерію він бачить найбільш логічний поділ історії – докласове, класове і безкласове (комуністичне) суспільства.

В «Німецькій ідеології», де продовжено дослідження економіки історичних змін, К. Маркс та Ф. Енгельс за основу членування історичного процесу беруть форми власності, які виражають різні ступені суспільного розподілу праці: племінна, антична (общинна та державна), феодальна та буржуазна. В результаті цього дослідження показана невідворотність, як здавалося автору, комуністичної форми власності.

Сам К. Маркс вважав своєю головною метою дослідження економіки. У першій власні економічній своїй праці «До критики політичної економії» він формулює (у передмові книги) ще один критерій членування історичного процесу – спосіб виробництва матеріального життя. У якості прогресивно змінюваних етапів суспільного розвитку він називає азійський, античний, феодальний та буржуазний способи виробництва. Вперше азійський спосіб виробництва згадується в переписці Маркса та Енгельса 1853 р. [14, с. 174-267], далі – в статті «Британське володарювання в Індії» [10, с. 130-136]. Але сутність азійського способу виробництва він намагається розкрити саме в економічних рукописах, формуючи положення, що «...азійський, античний, феодальний і сучасний, буржуазний способи виробництва можна відмітити, як прогресивні епохи економічної суспільної формациї» [11, с.7]. Зведені економічні рукописи Маркса були опубліковані лише посмертно, а економічні його дослідження загалом знайшли результативний вираз у «Капіталі». Те, що Маркс звертався до азійського способу саме в основі-основ своєї праці – економічних дослідженнях, показує, що це було не випадково. Просто у дискурсі інших тем, і особливо головної лінії класової боротьби пролетаріату, азійський спосіб виробництва залишився не розкритим, а ленінська традиція

його ігнорування і спрошення теорії задля імплементації її у російську дійсність, як і всяке спрошення, стала вигідною для наслідування, хоча зважимо також на відомі в СРСР дискусії 20–30-х та 60-х рр. За нашою думкою, нерозвиненість початкових етапів історичної періодизації у Маркса трапилася тому, що його роботи були власне не теоретико-історичними, він не мав на меті строго слідувати завданню історичного дослідження, його метою була апологетика робітничого класу, політика та політична боротьба робітничого класу, звідси – декларування умовної щодо історії людського суспільства тези, що «історії усіх суспільств, що існували до сих пір» – це класова боротьба, а головним протиріччям були класові протиріччя (1848 рік, «Маніфест Коммунистичної партії» та ін.). Тільки після смерті Маркса у 1888 р. Ф. Енгельс пояснить та подасть ці позаісторичні (або такі, що не враховують концепт історизму), повторювані неодноразово твердження у якості розуміння тільки періоду історії з часу розкладу первісного суспільства [1, с. 351], точніше, класового суспільства. Відтак, як історики маємо визнати, що праці Маркса не могли не бути тенденційними у допустимому розуміння тенденційності, зважаючи на час їх написання.

Досліджуючи розвиток періодизацій історії узагалі, повинні і відносно марксових праць поставити питання, що спонукало автора до наукової творчості характерного, яскравого напрямку, аналогічно до того, як досліджуючи, наприклад, «Історію» Фукідіда, його незалежність у прагненні до «точного знання» враховуємо, що той походив із знатної, заможної родини, як стратег брав участь у Пелопоннеській війні, творив в період т.зв. давньогрецького «відродження» та ін.

Відомо, що в історіографії науки стосовно джерел марксизму у цілому, посилаючись на В. І. Ульянова [7, с. 40-48] називають три складові частини марксизму – німецьку класичну філософію, англійську (буржуазну) політичну економію і французький утопічний соціалізм. Проте, щодо марксистської філософії, суть якої «є матеріалізм», В. І. Ульянов називає, найперше, французький матеріалізм XVIII ст., на якому «Маркс не зупинився», а

«збагатив... надбанням німецької класичної філософії, особливо системи Гегеля, яка у свій час привела до матеріалізму Фейєрбаха. Головне з цих надбань – діалектика, себто учення про розвиток...». Маркс певним чином використав вчення Гегеля, але викинув суть його ідеалістичної діалектики, прив'язаної до розвитку духу, втілюваного в конкретний, свій народ. Маркс з одного боку критикував гегельянство, а з іншого виступає проти розповсюдженого в Германії того часу зневажання філософії Гегеля, об'являє пізніше (в передмові до другого видання «Капіталу») себе його учнем [12, с. 12-22]. Сам термін «діалектичний матеріалізм» Маркс не використовує, але розуміння розвитку, єдності та протилежних видозмін у розвитку не міг не взяти (в супереч думці традиційних історіографів, починаючи з Ульянова) у подвижників матеріалістичного розуміння природи, яке хоч і не достатньо розроблено у філософії, але давало чіткі орієнтири: матерія – це вічна, не зникаюча у часі та просторі сутність, яка змінює свої форми. Не можна допустити, що Маркс не уважно читав роботи Гегеля, особливо відомий уривок про єдність бруньки та квітки і заперечення квіткою бруньки. З огляду на досягнення природознавства XVIII ст., образ не випадковий, навіть якщо наші подальші приклади систематизації та діалектики природо будуть вибіркові. Ще дід Чарлза Дарвіна – Еразм Дарвін написав книгу, у якій висловив здогадку, що життя виникло з первісних морів, а все живе походить від однієї білкової структури. Чарлз Лайель стверджував, що гірські породи не є результатом потопних відкладень, а результат природних змін. Паризький природознавець Жан-Батист Ламарк багато років вивчав безхребетних і дійшов висновку, що вони розвинулись одні від інших: за Ламарком, один вид еволюціонує в інший через розвиток ознак, вигідніших для пристосування в природному середовищі. Використані Марксом назви «класи» та «формації» щодо суспільства також озвучують внутрішню, глибинну тягливість теорії до кращих розробок систематизації та розвитку живої і неживої природи. Ним наукова, матеріалістична діалектика природи була перенесена на діалектику суспільства. Значно пізніше (1888 р.) Енгельс скаже, що думка про визволення пролетаріату,

«від усякої експлуатації, гноблення, класового поділу і класової боротьби» «повинна для історії мати таке ж саме значення, як для біології мала теорія Дарвіна» [1, с. 351]. Саме так висловився Енгельс, а переінакшення його думки щодо порівняння марксистської та дарвінівської теорій, до якого завжди вдаються, є поправкою марксизму з бажанням подальшої його систематизації, у якій класова боротьба займе історично належне місце¹. Як зазначено, у класиків марксизму багато є висловлювань, у яких вони як історію у цілому, так і власну теорію редукують до історії класової боротьби і світового значення класової боротьби. Отже, якимсь дивним, невідміченим в історіографії марксизму чином, саме класова боротьба, а точніше боротьба пролетаріату, асоціюється з діалектикою розвитку у цілому. Підтвердження тому знаходимо у відомому листі Маркса до близького товариша і члена Союзу комуністів Й. Вейдемеєра від 5 березня 1852 р., де принципово підкреслюється: «Стосовно мене, то мені не належить ні та заслуга, що я відкрив існування класів у сучасному суспільстві, ні та що я відкрив їхню боротьбу між собою. Буржуазні історики задовго до мене виклали історичний розвиток цієї боротьби класів, а буржуазні економісти – економічну анатомію класів. Те, що я зробив нового, полягало в доведенні наступного: 1) що існування класів пов’язане лише з певними історичними фазами розвитку виробництва; 2) що класова боротьба необхідно веде до диктатури пролетаріату; 3) що ця диктатура сама складає лише перехід до знищення усяких класів і до суспільства без класів» [14, с. 424-427].

Як бачимо, тут прямо йде мова про ту Маркову періодизацію історії, яка подана ще в 1844 р. в «Економічно-філософських рукописах»: 1) докласове суспільство; 2) класове суспільство, яке завершується диктатурою пролетаріату; 3) безкласове суспільство. Причому, оскільки формальна періодизація за висновками більшості сучасних вчених – і прихильників, і

¹ На протязі майже 40 років ми висували на перший план класову боротьбу як безпосередню рушійну силу історії, і особливо класову боротьбу між буржуазією та пролетаріатом як могутній важіль сучасного соціального перевороту; тому ми ніяк не можемо йти разом з людьми, котрі що класову боротьбу намагаються викреслити із руху» [13, с. 175].

критиків Маркса – так і залишилась Марксом та марксистами не уповні допрацьованою (П. П. Толочко, Ю. В. Павленко), у всякому разі дешо проблемною (а якщо точніше, вона була тільки «підсобною» у Марковому вченні, бо саме значення класової боротьбі для марксистів було системним у розумінні історичного розвитку), то варто уважніше придивитись до цієї трьохчленної марксистської періодизації. В. І. Ульянов писал в 1913 г.: “Головне в ученні Маркса це – вияснення всесвітньо-історичної ролі пролетаріату як творця соціалістичного суспільства” [6, с. 1].

Тепер значно легше шукати витоки маркового розуміння періодизації історії і його ж розуміння закономірностей історичного розвитку. Історик професор Роман Шпорлюк з посиланням на різних відомих дослідників творчості Маркса пише, що вперше той згадує пролетарський клас у роботі «До критики гегелівської філософії права. Вступ» (1844 р.), вважаючи що цей клас має діяти як визвольна суспільна сила [21, с.49-68].

Ще на початковому етапі формування своїх філософських і політичних поглядів Маркс твердив, що його критика сучасного суспільства була не результатом філософських узагальнень та міркувань, а навпаки — продуктом безпосередніх спостережень реального життя (про це він сам писав у приватному листуванні). Ця критика не потребувала відповідної філософської чи будь-якої іншої надбудови, вона була логічним результатом його власних спостережень повсякденного життя, мала суто емпіричний характер [9, с. 350].

Такі спостереження Маркса, безумовно, винесені з дитинства. Ще тоді, без сумнівів, Маркс звертає увагу на гноблених, вважає можливими такі зміни, що приведуть до світлого майбутнього, до ліквідації гноблення та несправедливості. Безумовно, з усвідомлення себе у навколишньому світі Маркс, ще будучи дитиною, найперше відчув несправедливе ставлення до євреїв, суспільне відчуження до них. Відношення Маркса до пролетаріату як до месіанського суспільного класу повністю співпадає з тим, як розумілося європейськими євреями єрейство в історії: 1) це пригноблений прошарок суспільства, що має надзвичайну значиму попередню історію, його вибраність

історична (божественна); 2) у цій передній історії криється велика сила поступу та невідворотність майбутнього: гнобителі надають гнобленим історичні козирі та безумовні преференції до визволення, бо така доля-заповіт з Богом, або закономірність розвитку; 3) цей прошарок суспільства має право під час визвольних змагань на насилля, зайняття чужого, бо так звершиться істинне, невідворотне велике майбутнє.

Відомо, що батько Карла Маркса – Гиршель (Генріх) Леві Маркс, потомок трірських родовитих рабинів, коли хлопчику було 6 років, прийняв разом із сім'єю протестантизм аби не позбутися звання судового радника. Це насилля над особистістю у дорослому віці Карл не захоче заперечити протестом повернення до віри предків, бо знайде сублімації єврейства численні виправдання, що відомо і зрозуміло, у своїй теорії. Але сублімація єврейства ніколи не буває у єреїв-особистостей повною, бо єврейство не може бути особистісним явищем, – в результаті маємо продуценти космополітизму, месіанства перенесеного на інші суспільні якості, приклади широї допомоги з боку єреїв гнобленим та ін. В сучасному «Коментарі до єрейського Нового Заповіту» читаємо: «Єврей-християнин може сказати: «Я називаю себе християнином, так як я увірував в Ісуса Христа, моого Спасителя і моого Господа, і я повинен бути вірним найперше йому та його Церкві..., тим не менше я народився єреєм, і помру єреєм...» [18, с.364].

Було б невірним щодо наукового дослідження не назвати тут ім'я одного з перших німецьких соціалістів – Мойсея Гесса (1812-1875), засновника вульгарного комунізму та соціалізму, критикованого Марксом, власного та енгельсового вчителя. Маркс мав з Гессом спільні проекти під час праці у кельнській «Рейнській газеті», називав його другом і «багатолітнім союзником» (з листа Маркса вдові Гесса, квітень 1875 р.), про Енгельса після зустрічі з ним він пише Ауербаху: «...залишив мене зверхревностним комуністом». Гесс був лідером руху «істинний соціалізм», що являв собою *синтез ідей* німецького ідеалізму, французького утопічного соціалізму і етики Л. Феєрбаха. У своїй першій книжці «Священна історія людства», написана юним послідовником

Спінози» (1837 р.) Гесс вже намагався поєднати гегелівську тріаду розвитку суспільства з пантеїстичними уявленнями про Бога, запозиченими у Баруха Спінози. Але ж що означає Бог саме для Гесса? Звернемося до необхідних нам аналогій з Марксом, що дозволяють висвітити тему: «Наша релігія (іудаїзм), – пише Гесс у виданій в 1862 р. книжці, – має своєю висхідною точкою ентузіазм раси, яка з моменту своєї появи на авансцені історії передбачала кінцеву мету людства, і якій було дане передчуття месіанського часу... Наш Бог, не що інше, як людська раса, об'єднана любов'ю. Шлях до досягнення такої єдності – соціалістична революція, у якій десятки мільйонів будуть замучені та знищені» (Гесс М. Рим и Иерусалим, Тель-Авив, 1979). «Коли марксисти, – писав відомий російський філософ О. С. Панарін (1940-2003), – протиставляли буржуазну формальну логіку великій пролетарській діалектиці, то, можливо, тільки батьки-засновники вчення усвідомлювали, що джерела такого протиставлення висхідні до драми стародавнього Ізраїлю» [20, с. 81].

Історія показала, що як претензії євреїв на вибраність у всьому світі загалом (що, певно, має аналогії у нацизмі), так і претензії на особливу місію пролетарів з обов'язковою їх диктатурою не виправдались у тих країнах світу, які розвивались системно, без знищення попередніх матеріальних та духовних досягнень. У світовій історії робітничий клас грав не меншу, і не більшу, роль у зміні типів експлуатації, ніж інші гноблені класи. Якщо ж вважати за потрібне все таки говорити про системну роль якогось суспільного класу у зміні типу самовідтворення життя на протязі історичного розвитку загалом, чи просто зміни типу експлуатації, а також про роль у виникненні іншого, ніж у минулі тисячоліття способу експлуатації ресурсів у цілому, то таким класом треба назвати вчених. Хоча вони і не ходять натовпом на роботу, не читають колективно заданих текстів, отже, їх важко організувати на революцію, проте створюють у посталому суспільстві валову частку прибутку, часто залишаючись найменш захищеними у соціальному вимірі, навіть за Марксом експлуатованими з відчуженням необхідного продукту.² Але з вказаної

² «...користування неоплаченою працею інших людей...», – просто й зрозуміло писав В. Ульянов [7, с. 41-42].

причини їхнє становище марксистів та вчених-марксистів, що мусили б розвивати вчення, менш за все цікавить. Дивно, що вчені – історики, соціологи та ін. – так наполегливо не бачать своєї ролі в історії, щораз повертаючись до теорій про роль колишнього гегемона-пролетаря. Доповнимо, що відомий російський вчений С. П. Капіца в останніх своїх працях поділяв історію на дві частини – до демографічної революції, основа якої інтелектуально-індустриальна складова відтворення соціального життя, та після [4, с. 11 та ін.].

А тепер у нашому дослідженні включимо зворотній відлік та перевірку доведення. Якщо якась нація чи клас є вибраними, то мусять бути народи та класи «недостойні» історії. Згідно з прямими (бо такі народи названі, проте для нас це не суттєво) спостереженнями фундаторів марксизму так воно і є. Енгельс розвинув гегелівський концепт про неісторичні народи в дусі революційного радикалізму, диференціюючи нації на «революційні» та «контрреволюційні». Він прямо порівнює у такій дилемі народи та класи: "В найближчій світовій війні з лиця землі щезнуть не тільки реакційні класи та династії, але й цілі реакційні народи. І це також буде прогресом" [22, с. 175-186]. Російський соціолог та політолог С. Г. Кара-Мурза пише: «За такої перспективи ці народи, природно, стають не просто пасивними у відношенні історії, вони, у відповідності з концепцією Енгельса, просто змушені бути контрреволюційними. І хоча таке їх відношення до революції, яка загрожує народам загибеллю, варто було б вважати зовсім розумним та виправданим та воно повинно визвати у *гуманістів* співчуття, Енгельс подібний сентименталізм відкидає» [2].

Далі Кара-Мурза зауважує, що не свобода чи справедливість займає головну позицію у марксизмі, а прогрес як приріст добробуту Заходу. І, нарешті, є вірним висновок вченого, що Енгельс при потребі відкидає класову риторику і представляє історію як «боротьбу народів», ввівши натуралистичне поняття «життєздатності» на рівні соціал-дарвінізму. Чи так вже й дивно, що Заходу така доктрина виявилася потрібною у якості застереження, а народам, що мусять бути знищені без застережень?

У підсвідомості Маркса, з огляду на його природні задатки, розуміє він це сам чи ні, проста людина, робітничий клас стає лише маніпулятивною технологією. Відкинемо етнічні пристрасті і зробимо висновок з наведених порівнянь щодо періодизації історії. Правий П. П. Толочко, що не може йти мова про універсальність формацийної періодизації у зв'язку з реаліями історичних трансформацій. Крім того, універсалізм у марксизмі зліквідований світоглядними установками класиків цього вчення.

Марксизм та марксистська періодизація як футурологія найбільше цікавлять сучасних політиків та управлінців в період економічних криз. Так 20 лютого 2009 року у Колумбійському університеті (Центр «Капіталізм та суспільство», США) відбулася конференція «Emerging from the Financial Crisis» за участю провідних аналітиків, економістів та фінансистів з проблемних питань розвитку в умовах економічної кризи. Там розгорілася дискусія про можливість «полівінь» за Маркском, особливо коли за прогнозами збанкрутують світові банки і відбудеться їх націоналізація, а потім перехід до комунізму. Така дискусія свідчить про відсутність солідних розробок з соціології щодо системності суспільних трансформацій. Закордонні вчені забули, що неодмінним елементом розвитку за Маркском є «звільнення праці» і знищення приватної власності, конкуренції. Історичне «звільнення праці» суперечить реаліям необхідності збільшення продуктивності праці для перемоги нового суспільного ладу за вченням тих самих марксистів, тому без насилля, самочинний та поступовий перехід до комунізму навіть в умовах кризи в розвинених країнах ринкової економіки неможливий. Сам Маркс, характеризуючи свою концепцію як «матеріалістичне розуміння історії», акцентував увагу на тому, що ключем до розуміння ходи історії є виробнича діяльність, її історична розвиненість. Отже, він очікував, що пролетарська революція, яка буде знаменувати настання третього етапу всесвітнього історичного розвитку, пройде, найперше, у розвинених країнах Західної Європи. Лише деякі країни (Великобританія, США) змогли б таку революцію провести не насильницьким шляхом.Хоча Маркс і допускав, що в Росії як

виняток каталізатором перемін може бути традиційна селянська община, проте суть незмінна – саме індустріальні країни найбільш готові у сенсі історико-матеріалістичного розвитку до революції. Але так не трапилось. Одна з версій – капіталісти врахували досвід Росії. Але тоді зникає системність та достовірність істмату як науки. Так воно і є, бо причина того в іншому. Справа в тому, що у розвинених країнах, що пройшли певну стадію демографічного переходу, пов’язаного з промисловою революцією чи/та індустріалізацією, зникає демоекономічний потенціал пролетарських революцій. Недолік Маркса не у тому, що він занадто матеріалістично-економічний, а в тому, що він не міг бути у достатній мірі таким, особливо історично-матеріалістичним. Він не міг знати більш загальні закони, ніж ті, що слідували із знань про ідеалізований гуманістами прогресивний розвиток суспільства, а саме ті, що виявляються у результаті нових досягнень технологій та матеріального виробництва, вивчення демоекономічних трансформацій з найдавніших часів (О. Є. Кислий, С. П. Капіца). Для нього пролетарі залишились романтичними борцями за майбутнє усього людства (читай: майбутнє лише західноєвропейських країн), а не реальним демоекономічним, плинним в історичній своїй значимості прошарком, котрий буде змінено іншим, таким, що відіграє ще більш значну роль у суспільному виробництві разом з принципово новим відношенням до ресурсів та їх експлуатації. Розуміючи експлуатацію найбільш широко, ми мусимо погодитись з її історичністю доти, доки існує суспільство [4, с. 55]. Суспільство виникло разом з необхідністю змагання у формі соціальної експлуатації, і її зникнення буде означати зникнення суспільства. Перша логічна помилка марксово-енгельської системи історичної періодизації була в тому, що вони умовно та гіпотетично виокремили етап первісного комунізму, безкласового суспільства, начебто без експлуатації. Проте, прийнявши до уваги тільки класи, породжені майновою нерівністю, що стала до потреби при зародженні державного управління суспільством, вони з логіки необхідного дослідження усякої експлуатації виключили більшу частину людської історії. Якщо то «клас» у визначенні системному, то чому у систематизації і

періодизації історії він не об'єднує тотожні сутності від начала історії? Якщо то випадкова назва, то тоді мусили б знайти іншу логіку і термін. За нашою думкою, назву «клас» маємо залишити для дослідження періодизації усього людського суспільства [3, с. 261-271]. Так у Маркса трапилось тому, що його періодизація історії ідеологічно спрямована, вона прив'язана до ідеї «визволення праці» місіонерським «класом» пролетарів. Формаційна марксистська періодизація також стала заручником ідеї поділу суспільства на класи, довелося під цю ідею вводити вузьку діалектику зміни класів, що не є таксономічним рядом у розвитку усього суспільства. Як же бути з експлуатацією, що наче б то заважає продуктивній праці безпосереднього виробника матеріальних благ? Адже саме так у матеріалістів-системників мусить стояти питання з позицій марксистської політекономії – замість прокламації революційного «визволення праці» пролетарів без наукових розробок конкретних чинників, що будуть знаменувати шлях до більш високої продуктивності праці за нового суспільного ладу. Проблема, звісно, не в експлуатації самій по собі у вигляді відчуження додаткового продукту. Експлуатація має історичні не класово значимі форми, а демоекономічно значимі форми. Тільки історично сучасні, виправдані та адекватні даному етапу розвитку виробничих сил форми експлуатації під час організації суспільного виробництва можуть бути виправдані та дати стабільний результат, дійсно вищу продуктивність праці, а не вищий рівень потогону, чи «більшу кількість» (sic! – ось як легко було одним терміном погодити марксизм і рабовласницьку експлуатацію в СРСР) «продукції за одиницю виробничого часу». Усі інші, «минулі» форми експлуатації до яких би високих технічних результатів, індустріалізації та ін. вони не привели, дадуть в решті-решт від'ємний результат.

Як же з урахуванням формаційної періодизації розуміти період існування СРСР? Хоча Маркс неодноразово підкреслював, що не має намірів писати «реceptи для кухні майбутнього», проте прогнози довелось робити, бо без них зникала цінність вчення. Виходячи з тих модельних допусків, які Марксом були

закладені у його періодизацію історії, розуміння її ходи, ним були спродуковані помилки розуміння майбутнього, а тим більше помилки були зроблені його наступниками спочатку у революційному запалі, а потім в умовах захисту завойованого. «Між капіталістичним суспільством та комуністичним, – прогнозував Маркс, – лежить період революційного перетворення першого у друге. Цьому періоду відповідний і політичний перехідний період, і держава цього періоду не може бути нічим іншим, крім як революційною диктатурою пролетаріату» [11, с. 9-32]. Ми вже знаємо, що ніякої диктатури пролетаріату саме в тих країнах, де вона мусила очікувано бути згідно вчення, не було. Була найжорсткіша диктатура в СРСР, спрямована у найбільшій мірі проти самих же трударів та експлуатованих, бо Маркс всупереч своєму вченню все ж зауважив, що на основі російської селянської общини можна буде побудувати соціалізм. І якщо в країнах розвиненої ринкової економіки вдалося побудувати соціалізм з «людським обличчям», то пролетарська диктатура в СРСР стала умовою повернення до жорстокої експлуатації минулого – однозначно рабського та феодального типу (у роботі «Про державу» В. Ульянов написав, що феодалізм в Росії нічим не відрізнявся від рабовласництва). Прикриттям же цієї експлуатації стало вчення про «класове» суспільство, яке допускало історичний етап побудови «безкласового» суспільства. Демоекономічні здобутки мільйонів людей, услід за хибною логікою філософів, соціологів майбутнього, періодизаторів історії, були викреслені з потенціалу націй – росіян, українців, євреїв, німців та ін. Ми показуємо тут уважному читачу, що не говоримо про мільйонні людські жертви «кухні» знавців рецептів майбутнього. Ми говоримо тільки про той демоекономічний потенціал, що допустимо витрачається в таких масштабах лише в умовах дикої природи (але тоді це не демоекономічний потенціал), або в умовах світової війни епохи самовідтворення народонаселення з розширеним кількісним приростом населення. Відмова від капіталістичного напрямку розвитку, від конкуренції з кращими зразками світового виробництва в СРСР фактично підтвердила висновок Маркса про неісторичність східних слов'ян.

В Росії не тільки з виникненням ринкових відносин та зачатків капіталізму, але й раніше, йшла гостра боротьба старого типу відтворення життя та нового. Кращими людьми країни після ряду європейських буржуазних революцій вона сприймалася як боротьба передових сил за свободу, рівність, подолання пережитків кріпосництва, причому було зрозуміло, що нові тенденції, закономірно виникаючи не на пустому місці, щоразу надовго були переможені реакцією. Боротьба загострилася в кінці XIX – на початку ХХ ст., коли виріс додатково рівень капіталістичної експлуатації у цілому. Тепер ідеї марксизму для багатьох виглядали не просто як передові, а такі, що несуть потенційну свободу подібно до минулих революцій в Західній Європі, і навіть більше – знищення усякої неправди, настання ери комунізму, подібно до первісного комунізму, коли не буде експлуатації і відчуження експлуататорами чи експлуататорською державою додаткового продукту. Перша світова війна до межі загострила протиріччя, країна могла перестати існувати і значна її частина могла піти західним шляхом. Проте можливості екстенсивного розвитку на теренах Росії ще не було вичерпано. Тому найбільш передові, найбільш демократичні ідеї стають підпорядковані рівню розвитку базису у цілому, стану ресурсів та економіки. У цій ситуації Ульянов, та керована ним пролетарська партія РСДРП під гаслами марксизму спасає від остаточного краху і продовжує в іншому «класовому»³ оформленні стару систему експлуатації, що базувалася на рабсько-феодальних відносинах. Західні та релігійні російські філософи потім скажуть, що було порушені духовні засади розвитку, бо переміг матеріалізм, індустріалізація, колективізація як приклади бездуховності. Для нас є безумовним: 1) на коротких проміжках часу історичний час може бути затриманий (умовно) у своїх трансформаціях; 2) розвиток будь яких найновіших технологій, отриманий за рахунок старого, минулого для

³ «А що є класи взагалі? Це те, що дозволяє одній частині суспільства привласнювати собі працю іншої» [8, с. 310].

передових країн-сусідів рівня експлуатації ресурсів не є визначальним для майбутніх трансформацій, як правило з приходом можливості нового рівня експлуатації він не буде використаний, і набуті продуктивні сили пропадають марно.

Висновки. І ось ми опиняємося в ситуації, коли поняття суспільно-економічної формациї (системне, широко і успішно використовуване, хоча, з іншого боку й нищівно критиковане різними дослідниками) можна розглядати як дотичне до теорії класів. Така ситуація, загалом, не дивна. У науці найкращі досягнення зроблені не як спеціальні розробки, а як дотичні, такі, що слідували за іншими, що здавались спочатку більш вагомими. Загалом формаційна теорія з точки зору системності історії з моменту становлення людського суспільства до його завершальних трансформацій не допрацьована. Сучасні новітні дані про хід історії дозволяють виробити інші моделі періодизації історії на основі діалектики більш загальних перемін, ніж врахованих марксизмом. Як критикам Маркової періодизації, так і, очікуємо, майбутнім її розробникам треба пам'ятати, що будь-яка періодизація історії є лише моделлю, схемою, що можуть використовуватись фахівцями-істориками, а не самою історією. Тому, якщо тільки немає мети знищити політичного противника, немає й сенсу історикам-науковцям «критикувати» опонентів до повного знищення їхньої думки.

Джерела та література

1. Енгельс Фрідріх. Передмова до англійського видання «Маніфесту Комуністичної партії» 1888 року / Ф. Енгельс // Маркс К., Енгельс Ф. : Твори. – Київ: Вид-во політичної літератури України, 1964. – С. 351.
2. Кара-Мурза С. Г. Маркс против русской революции, 2008 / С. Г. Кара-Мурза // Электронный ресурс : <http://www.e-reading-lib.org/book.php?book=145404>.

3. Кислий Олександр. Демографічний вимір історії / О. Кислий. – К. : Арістей, 2005. – 238 с.
4. Кислый Александр. Система начал, трансформаций и завершения истории. Аннигиляция человека, истории, культуры /А. Кислый. – К. : Скиф, 2013. – 370 с.
5. Ленин В. И. Вульгарный социализм и народничество, воскрешаемые социалистами-революционерами / В. И. Ленин // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. – Т. 7. – С. 41–42.
6. Ленин В. И. Исторические судьбы учения Карла Маркса / В. И. Ленин // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. – Т. 23. – С. 1–4.
7. Ленин В. И. Три источника и три составных части марксизма / В. И. Ленин // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. – Т. 23. – С. 40–48.
8. Ленин В. И. Задачи союзов молодежи (Речь на III Всерос. съезде Рс. Ком. Союза Молодежи 2 окт. 1920 г.) / В. И. Ленин // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. – Т. 41. – С. 298–318.
9. Маркс К. Письма из «Deutsch – Französische Jahrbücher». Маркс Руге / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. — Т. 1. — С. 350.
10. Маркс К. Британское владычество в Индии / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Т. 9. – С. 130–136.
11. Маркс К. Критика Готской программы / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – Т. 19. – С. 9–32.
12. Маркс К. Капитал: Т. 1. – М. : Политиздат, 1960. – 907 с.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Циркулярное письмо Л. Бебелю, В. Либкнехту и др. / К. Маркс, Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – Т. 19. – С. 161–175.
14. Маркс К., Энгельс Ф. Письма / Маркс К., Энгельс Ф. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – Т. 28. – 796 с.
15. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Политиздат, 1977. – 63 с.

16. Павленко Юрій. Історія світової цивілізації / Ю. Павленко. – К.: Либідь, 1996. – 360 с.
17. Павленко Ю. В. Концепція рабовласницької формaciї: виникнення, криза та сучасний стан / Ю. В. Павленко // Археологія. – № 4. – 1990. – С. 125-137.
18. Стерн Девид. Комментарий к еврейскому Новому Завету / Д. Стерн. – М. : Силоам, 2004. – 1158 с.
19. Толочко П. П. Археология и древняя история (В защиту исторического марксизма) / П. П. Толочко. – К. : Академпериодика, 2007. – 104 с.
20. Философия истории: Учебное пособие / Под ред. проф. А. С. Панарина. – М. : Гардарики, 1999. – 432 с.
21. Шпорлюк Роман. Комунізм і націоналізм: Карл Маркс проти Фрідріха Ліста / Р. Шпорлюк. – К., 1998. – 480 с.
22. Энгельс Ф. Борьба в Венгрии / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – Т. 6. – С. 175–186.

Автор исследует марксистскую концепцию периодизации истории как одну из наиболее используемых и системных. Показывает потребность её рассмотрения не апологетически и не сокрушительно критически, а в рамках поиска возможных концептов для ее усовершенствования. Среди главных направляющих статьи – тезисы о том, что понятие общественно-экономической формации можно рассматривать как косвенное по отношению к теории классов и что современные новейшие данные о ходе истории позволяют выработать другие модели периодизации истории на основе диалектики более общих перемен, чем те, которые учитывает марксизм.

Ключевые слова: формационная периодизация, историческая периодизация, классы.

The author examines the marxist concept of periodization of history as one of the most common and systematic. Shows the need to considerate this concept not apologetically or devastatingly critically, but to research in the search of possible concepts for its improvement. Among the main conclusions of the article - the thesis that the concept of social and economic structures (orders) can be considered indirectly to the theory of classes, and the latest data on the course of history allow to develop other models of historical periodization based on dialectics broader changes than those who considers marxism.

Key words: formational periodization, historical periodization, classes.

Н. О. Бережна

Мовна ідентичність вірмен Центральної України (за матеріалами переписів 1989 та 2001 рр.)

На матеріалах статистичних переписів 1989 р. та 2001 р. проведено аналіз мовної ідентичності вірмен центральних областей України. Звернуто увагу на те, що мовна ідентифікація не завжди співпадає з національною. Потрапляючи в полікультурне середовище, люди доволі швидко переходят на російську чи, як більшою мірою на Черкащині, українську мову.

Ключові слова: вірмени, національна меншина, Центральна Україна, ідентичність.

Пропонована до аналізу проблема (як складова сучасного українського вірменознавства) ще не отримала висвітлення в історичній науці. Вона, як легко помітити з рідкісних публікацій, навіть концептуально не сформульована. До того ж основні зусилля дослідників традиційно більшою мірою зосереджені на історії появи та початкового розселення вірменської національної меншини на теренах сучасної України [1, с. 233]. Поки що обходили її увагою і краєзнавці. Основною причиною такої байдужості дослідників є брак джерельної бази, точніше відсутність опублікованих (а отже, доступних для користування) матеріалів, зокрема й останніх переписів населення України. Очевидно, що одними з репрезентативних джерел, які доречно пропонувати для поглибленого наукового пошуку, є власне дані статистики.

Щодо переписів 1989 та 2001 рр., то основні статистичні показники виявлено авторкою в рукописних фондах профільних міністерств і відомств України (у примітках їх зазначено під назвою “особистий архів”). Вони дають змогу простежити динаміку чисельності цієї національної меншини в регіонах України, зокрема й у центральних областях – Київській, Чернігівській, Полтавській, Черкаській. Із огляду на “тематичні особливості” проведення обох переписів, є нагода проаналізувати насамперед статеві, освітні, вікові та деякі інші відмінності вірменської громади у вказаних областях, специфіку

міграційних процесів, окрім обставини збереження, формування й трансформації мовної (ширше – національної) ідентичності. Крім того, застосування цих показників може бути основою для подальших (поглиблених) наукових досліджень проблеми та творення більш масштабних і грунтовних синтезів.

Мета статті – звернувши першочергову увагу на зміни в мовній ідентичності, відтворити відповідний аспект загального “статистичного портрету” вірменської громади Центральної України напередодні розпаду СРСР, а також протягом першого десятиліття від появи на політичній карті Східної Європи незалежних держав Україна та Республіка Вірменія.

Стосовно джерельної бази, то маємо офіційні (хоча й не опубліковані на сьогодні) дані, які свідчать, що від 1989 р. до 2001 р. чисельність вірмен у центральних областях України зросла з 3596 до 7702 осіб, тобто протягом 12 років збільшилася на 4106 осіб (приблизно в 2,1 рази). Також важливо зазначити, що кількість вірмен у міських населених пунктах зросла за цей самий період з 2734 до 4896 осіб (у 1,8 рази), а в сільській місцевості – з 862 до 2806 осіб (у 3,2 рази) (відповідно збільшення відбулося на 2162 та 1944 особи, але в селах тенденція мала явно випереджаючий характер). Позаяк нам вдалося виявити більш-менш повно статистику щодо розподілу вірменського населення у містах та у сільській місцевості центрального регіону, то її подаємо у вигляді зведеної таблиці (табл. 1) [2; 3; 4; 5].

Таблиця 1

**Розподіл вірменського населення центральних областей
за типом поселень**
(умовні позначення: М – міста; С – сільська місцевість).

Область	Київська			Чернігівська			Полтавська			Черкаська		
	Усе	М	С	Усе	М	С	Усе	М	С	Усе	М	С
1989	1165	844	321	481	409	72	1314	991	323	536	490	146
2001	2341	1386	955	934	658	276	2678	1730	948	1749	1122	627
Разом	3506	2230	1276	1415	1067	348	3992	2721	1271	2285	1612	773
% зростання	101	64	210	96	61	283	104	75	193	226	129	329

Маємо також найповніші дані перепису 2001 р. щодо кількісного складу вірменського населення за таким показником як рідна мова. Це дає підстави простежити ситуацію з мовною ідентифікацією цього національного прошарку населення. Дані теж подаємо у вигляді зведеної таблиці (табл. 2) по чотирьох областях.

Таблиця 2**Розподіл вірмен за рідною мовою (2001 рік)**

Область	Усього	з них як рідну вказали мову:				
		вірм.	укр.	рос.	ін.	із загальної кількості зайняте населення
Київська	2341	1362	326	639	14	903
Полтавська	2678	1638	330	699	11	860
Черкаська	1749	1203	197	337	10	598
Чернігівська	934	545	132	249	8	303
Разом	7702	4748	985	1924	43	2664

Крім того, є нагода детальніше охарактеризувати мовну ідентичність вірмен у Черкаській області, порівнявши дані 1989 та 2001 років. Тож у 1989 р.

вірменську мову вважали рідною 54,7% вірмен області, у 2001 р. таких нарахувалося значно більше – 68,7%. По українськомовних та російськомовних вірменах цей показник склав відповідно: 9,4% та 34,6% в 1989 р. і 11,2% та 19,2% в 2001 р. Із-поміж інших тенденцій помітним стало деяке зростання україномовних вірмен у сільській місцевості. Якщо в 1989 р. такі становили 7,5% тутешньої громади, то в 2001 р. – 12,9%. (табл. 3). Маємо дані 1989 р., що 4 особи (у міських поселеннях) вказали у якості рідної грузинську мову [7; 8].

Таблиця 3

**Розподіл вірменського населення
за рідною мовою (1989 р.)**

	Кількість осіб	із них вважають рідною мовою:		
		вірм.	укр.	рос.
Усе населення	636	348	60	220
Міське населення	490	233	49	202
Сільське населення	146	115	11	18

У цілому на початку ХХІ ст. серед міського населення Шевченківського краю 709 вірмен (63,7%) вважали рідною мову своєї національності, 116 (10,4%) – українську мову, 288 (25,8%) – російську. Склад вірмен за рідною мовою у сільській місцевості мав такий вигляд: для 494 (78,8%) осіб рідною була вірменська мова, для 81 (13,2%) – українська і лише 49 (8,0%) вірмен вважали рідною російську мову. Зменшення частки російськомовних вірмен добре помітна якраз у селах регіону, які, попри всі тривалі ще з XIX ст. модерні впливи, зазвичай залишаються україномовними (табл. 4) [7].

Таблиця 4

**Розподіл вірменського населення
за рідною мовою (2001 р.)**

	Кількість осіб	із них вважають рідною мовою:		
		вірм.	укр.	рос.
Усе населення	1749	1203	197	337
Міське населення	1122	709	116	288
Сільське населення	627	494	81	49

Подібну тенденцію спостерігаємо в Київській області, де протягом 12 років, що їх досліджуємо, кількість україномовних вірмен у сільській місцевості зросла на 5%, натомість чисельність представників цієї національної меншини, які вважали рідною російську, зменшилася майже на 10%. Попри ці зміни, російська мова продовжує домінувати серед міського населення Київщини й надалі [9].

Помітна більшість представників вірменської громади, яка в Черкаській області на початку 2000-х рр. нараховувала 1749 осіб, зберігала свою національну, тобто власне вірменську мовну ідентичність. З огляду на те, що на момент проведення другого перепису в містах мешкало майже дві третини громади (64,4%), показовою виявилася дещо інша тенденція. Серед вірмен, які пройшли мовну асиміляцію й продовжували жити в урбанізованому мікросередовищі, порівняно більший відсоток виявився таких, що вважали своєю рідною російську мову. Є серйозні підстави вважати, що ця група, яка вочевидь складалася як із числа здавна проживаючих тут, так і нещодавно прибулих переселенців, у своєму житті подолала один асиміляційний ступінь. Власне кажучи, ці люди зберегли той рівень адаптації до “невірменського” середовища, який дістався їм у спадщину від радянської доби, коли чи не для всього населення багатонаціональної країни СРСР “рідною” вважалася російська мова.

Дещо інакше виглядає ситуація з тими вірменами, котрим випало мешкати в сільській місцевості. Передусім треба зазначити, що таких виявилося більше третини від загальної кількості – 35,6%. Більш-менш тривале

перебування представників цієї діаспорної групи в іншомовному (ширше – іншокультурному) середовищі продемонструвало відносно гнучкішу її склонність до культурного взаємовпливу. Зберігаючи здебільшого відому прихильність до національної мовної традиції, вірмени, коли мали хист і здібності до запозичення місцевої мовної практики, не виглядали такими вже однозначними.

Зрозуміло, що вищезгадана й продемонстрована мовою статистики “українізація” не потребує жодного перебільшення. Адже сукупно йдеться про кілька десятків людей, до того ж життя кожного вірменіна виявилося тісно переплетеним із традиційним укладом українського села. На жаль, ми не маємо точніших даних про те, який час потрібно було україномовним вірменам для “вироблення” нової мовної ідентичності, власне як і розуміння “технології” цього процесу.

Щодо проблеми мовної ідентичності вірменського населення, то цікавим видається той факт, що ще в одній сусідній області – Полтавській, на відміну від Черкаської та Київської областей, кількість вірмен, які вказали рідною мовою російську та українську, у сільській місцевості виявилася на початку ХХІ ст. майже однаковою [3].

Авторка вважає, що проблема мовної адаптації (асиміляції) вірменського населення в українському етнічному середовищі, яке в цьому випадку презентоване абсолютною більшістю міських та сільських населених пунктів центральних областей України, потребує детальнішого аналізу. Зокрема, доцільно буде порівняти рівень та наслідки цього процесу в контексті подібного пристосування представників решти національних меншин, включаючи російську. Для цього в подальших студіях заплановане використання матеріалів польових досліджень (соціологічних опитувань).

Отже, відповідно до статистичних даних переписів 1989 та 2001 рр., мовно-асиміляційні процеси на території значної частини Центральної України охоплюють передусім вірмен сільської місцевості. Це простежуємо не тільки в Черкаській, а й сусідній Київській областях. Водночас означене явище не

настільки характерне для вірменського населення всієї України, навіть окresленого регіону. Приміром, на сусідній Полтавщині згадана тенденція має відчутні особливості. У будь-якому разі є серйозні підстави вважати, що мовна ідентичність вірмен не завжди співпадає з їхньою національною тотожністю. Представники вірменського етносу є традиційно досить стійкими до національної асиміляції, тобто “залишаються вірменами”, попри те, що в полікультурному середовищі доволі швидко переходят на “загальнозвживану” російську чи, як більшою мірою на Черкащині, опановують українську мову.

Джерела та література

1. Залізняк Л. Київська Русь: проукраїнська держава чи “спільний стовбур” східних слов'ян / Л. Залізняк // Український історик. – 1998. – № 35. – С. 230–237.
2. Матеріали Головного управління статистики в Київській області. – Особистий архів автора.
3. Матеріали Головного управління статистики у Полтавській області. – Особистий архів автора.
4. Матеріали Головного управління статистики у Чернігівській області. – Особистий архів автора.
5. Матеріали Головного управління статистики у Черкаській області. – Особистий архів автора.
6. Матеріали Всеукраїнського перепису населення 2001 року, табл. 5.1 “Розподіл населення за національністю та рідною мовою” (Черкаська область в розрізі міст та районів). – Особистий архів автора.
7. Населення Черкаської області (за даними Всеукраїнського перепису населення 2001 року). – Черкаси, 2013.
8. Материалы Всесоюзной переписи населения 1989 года, табл. 9-с “Распределение населения по национальности, полу и родному языку” (Черкасская область). – Особистий архів автора.

9. Розподіл вірменського населення за рідною мовою. – Матеріали Головного управління статистики у Київській області. – Особистий архів автора.

На материалах статистических переписей 1989 г. и 2001 г. проведен анализ языковой идентичности армян центральных областей Украины. Обращено внимание на то, что языковая идентификация не всегда совпадает с национальной. Попадая в поликультурную среду, люди достаточно часто переходят на русский или, как преимущественно в Черкасской области, украинский язык.

Ключевые слова: армяне, национальное меньшинство, Центральная Украина, идентичность.

According to the census of 1989 and 2001 the analysis of the linguistic identity of Armenians from Central Ukraine has been completed and confirmed. The author draws attention to the fact that the linguistic identification doesn't always coincide with the national one. As a result of being in a multicultural environment, people often start using Russian or Ukrainian (the latter mainly in Cherkasy Oblast).

Key words: Armenians, national minority, Central Ukraine, identity.

Ж. Ю. Даюк

Аналіз діяльності Кременецького ліцею XIX століття іноземними дослідниками

У статті аналізується діяльність Кременецького ліцею Південно-Західного регіону, який сприяв підняттю культурно-освітнього рівня серед широких мас населення. Він відіграв важливу роль у формуванні освіти та подальшому створенні умов для розвитку її у цьому краї.

Ключові слова: освіта, оцінка, культура, ліцей, викладач, дослідник, діяч, незалежність.

Актуальність дослідження. Проблема аналізу виникнення та діяльності Кременецького ліцею початку XIX століття викликає великий інтерес у науковців, широкої громадськості. Це – природно. Дослідження цієї доби в історії України має виняткове значення.

Історичний досвід минулого є особливо подій сучасної епохи Української держави, що характеризуються бурхливим пробудженням і зростанням національної свідомості громадян, розбудовою державності і супутніми їм процесами різкого загострення політичного та соціально-економічного життя, вимагають нових підходів до з'ясування і розкриття проблем духовно-культурного відродження, національного виховання, ролі релігії і церкви у цих процесах.

Актуальне значення має розкриття питань, над якими працювало багато дослідників, істориків та науковців. Серед них: М. Василенко, С. Чуйко, С. Коляденко, А. Холмський, А. Лопухівська, M. Rolle, E. Kula, K. Riwonski. *Предметом дослідження* цієї теми є аналіз діяльності Кременецького ліцею, який був даний іноземними дослідниками.

Основні завдання досліджуваної нами теми полягають у такому:

- розкриття полонізаторського характеру навчання з точки зору російських та польських діячів;
- аналіз впливу релігії на учнів Кременецької гімназії;
- проблема ополячення Південно-Західного регіону України;
- вплив політичних подій на навчання та виховання ліцеїстів.

У джерельних виданнях простежується полеміка польських та російських авторів [6]. Суть звинувачень росіян до Кременецького ліцею зводиться до того, ніби таке навчання сприяло полонізації краю та навертало молодь до протизаконної політичної діяльності.

Що, на їхню думку, вказувало на колонізаторський характер навчання? Ще в перші роки існування гімназії в середовищі росіян, а особливо серед православного духовенства, виникли розмови про те, що Т. Чацький у своїх колонізаторських устремліннях зайшов настільки далеко, що робить усе для того, аби в школах подільських та волинських була тільки «наука польська» і учні та викладачі поляки [1].

Ці звинувачення, зважаючи на утвердження Росії в краї, можна пов'язати з неприязнню до особи Т. Чацького, яка виходила від намірів цих кіл бачити на посаді візитатора «родового росіянина». Таке твердження знаходимо в працях російських авторів щодо національного характеру навчання того часу.

Щоправда, у дискусії, що розгорнулася, є й деякі особливості. Зокрема знову зазначається, що викладачами в ліцеї були поляки або уніати, а мова викладання – польська (так, професор Е. Словацький у промові «Про потребу вдосконалення народної мови та вживання рідної у викладанні наук» підкреслював, що посилена увага до польської мови ще з початків панування Станіслава-Августа повинна бути продовжена, незважаючи на усі труднощі)[3].

Водночас Т. Чацького звинувачували і в тому, що не було організоване видання нових підручників, а ті, за якими велося викладання [2], були впроваджені ще в часи функціонування Комісії народної освіти

(Едукаційної) [9]. Таким чином, навіть під російським пануванням на Волині в галузі освіти продовжувалось використання методів, запроваджених ще польською комісією.

Що стосується учнів, то в цих роботах зазначається, що це, як правило, були поляки-католики. Однак тут вже знаходимо свідчення про те, ніби Т. Чацький сприяв тому, аби в школах виховувались уніати і росіяни, які, таким чином, серед переважаючих чисельно поляків утрачали з часом окремі риси, тобто полонізувалися. До того ж, православні не вчили окремо історії релігії, а слухали цей курс разом з католиками, а релігійні служби слухали в гімназійному костелі [5].

Хоча стосовно інших шкіл польські автори не мають що сказати, але припускають, що Т. Чацький не міг бути проти викладання релігійних наук учням православного обряду їхніми духовними пасторами. «А якщо ліцеїст бажав іти у костел на урочисту службу з музикою, яку можна було порівняти із справжнім концертом, замість того, аби йти до пустої церкви – хіба треба цьому дивуватись?» – запитують вони. Тогочасні пам'ятки також відзначають, що певна кількість росіян постійно відвідувала ліцеїний костел. За прикладом старших відповідним чином робила і дітвора, і «ніхто не вважав це невідповідним чи шкідливим для російської народності» [8].

Про справжні результати описаного вище навчання довідуємося із такого епізоду. Коли в 1820 році міністрів освіти Голіцину доповіли, що православні не вивчають окремо релігійних наук і разом з іншими ліцеїстами ходять до костелу, то на свій запит він отримав відповідь, що учні, сини російських урядовців та військових, наприклад, Марченко, Воскобойніков і багато інших чудово володіють польською мовою і навіть пишуть нею подання і клопотання до уряду.

Потрібно навести і статистику росіян, які навчалися у волинських школах: у ліцеї – 34, у Житомирській школі – 27, в Овручі – 19, у Любарі – 16, у Межиріччі – 8, у Бердичеві – 8, у Володимири – 5, у Луцьку – 4, у Теофіполі – 3, у Клевані і в Олиці по 2 особи [3].

Отже, поляки роблять такий висновок. Якщо в ліцеї з 600 вихованців 34 – росіяни, не дивно, що, незважаючи на лояльне ставлення шкільного керівництва, вони ополячувалися. І у відповідь на закиди у виключно польському характері шкіл та викладачів заявляють, що не могло бути інакше. По-перше, Т. Чацький запрошує польських викладачів не тому, що іноземець міг краще викладати, а для того, щоби той, хто хотів досягти справжніх знань, міг навчатися без перекладачів, у яких, тим більше, відчувався кадровий дефіцит. А по-друге, хай би навіть така мета була, засновник гімназії і його послідовники не приховували цього, саме їх праця була санкціонована тодішньою російською владою. Сам міністр освіти Завадовський зазначив, що південно-західний край повинен бути регіоном польської школи і цивілізації. Та й зрештою, на самому початку царювання Олександра I було визнано ці провінції регіоном польськості. Тому польські дослідники цілком погоджуються з твердженням одного з російських монографістів, який писав: «Невідомо, чи в полонізації Волині, Поділля і України належить більше звинувачувати А. Чарторийського і Т. Чацького чи, владу, яка всі постанови цих діячів легалізувала, уповноважила, надаючи їм сили закону» [4].

Треба сказати, що «польський дух» навчання зберігався деякою мірою і після поразки повстання 1830 року уже в російських школах. На характер такої освіти, як уже зазначилося, вплинуло те, що майнове становище поляків після розділу Польщі і до 1830 року майже не зазнало змін. Російська сторона до 1838-39 рр. залишила їх господарями у південно-західному краї.

Оскільки в росіян не було достатньої кількості викладачів серед своїх, вони змушені були запрошувати несимпатичних їм учителів «минулоД епохи», у тому числі й кременчан. Зокрема у тому ж Київському університеті в 1834 році з 20 професорів 16 осіб було з ліцею. У відкритій у 1832 році Луцькій гімназії значна частина кафедр була зайнята поляками. Так стверджують ті ж В. Шульгін і С. Владімірський-Буданов, але, не маючи списків учителів середніх шкіл, важко говорити, що саме так і було.

Отже, навіть після 1830 року створювалися, образно кажучи, нові «освітні будівлі» на старому фундаменті. Про те, що після 1830 року освіта залишилася засобом підтримки польськості, оскільки більша частина учнів була тоді поляками, а їхня національна солідарність – досить стійкою і поза заняттями, вказують французький дослідник Д. Бовта та польський Ф. Равіта-Гавронський, який у передмові до книги А. Андржейовського «Ramoty Starego Detiuka o Wolyni» зазначає, що вже не стало ліцею, були закриті школи у Вінниці, Умані, Межиріччі, а ще довго, до половини XIX ст., у реформованих уже школах носився над ними дух Т. Чацького. Такі відголоски залишилися і в відкритій за Т. Чацького київській гімназії, де в навчанні панувала культивована ним система взаємодопомоги, а учнівські забави (ігри, майвки), невідомі для російської школи, упроваджені у школах Т. Чацького на початку XIX ст., дожили аж до 1864 р. [7].

Що стосується оцінок тих моментів, які, на думку російських авторів, навертали шкільну молодь на шлях політики, то тут в їх судженнях немає одностайності. В. Шульгін, наприклад, оцінює саму систему навчання більш відсторонено, схиляючись до думки, що польські школи значною мірою сприяли 1830 рокові, але це сталося тому, що послідовники Т. Чацького спровокували його мету [6].

З цим не погоджується С. Владімірський-Буданов, вказуючи, що вже сам статут гімназії містить непедагогічні пункти такі, як збори, вибори, виголошення промов, учнівські суди і т. п. Ці методи використовувала ще польська комісія народної освіти, бо це навертає учнів до давніх предків, до часів єдиної Польщі. Правда, пізніше вже і В. Шульгін також пише, що «лише повстання 1830 року відкрило владі очі на хитрого колонізатора Західної Росії кн. А. Чарторийського і його союзника Т. Чацького. У такий спосіб (за допомогою шкіл) вони полонізували і латинізували південно-західні губернії Росії» [1], а про те «Сколь успішно велись дела ополчення молодежі в школах Віленского ученого округа», – пише П. Голубовський, – «видно из дел Комиссии Новосильцева, проливающих яркий свет на это

темное пятно западнорусской исторической жизни. Из этих дел видно, что в 1805 г. еще нужно было вербовать учеников в польские легионы, в 1818 г. они уже добровольно обрекали себя в жертву отечеству, а в 1824 году во имя Польши совершили уголовные политические преступления» [3].

Хочеться звернути увагу і на ще одне питання, яке мусило виникнути в ході вивчення польських та російських джерел. Навіть при самому прискіпливому опрацюванні не знаходимо в них абсолютно ніяких згадок про Україну як етнос. На жаль, у цьому відношенні на неї починають звертати увагу лише після поразки повстання 1831 року у колах польських емігрантів в Парижі, де дехто навіть намагається запровадити українську моду в літературі (повість «Козак», роман історичний (1836)). Серед поетів-емігрантів, у творчості яких Україна дуже багато значить, виділяється Юліуш Словацький (кременчанин, до речі): його бачення України глибоко проникає у польську свідомість. Пізніше українські традиції культивуються невеликою групою польських емігрантів з околиць Львова, але про поступове пробудження незначної кількості української інтелігенції можна говорити, напевно, з початком 1840-х років, коли на посади вчителів у російські школи вперше прийшла частина інтелігенції – вихідців з українського духовенства або купців. (У 1844 році до Києва на викладацьку роботу прибуває М. Костомаров, який до цього працював учителем нової історії в Рівненській гімназії.) На такій же посаді в Луцькій гімназії працює П. Куліш. Діяльність їх сприяла пробудженню української свідомості (згадаймо Кирило-Мефодіївське братство, твір М. Костомарова «Книга буття українського народу»). Свій внесок у пробудження українського духу вносили і пов'язані з празьким слов'янським комітетом польські пропагандисти – галичани. Поет Т. Падура сприяє зацікавленості українським фольклором та народною музикою.

Але це поступове пробудження незначної кількості української інтелігенції було дуже повільним. Тому можна вважати, що цей період був

часом боротьби між двома поневолювачами – росіянами, що стали господарями краю, та поляками, які мали фактично всю владу в своїх руках.

Українські душі були ставкою у цій боротьбі, бо ні в перших, ні в других не виникало навіть думки (незважаючи на те, що основною масою населення були українці) використовувати мову цієї більшості, зокрема в церковній службі. Обмінюючись думками та аргументами, обидві сторони прагнули довести лише те, що українська мова – це діалект їх власної.

Отже, побіжний погляд на національний склад учнів тогоджих навчальних закладів дає розгадку про саму суть тодішньої системи освіти Волині. Вище докладно розглядалися точки зору російських історіографів, суть яких зводилася до того, що хоча всі ці навчальні заклади і перебували під опікою російського уряду і були відкриті за дозволом російських властей, але не діяли на користь Росії, а навпаки [5].

Ці ж дослідники зауважують, що і в польських джерелах про той час є багато вказівок на те, «как напропалую веселилась польська шляхта, похоронив своє „крулевство”, и вовсе не чувствуя перемены режима» [9].

Потрібно зазначити ще один важливий момент, а саме про атмосферу Кременця, яка сприяла тому, що тут, а не в етнографічній Польщі, з'явились перші прояви нових прогресивних ідей, зокрема в літературі. Саме з цієї кременецької атмосфери увійшла в літературу нова генерація талановитих, з оригінальними, новаторськими поглядами і відвагою при втіленні їх у життя. Їхня діяльність значною мірою вплинула на формування національно-патріотичних почуттів тодішнього волинського суспільного середовища, особливо молоді. Очевидно невипадково, що найбільш прогресивно налаштована частина саме вихідців Кременецького ліцею поповнила лави так званої «української школи» та літератури і своїми творами сприяла формуванню відповідних суспільних настроїв.

Література

1. Волынська революція в першій четверті XIX століття // Київська старина, Т. 1. – 1883. – С. 12.
2. Волынська революція в першій четверті XIX століття // Київська старина, Т. 1. – 1883. – С. 136.
3. Голубовський П. Київська старина / П. Голубовський. – 1884, – Т. XIX. – С. 694.
4. Грушевський М. Історія України – Русі / М. Грушевський. – К., 1913. – Т. 8. – ч. 1. – С. 184-185.
5. Черняхівський Г. І. Кременеччина від давнини до сучасності / Г. І. Черняхівський. – К, 1999. – С. 70-72.
6. Шульгин Н. Историческое обозрение / Н. Шульгин. – СПб, 1875. – С. 23.
7. Andrzejowski A. Ramoty starego Detjuka o Wołyniu / A. Andrzejowski. – Wilno, 1921. – Т. 11. – St. 16.
8. Dr. Anloni I. Oswiate na dawnich kresach / Dr. Anloni I. // Przewodnik Naukowy literacki. – 1876.
9. Rolle M. Ateny Wołyńskie. Skic z dziejów oświaty w Polsce / M. Rolle. – Lwow-Krakow, 1923. – St. 109.
10. Sulkowski J. Pare wrazen z targow Wołyńskich / J. Sulkowski // Zycie Krzemienieckie, 1937. – S. 324-327.

В статье анализируется деятельность Кременецкого лицея Юго-Западного региона, который способствовал поднятию культурно-образовательного уровня среди широких масс населения. Также он сыграл важную роль в формировании системы образования и дальнейшем её развитии в этом регионе.

Ключевые слова: образование, оценка, культура, лицей, преподаватель, исследователь, деятель, независимость.

The article analyzes the activities of Kremenets Lyceum South-West region, which helped to raise the cultural and educational level among the broad masses of the population. He also played an important role in the formation of the education system and its further development in this re

Key words: education, mark, culture, lyceum, professor, inquirer, personality, independence.

Д. В. Дорофеев

**Предпосылки изменения
внешнеполитического механизма в США:
1781-1787 гг.**

В исследовании анализируются, предпосылки и процесс ревизии внешнеполитического механизма в США в период от принятия Статей Конфедерации в 1781 г. и до заседания Конституционного Конвента в 1787 г. В ходе работы были определены два этапа изменения внешнеполитического механизма в Соединенных Штатах: 1) принятие поправок к «Статьям Конфедерации», которое реализовалось в 1781-1785 гг., и 2) разработка нового основного закона – Конституции в 1785-1787 гг.

Ключевые слова: внешняя политика, США, Конституция, Конституционный Конвент, внешнеполитический механизм, федералисты и антифедералисты

В изучении истории внешней политики США в ранний период ключевое значение имеет проблема механизма принятия решений в данной сфере. Анализ внешнеполитического механизма позволяет понять не только специфику функционирования системы государственной власти, но и проследить влияние специфических факторов, действия которых определили становление курса Соединенных Штатов в международных отношениях XVIII в.

Эта тема в истории становления государственности США не получила всестороннего изучения, как это имело место с разработкой и принятием Конституции 1787 г. Однако в научных работах, ей посвященных, проблематика трансформации внешнеполитического механизма в США получила лишь одномерное освещение. В основном, учеными делается акцент на несовершенство механизма по «Статьям Конфедерации», указываются недостатки «комитетного» принципа при формировании решений по внешней политике. Эта тема находилась в фокусе внимания ведущих представителей экспертного сообщества американистов: Н. Н. Болховитинов, П. Варг, Ф. Гилб Дж. Далл, А. Деконд, Дж. П. Камински, Л. Каплан, К. Кеннеди, У. С. Коул, У. Лафебр, Дж. Э. Левайс, Р. Леопольд, А. С. Маныкин, Р. Б. Моррис, В. О. Печатнов, В. Н. Плешков, М-Ж. Россигноль, Х. Селески, В. В. Согрин,

М. О. Трояновская, У. А. Уилльямс, Р. Феррел, Дж. А. Фрай, А. А. Фурсенко, М. Хант, А. Э. Экес-мл. [1 – 7, 9 – 14, 16 – 28]. При этом практически неизученным является аспект эволюции рассмотрения делегатами Континентального Конгресса вопросов о необходимости трансформирования внешнеполитического механизма. Вне рассмотрения остается вопрос о подходах к организации внешнеполитического механизма через принятие поправок к «Статьям Конфедерации» или при помощи созыва Конституционного Конвента, на котором должен был быть создан новый основной закон Соединенных Штатов.

Целью исследования является восстановление последовательного процесса трансформации внешнеполитического механизма США в работе Континентального Конгресса в период от ратификации Статей Конфедерации в 1781 г. и до принятия решений на Конституционном Конвенте в 1787 г.

В соответствии с целью исследования, *задачами* его выступают: 1) выявление подходов к осуществлению изменения внешнеполитического механизма в США; 2) рассмотрение этапов ревизии механизма.

Процесс пересмотра внешнеполитического механизма США на основе «Статей Конфедерации» проходил в рамках общей ревизии организации государственной власти в североамериканском государстве. На протяжении 1780-1786 гг. процедура изменения внешнеполитического механизма эволюционировала до внесения поправок к созыву Конституционного Конвента. Несмотря на разную степень интенсивности, в обоих вариантах трансформации отображалась одна основная тенденция – определение «объема» полномочий Конгресса в сфере внешнеполитического механизма.

Борьба за внесение поправок в «Статьи Конфедерации»

(1781-1785 гг.)

Кампания за внесение изменений во внешнеполитический механизм началась сразу же после ратификации 1 марта 1781 г. «Статей Конфедерации». Спустя пять дней после этого события, 6 марта 1781 г., делегаты Континентального Конгресса избрали комитет в составе Дж. М. Варнума от

Род-Айленда, Дж. Мэдисона от Виргинии, Дж. Дуэйна от Нью-Йорка с целью подготовить схему полномочий Конгресса в соответствии с первой Конституцией Соединенных Штатов [15, Vol. XIX., p. 236].

Доклад комитета был подготовлен к 16 марта 1781 г. В источнике содержалось предложение внести поправку в Статью 13 о расширении полномочий Конгресса: в случае, если один или несколько штатов отказываются или пренебрегают решениями Конгресса или положениями «Статей Конфедерации», то Конгресс должен был получить право применить силу для того, чтобы разорвать торговые и внешние связи штата или штатов с иностранными государствами до того времени, пока они не станут выполнять союзные обязательства. Для изучения выводов доклада 2 мая делегаты Конгресса избрали «большой комитет» в составе Дж. Салливана, Дж. М. Варнума, А. Уарда, С. Хантингтон, Дж. Дуэйна, А. Кларка, Т. Смита, Н. Ван Дайка, Т. Бланда, Д. Кэрролла, С. Джонсона, Дж. Мэтьюса, У. Фью [Ibid., Vol. XX, p. 471].

Спустя полтора месяца, 20 июля, «большой комитет» представил делегатам итоговый документ, в котором радикальные предложения доклада от 16 марта были заменены более умеренной позицией: отрицалось право Конгресса применять санкции против внешнеполитической деятельности штата, за исключением состояния войны, когда высший орган власти в стране получал право вводить эмбарго не более чем на 60 дней [Ibid., Vol. XX, p. 773].

В тот же день делегаты избрали третий по хронологии комитет в составе Э. Рандольфа, О. Эллсуорса, Дж. М. Варнума, которому предстояло подготовить толкование «Статей Конфедерации», план их полного исполнения и дополнительные статьи. Работа над документом заняла один календарный месяц. 23 августа доклад комитета был рассмотрен делегатами. В нем рекомендовалось внести поправку в «Статьи Конфедерации» о наделении полномочиями Конгресса предусматривать в договорах с иностранными державами его право открывать консульства, не обращаясь за утверждением

этого решения к легислатурам каждого отдельного штата [15, Vol. XXI, p. 893-896].

Исторические источники не дают возможности проследить, как этот вопрос рассматривался комитетом. Однако, точно известно, что решение по этому вопросу не было принято [8, p. 141].

Практически, на рекомендациях комитета в составе Э. Рандольфа, О. Эллсуорса, Дж. М. Варнума внешнеполитическая проблематика была исчерпана. В последовавших дебатах 1781-1783 гг. о расширении полномочий Континентального Конгресса вопросы, касавшиеся внешнеполитического механизма, не рассматривались. В условиях войны за независимость, пересмотр как внешнеполитического механизма, так и всей Конституции, был недопустимым шагом, ставившим под угрозу существование Соединенных Штатов.

Положение меняется в послевоенное время, на рубеже 1783-1784 гг., когда в США становится известно о решении британского кабинета Уильяма Кавендиш-Бентинка от 2 июля 1783 г. о закрытии торговли для американских граждан в британской Вест-Индии.

Отреагировав на антиамериканские действия, 24 января 1784 г. делегаты Конгресса назначили комитет в составе А. Ли, Э. Джерри, Я. Рида с целью разработки обращения к населению США в связи с действиями Великобритании. Через два месяца, 22 апреля, комитет подготовил и представил доклад на рассмотрение делегатам, которые начали его обсуждение 30 апреля. В документе подчеркивалась необходимость принятия контрдействий на политику Великобритании, расширив полномочия Конгресса для ведения внешнеэкономической деятельности по защите и развитию американской торговли с иностранными государствами [15, Vol. XXVI, p. 50, 70-71, 269-71, 317-319].

На основе доклада делегатами было принято решение ввести временное, 15-летнее, право Конгресса запрещать ведение торгово-экономической деятельности штатов с иностранными державами, с которыми ранее были

подписаны договоры [8, Vol. 1, p. 319]. Это положение было принято и рекомендовано к утверждению легислатурами штатов [15, Vol. XXVI, p. 322].

Усиление экономической депрессии после окончания американо-британской войны побудило торговые круги, особенно северных штатов, требовать расширения прав Континентального Конгресса в торговой сфере, делая их не временными, а постоянными [8, Vol. 1, p. 154]. В связи с этим, 5 декабря 1784 г. делегаты Конгресса приняли решение о создании комитета для выработки рекомендаций по регулированию торговли. В состав комитета были включены Дж. Джей, Э. Джерри, Дж. Монро, Р. Д. Спайт, У. Хьюстон [15, Vol. XXVIII, p. 17, 70, 148].

Несмотря на то, что доклад комитета о поправках к «Статьям Конфедерации» был готов 16 февраля, его не удавалось рассмотреть до 28 марта 1785 г. Содержание источника позволяет сделать вывод: члены комитета предлагали внести изменения в Раздел 1 Статьи 9. В основном предложения касались расширения полномочий Конгресса – этому институту предоставлялись права регулирования торговли штатов с иностранными державами [Ibid., p. 70, 148].

28 марта 1785 г. делегаты Конгресса не вынесли решение по расширению торговых полномочий, и вопрос был отложен. Его повторное рассмотрение проходило 13 и 14 июля 1785 г. [Ibid., p. 201-205.]. Дискуссия проходила в рамках противостояния «грузоперевозящих штатов» («carrying states». – Д. Д.) Севера и «сельскохозяйственных штатов» («planting states». – Д. Д.) Юга [8, Vol. 1, p. 155].

Переход от введения поправок к принятию новой Конституции (1785-1787 гг.)

Второй период проходил уже после завершения войны за независимость – с 1785 г. по 1787 г. Именно в этот промежуток времени происходит отказ от идеи внесения поправок и принимается решение о созыве Конституционного Конвента. Необходимо отметить, что этот переход стал результатом победы в Континентальном Конгрессе сторонников сильного централизованного

правительства – федералистов – над своими оппонентами – антифедералистами, которые выступали за сохранение широких прав штатов.

Столкновения позиций привели к тому, что на протяжении всего 1785 г. решения о введении поправок к «Статьям Конфедерации» не удалось реализовать на практике. Делегаты вернулись к этому вопросу лишь весной 1786 г.

3 мая 1786 г., по инициативе Ч. Пинкни, Континентальный Конгресс принял решение о создании комитета по рассмотрению вопроса о полномочиях общегосударственного института власти в сфере внешнеторговой деятельности [15, Vol. XXX, p. 230]. Спустя 2 месяца, 3 июля, был учрежден состав комитета, в который вошли: С. Ливермор, Н. Дэйн, Дж. Мэннинг, У. С. Джонсон, М. Смит, Дж. К. Симмес, Ч. Петтит, Дж. Хенри, Х. Ли, Т. Бладуорс, Ч. Пинкни, У. Хьюстон. В рамках комитета был создан подкомитет в составе Ч. Пинкни, Н. Дэйна, У. С. Джонсон, который и подготовил текст документа [Ibid., p. 384].

7 августа комитет предложил 7 поправок к Статьям конфедерации, среди которых только в одной содержалась прежняя идея: наделить правом Конгресс регулировать торговлю штатов с иностранными государствами [15, Vol. XXXI, p. 495]. Делегаты приняли решение рассмотреть поправки 14 августа 1786 г., однако эта процедура так и не состоялась из-за противостояния между делегатами северных и южных штатов по вопросу о переговорах секретаря по иностранным делам США Дж. Джая с послом Испании в США Дон Диего де Гардоки. Дискуссия по этому вопросу велась делегатами с 16 по 22 августа, с 28 августа по 1 сентября [Ibid., p. 554, 565-570, 574 96, 596, 607, 609-613, 620-622], и ее ход сорвал рассмотрение вопроса о внесении поправок к «Статьям Конфедерации», так как южные штаты заблокировали этот процесс [28, p. 549].

Провал рассмотрения вопроса о принятии поправок стал толчком для реализации проходившего параллельно плана трансформации внешнеполитического механизма при помощи созыва Конституционного Конвента.

На протяжении порядка 6 лет идея проведения конвента циркулировала в американских политических кругах: о необходимости созыва его говорили еще в 1780 г. генерал Н. Грин, генерал Дж. Салливан, Т. Пайн, А. Гамильтон [8, Vol. 1, p. 176]. Однако конкретные действия по реализации этой идеи стали предприниматься по причине малой вероятности принятия поправок к «Статьям Конфедерации»: 21 января 1786 г. легислатура штата Виргинии приняла решение об избрании пяти комиссаров для встречи с аналогичными представителями штатов с целью выработки решений в сфере регулирования торговли США. Виргинская инициатива привела к тому, что 11 сентября 1786 г. в г. Аннаполис, штат Мериленд, 12 делегатов от пяти штатов – Нью-Йорк, Нью-Джерси, Пенсильвания, Делавэр, Виргиния – собрались для выработки решений проблем, которые были предложены в январе 1786 г.

14 сентября, после трех дней работы, председатель Конвента Дж. Дикинсон предложил доклад, который был принят делегатами в качестве итогового документа. В источнике отмечалось наличие серьезных дефектов в организации федеральной системы власти, оказывавших негативное воздействие на внешнюю политику Соединенных Штатов [Ibid., p. 180, 184].

20 сентября 1786 г. делегаты Конгресса получили доклад конвента. 11 октября решением Конгресса был назначен комитет из 10 делегатов – Н. Дэйн, Н. Миллер, Дж. Стерджес, М. Смит, Л. Кадуолладер, Ч. Петтит, Д. Хенри, Э. Каррингтон, Дж. Буль, У. Фью – для рассмотрения документа [15, Vol. XXXI, p. 770].

Дальнейший ход событий, оказавший воздействие на сроки рассмотрения документа комитетом, был связан, во-первых, с отсутствием до 12 февраля 1787 г. кворума, что затягивало начало финансового года, а, во-вторых, из-за экономического и социально-политического кризиса – восстания Шейна в Массачусетсе, коллапса уплаты налогов в Пенсильвании, Виргинии, Южной Каролине [8, Vol. 1, p. 178-179]. Из-за социально-экономических сложностей только 21 февраля комитет предоставил доклад, в котором однозначно

выражалась необходимость созыва Конституционного Конвента во второй понедельник мая 1787 г. [15, Vol. XXXII, p. 74].

В результате исследования можно сделать следующие выводы.

1. На протяжении 1781-1787 гг. в Соединенных Штатах шел процесс пересмотра Конституции, который вел непосредственно к ревизии внешнеполитического механизма. Последнее выражалось в том, что борьба за расширение полномочий Конгресса в сфере ведения внешнеторговых отношений с иностранными государствами стала одним из основных факторов трансформации внешнеполитического механизма, который был выработан на Конституционном Конвенте в сентябре 1787 г.
2. Изучение источников показало, что прослеживаются два подхода к трансформации внешнеполитического механизма в США. Первый связан с внесением поправок в «Статьи Конфедерации» на протяжении трех лет – с 1781 по 1783 гг. Однако эта кампания не могла быть успешной, так как проходила в условиях войны США за независимость: ревизия основ государственного устройства страны в столь неподходящий период грозила обернуться общественно-политическим кризисом, который мог бы подорвать государственную систему. Тем не менее, именно в этот период закладывается основа необходимости осуществления ревизии внешнеполитического механизма.

Второй подход – созыв Конституционного Конвента – мог быть реализован только в послевоенный период. Под воздействием кризисных явлений в экономике делегаты Континентального Конгресса возобновили дискуссию о необходимости пересмотра организации государственной власти в стране, которая остро нуждалась в модернизации, затрагивавшей и внешнеполитический механизм. Противостояние федералистов и антифедералистов привело к принятию решения о созыве Конституционного Конвента, на котором и был разработан, в рамках модернизации государства,

внешнеполитический механизм США, который функционирует и на современном этапе.

Источники и литература

1. История внешней политики и дипломатии США, 1775-1877 [Текст] / Отв. ред. академик Н. Н. Болховитинов. – Москва : Международные отношения, 1994. – 382 с.
2. История внешней политики США [Текст] / Владимир Олегович Печатнов, Александр Серафимович Маныкин. – Москва : Международные отношения, 2012. – 672 с.
3. Плешков В. Н. Внешняя политика США в конце XVIII в. (Очерки англо-американских отношений) [Текст] / В. Н. Плешков. – Ленинград : Издательство «Наука», 1984. – 301 с.
4. Трояновская М. О. Дискуссии по вопросам внешней политики в США (1775-1823) [Текст] / Мария Олеговна Трояновская. – Москва : «Весь Мир», 2010. – 328 с.
5. Cole W. S. An Interpretive History of American Foreign Relations [Text] / Wayne S. Cole. – Homewood : Dorsey Press, 1974. – 520 p.
6. DeConde A. A History of American Foreign Policy [Text] / Alexander DeConde. – New York : Charles Scribner's Sons, 1963. – 932 p.
7. DeConde A. The American secretary of State : an interpretation [Text] / Alexander DeConde. – Westport : Greenwood Press, 1975. – 182 p.
8. Documentary history of the ratification of the constitution: in 25 vol. [Text] / Ed. by J. P. Kaminski, G. J. Saladino. – Madison : State Historical Society of Wisconsin, 1976 – 2013 p.
9. Dull J. R. A diplomatic history of the American Revolution [Text] / Jonathan R. Dull. – New Haven : Yale University Press, 1985. – 229 p.

10. Eckes A. E., Jr. *Opening America's Market : U. S. Foreign Trade Policy since 1776* [Text] / Alfred E. Eckes Jr. Chapel Hill : University of North Carolina Press, 1995. – 424 p.
11. *Encyclopedia of the American Revolution* [Text] / Ed. by Harold E. Selesky. – Detroit : Scribner, Thomson Gale, 2006. – 1380 p.
12. Fry J. A. *Dixie looks abroad : the South and U.S. foreign relations, 1789-1973* [Text] / Joseph A. Fry. – Baton Rouge : Louisiana State University Press, 2002. – 334 p. (5, 11-12).
13. Gilbert F. *To the Farewell Address : Ideas of Early American Foreign Policy* [Text] / Felix Gilbert. – Princeton : Princeton University Press, 1961. – 181 p.
14. Hunt M. H. *The American Ascendancy : How the United States Gained and Wielded Global Dominance* [Text] / Michael H. Hunt. – Chapel Hill : University of North Carolina Press, 2007. – 416 p.
15. *Journal of Continental Congress, 1774-1789: in 34 Vols.* [Text] / Ed. by E. Burnett. – Washington : U.S. Govt. print. Off., 1904-1937.
16. Kaplan L. S. *Colonies into nation: American diplomacy, 1763-1801* [Text] / Lawrence S. Kaplan. – New York : Macmillan, 1972. – 331 p.
17. Kennedy C. S. *The American Consul: A History of the United States Consular Service, 1776-1914* [Text] / Charles Stuart Kennedy. – New York : Greenwood Press, 1990. – 260 p.
18. Lafeber W. *The American Age : United States Foreign Policy at Home and Abroad* [Text] / Walter Lafeber. – New York : W. W. Norton. 1994 – 864 p.
19. Lefever E. W. *America's Imperial Burden : Is the Past Prologue?* [Text] / Ernest W. Lefever. – Boulder : Westview Press, 1999. – 208 p.
20. Leopold R. W. *The Growth of American Foreign Policy : A History* [Text] / Richard W. Leopold. – New York : Alfred A. Knopf, 1962. – 908 p.
21. Lewis J. E. *The American Union and the problem of neighborhood : the United States and the collapse of the Spanish empire, 1783-1829* [Text] / James E. Lewis. – Chapel Hill : University of North Carolina Press, 1998. – 304 p.

22. Lewis J. E., Jr. The American Union and the Problem of Neighborhood : The United States and the Collapse of the Spanish Empire, 1783-1829 [Text] / James E. Lewis Jr. – Chapel Hill : University of North Carolina Press, 1998. – 320 p.
23. Morris R. B. The Peacemakers. The Great Powers and the American Independence [Text] / Richard B. Morris. – New York : Harper & Row, 1965. – 527 p.
24. Rossignol M.-J. The nationalist ferment : the origins of U.S. foreign policy, 1789-1812 [Text] / Marie-Jeanne Rossignol. – Columbus : Ohio State University Press, 2004. – 274 p.
25. Sadosky L. J. Revolutionary Negotiations: Indians, Empires, and Diplomats in the Founding of America [Text] / Leonard J. Sadosky. – Charlottesville : University of Virginia Press, 2009.- 275 p.
26. The emerging nation : a documentary history of the foreign relations of the United States under the Articles of Confederation, 1780-1789 : in 3 vols. [Text] / Mary A. Giunta, J. Dane Hartgrove, Mary-Jane M. Dowd. – Washington : National Historical Publications and Records Commission, 1996.
27. The Shaping of American Diplomacy [Text] / Ed. by William Appleman Williams. – Chicago : Rand McNally, 1956. – 1155 p.
28. Timothy Bloodworth to Richard Caswell. New York, September 4th. 1786 / Letters of Delegates to Congress: in 24 Vols. [Text] / Ed. by P. H. Smith, R. M. Gephart. – Washington : Library of Congress: U.S. G.P.O., 1976-2000. – Vol. 23. – P. 549-550.

У дослідженні аналізуються, передумови і процес ревізії зовнішньополітичного механізму в США від прийняття Статей Конфедерації в 1781р. і до засідання Конституційного Конвенту в 1787р. В ході роботи було визначено два підходи до зміни зовнішньополітичного механізму в Сполучених Штатах: 1) прийняття поправок до «статей Конфедерації», яке реалізувалося в 1781-1785 рр., 2) розробка нового осикового закону – Конституції, що проходило у 1785-1787 рр.

Ключові слова: зовнішня політика, США, Конституція, Конституційний Конвент, зовнішньополітичний механізм, федералісти і антифедералісти

The study analyzes the background and the process of the revision of the foreign policy mechanism in the United States from adopting the Articles of Confederation in 1781, and till the

meeting of the Constitutional Convention in 1787, in the work it was identified two approaches to the change of the foreign policy mechanism in the United States: 1) the adoption of amendments to the "articles of Confederation", which was implemented in 1781-1785, and 2) the development of new aspen law – the Constitution, which took place in 1785-1787.

Key words: Foreign policy, the United States, Constitution, Constitutional Convention, a foreign policy mechanism, the Federalists and Antifederalists

УДК: 94 [(=411.16+411.21+411.171.1) “1967”]

С. Г. Ермаков

Арабо-еврейское вооруженное противостояние в Палестине в 1967 году

В статье рассмотрена история развития арабо-еврейского противостояния в 1967 году, причины начала Шестидневной войны и реакция палестинского движения сопротивления на ее ход и исход.

Ключевые слова: Сирийский синдром, ООП, Фатх, Цахал, резолюция ООН.

Актуальность. В истории Ближневосточного конфликта есть несколько знаковых событий и дат. К таким событиям можно отнести принятие резолюции ООН №181/II в 1947 г., войну за независимость Израиля в 1948-1949 гг., мирные договоры 1993 г., а так же события 1967 г. Именно политика Израиля и арабских государств в 1967 г. во многом определила развитие конфликта на ближайшие три десятка лет и послужила толчком ко многим событиям, имевшим место в 60-70 х гг. ХХ в.

Цель. Анализ политики арабских государств и государства Израиль весной-летом 1967 г., а также реакции на данные события Палестинского движения сопротивления.

Изложение основного материала. Трагическую роль в продвижении к Шестидневной войне 1967 г. сыграл «Сирийский синдром». Конfrontация сосредоточилась вокруг проблемы воды. Израилю было необходимо направить поток воды с севера на юг для орошения пустыни Негев, арабские государства опасались, что столь масштабные проекты приведут к нехватке воды, и со своей стороны стремились отвести истоки реки Иордан [1, с. 91].

С 1965 г. вооружённые стычки свелись к войне против тракторов, бульдозеров и прочей строительной техники. В конечном итоге, сирийцы были вынуждены свернуть работы по отводу воды. Движимые

антисирийскими настроениями израильские военные сами провоцировали Дамаск. Об этом рассказал в интервью, данном в 1976 г., Моше Даян: «Я знаю, как начиналось по меньшей мере 80% всех стычек. Даже больше 80%, но давайте говорить о восьмидесяти. Это делалось следующим образом. Мы посыпали трактор в демилитаризованную зону пахать там, где это было запрещено, и знали заранее, что сирийцы начнут стрелять. Если они не стреляли, трактор двигался дальше, пока они не начинали стрельбу. А тогда мы начинали использовать артиллерию, а затем и ВВС. Я это делал, и Ласков это делал (начальник генштаба), и Ицхак (Ицхак Рабин) это делал, но больше всего эти игры нравились Дадо» (Давид Элазар, командующий Северным фронтом в 1964-1969 гг. – С. Е.) [1, с. 91-94]. Эти игры являлись средством постоянного давления на Дамаск и были призваны наказать и унизить Сирию, которая не могла организовать адекватный отпор, за её «водные» амбиции и поддержку палестинских партизан, действовавших с её территории [1, с. 93].

В феврале 1966 г. к власти в Сирии пришли представители левого крыла партии БААС (Партия арабского социалистического возрождения. — С. Е.). В целом, они были склонны к проведению более радикальной националистической политики. Во внешнеполитическом плане они призывали к народной войне против Израиля и поддерживали ООП (Организация освобождения Палестины, созданная в 1964 г., курировавшая действия ПДС и занимавшаяся вопросами внешней политики палестинского сопротивления. – С. Е.). Участилось количество провокаций с Сирийской стороны. 13 июля 1966 г. вблизи Метуллы был взорван склад с инсектицидами, а у деревни Альмагор – автомобиль ЦАХАЛ. 14 июля был взорван жилой дом на краю израильского поселения Кефар-Ювал. За первое полугодие 1966 г. произошло 10 случаев саботажа и минирования, 93 случая применения огнестрельного оружия и поджогов полей, приписываемых сирийской стороне. В ответ израильтяне разрушили инженерное оборудование в районе реки Иордан, уничтожили Сирийские бульдозеры. В

марте 1967 г. начались почти ежедневные стычки с палестинскими фидаями (партизан, повстанец. – С. Е.) на границе с Сирией. В начале апреля сирийцы открыли огонь по израильскому трактору, который пахал землю в демилитаризованной зоне. Израильтяне также отвечали огнём. Затем вооружённые действия расширились [2; 3; 4].

Шла горячая раскрутка конфликта, и уже 7 апреля произошло крупнейшее со времён войны 1956 г. воздушное столкновение. В тот день израильские самолёты попытались уничтожить позиции тяжёлой артиллерии на Голанских высотах, арабские МиГи стремились помешать этому. Пара «Миражей» перехватила четвёрку сирийских МиГ-21 и сбила два из них около Дамаска. На подходе к Дамаску вскоре был сбит ещё один МиГ-21. Через полчаса над Голанскими высотами израильские «Миражи» сбили ещё три МиГ-21 [5, с. 154].

Умелые и достаточно агрессивные действия израильской авиации в сирийском небе, а также концентрация израильских войск на сирийской границе вынудили президента Египта Г. А. Насера резко увеличить войска на Синайском полуострове, чтобы создать угрозу на севере Израиля и облегчить положение сирийцев [5, с. 155].

Начальник генштаба Израиля Рабин дал интервью, в котором предупредил сирийское правительство, что в случае дальнейших провокаций израильская армия не остановится перед нанесением удара с целью сместить агрессивный дамасский режим. В ответ на это предупреждение Сирия начала интенсивные дипломатические консультации с Египтом и Советским Союзом. Основная часть египетской армии в это время продолжала сражаться на стороне левых революционеров в длившейся уже пять лет гражданской войне в Йемене. Война затягивалась, поскольку Саудовская Аравия и ряд других стран оказывали военную помощь королевским силам Йемена. В этой ситуации отношения между Г. А. Насером и руководителями Иордании и Саудовской Аравии значительно ухудшились. Присутствие сил ООН на территории Египта также не способствовало повышению статуса

Г. А. Насера, которому необходимо было предпринять какие-то решительные действия для того, чтобы укрепить попранное достоинство и одновременно с этим не привести к вооруженному столкновению с Израилем. Г. А. Насер искренне полагал, что арабский мир не готов к подобному столкновению [6, с. 56].

Что касается сирийцев, то их антиизраильская позиция в основном выражалась в многочисленных угрозах и безответственных заявлениях в адрес Израиля, не подкреплённых военными возможностями. Дамаску вторил председатель ООП А. Шукейри, регулярно обещавший сбросить евреев в море [1, с. 94]. Отношения между Сирией и ООП окончательно испортились накануне Шестидневной войны, так как атаки палестинских фидаев, имевших базы в Сирии, угрожали ответными действиями Израиля против Сирии [7, с. 191-205].

Силы ООП в 1967 г. состояли из 4-х бригад, из которых две дислоцировались в Сирии – «Ярмук», «Хиттин»; одна в Египте – «Айн Джаллут»; одна в Ираке – «Аль-Кадиссия» [8, с. 126].

12 мая советский посол в Каире телеграфировал в Москву: «Сегодня мы передали египтянам информацию касательно концентрации израильских войск на северной границе для внезапного нападения на Сирию. Мы рекомендовали правительству ОАР (объединённое государство Сирии и Египта, существовавшее с февраля 1958 по сентябрь 1961 гг. После распада конфедерации Египет продолжал именоваться Объединённой Арабской Республикой до 11 сентября 1971 г. – С. Е.) предпринять надлежащие шаги». Израиль же в это время мобилизацию войск ещё не начинал, и 12 мая «концентрации войск» быть ещё не могло. Передавая разведывательную информацию Египту, Советский союз преследовал определённую цель: сосредоточить египетские силы на Синае, создав, таким образом, угрозу Израилю с юга. Однако Насер принял решение единолично [9, с. 179-180].

Он направил в Сирию несколько военных миссий, которые, однако, не увидели ничего тревожного в так называемой «концентрации израильских

войск». Тем не менее, Насер решил сконцентрировать большую часть своей армии на Синае. 15 мая в Египте было объявлено чрезвычайное положение. Две танковые дивизии 17 мая демонстративно прошли по Каиру, чтобы направиться к мостам через Суэцкий канал на Синай. В этот же день, 17 мая, два египетских МиГ-21 пролетели на большой высоте над израильским ядерным реактором в Димоне. Они пробыли в израильском небе пять минут и ушли в Иорданию. Перехватить их не успели. Вокруг Димоны быстро поставили дополнительные ракеты «Hawk» [9, с. 180].

18 мая 1967 г. Насер потребовал вывести войска ООН с линии перемирия с Израилем и берегов Тиранского пролива, ввёл на эти территории египетские войска и закрыл выход для израильских судов из залива Акаба в Красное море. 30 мая король Иордании Хусейн присоединился к египетско-сирийскому «антиизраильскому фронту». Была объявлена блокада израильского побережья. Ближний восток оказался на грани очередного кризиса [10, с. 66]. Великобритания и США настаивали на открытии Акабского залива, 6-й флот США был перемещён в Восточное Средиземноморье [11, с. 71; 12, с. 278]. Иордано-египетский оборонительный пакт от 30 мая окончательно убедил Израиль в необходимости начала боевых действий. Иордания имела границу с Израилем в 12 милях от средиземноморского побережья [13, с. 91; 14, с. 234].

5 июня, около 7:15 по иерусалимскому времени, радары разведывательных судов сразу нескольких государств, а также британская станция на Кипре, засекли взлетающие с аэродромов Израиля самолёты, направляющиеся в сторону Средиземного моря, к северу от Синайского полуострова. Третья арабо-израильская война началась [9, с. 187-188].

Рейд авиации Израиля на аэродромы 5 июня в 7:45 по иерусалимскому времени стал для египтян фатальным. Израильские истребители-бомбардировщики нанесли упреждающий удар по основным авиабазам BBC Египта. Прежде всего, уничтожались взлётные полосы и находившиеся на земле самолёты и вертолёты. Отдельными целями выступали позиции сил ПВО [5, с. 157-158].

В 13:00 израильские атаки прекратились. Всего за первые часы новой войны были уничтожены 300 самолётов и вертолётов BBC Египта [5, с. 158].

Арабские союзники пытались оттянуть часть сил на себя. Так, иорданские самолёты «Хантер» атаковали ближайшую к ним израильскую авиабазу Кфар Сиркин. Но из-за того, что все ударные машины находились на египетском фронте, они смогли уничтожить всего один транспортный самолёт. Сирийские МиГи атаковали нефтяной терминал в Хайфе и обстреляли аэродром Меггида [5, с. 158].

Иорданская артиллерия в рамках этой акции обстреляла позиции израильтян около Рамат-Давида, а некоторые части иорданской армии начали наступление в направлении Иерусалима. Видя серьёзность положения, израильский генштаб перенаправил часть авиации против Иордании. Арабские самолёты, базировавшиеся на Мафрак и Амман, уже в 12:45 подверглись массированной атаке. Основа иорданских BBC – 18 «Хантеров» – была уничтожена, причём только один из них – в воздушном бою. Были уничтожены и вспомогательные самолёты и вертолёты, выведены из строя станция в Аджуне [5, с. 158, 160].

Около 13:00 атаке подверглись авиабазы BBC Сирии. Сирийские потери составили 61 самолёт, причём 10 МиГов (7 МиГ-21 и 3 МиГ-17) сбили израильские пилоты-истребители. Израильяне официально признали потерю 4-х самолётов на сирийском направлении [5, с. 160].

Когда иорданские войска в полдень 5 июня заняли здание бывшего штаба сил ООН в Иерусалиме, израильяне нанесли ответный удар. 10-я бронетанковая бригада «Харел» под командованием Ури Бен-Ари – подразделение мотопехоты и два батальона танков – быстро выдвинулась в восточном направлении севернее города, захватила господствующие высоты и перерезала дорогу Рамала – Иерусалим. В результате этого манёвра 60-я иорданская танковая бригада лишилась возможности оказать помощь своим частям в Иерусалиме. Тем временем, части израильской мотопехоты вошли в

Латрун и двинулись в северо-восточном направлении для взятия под контроль Рамалы [10, с. 24-25; 161, с. 15].

Ночью 55 парашютная бригада полковника Мордехая Гура атаковала позиции иорданцев в северной части Иерусалима. Рукопашный бой произошёл на Арсенальной горе. Здесь иорданские солдаты сражались против бойцов 66-го парашютного батальона до конца – пока не погибли в полном составе. Израильские парашютисты также понесли большие потери. Тем временем 6-я пехотная бригада «Этциони» с боями проложила себе путь в город с юга. Утром 7 июня полковник Гур отдал приказ парашютистам атаковать Старый город, остававшийся в руках иорданцев с 1948 г. К 10.00 израильтяне вышли к Западной стене Храма, а затем отправились на захват Хеврона и Вифлиема [10, с. 25]. Следует упомянуть, что гора Скопус в Иерусалиме оставалась в руках израильтян, хотя по решению ООН воинский контингент гарнизона не превышал 120 человек [155, с. 16].

Для захвата Западного берега генерал Элезар отправил танковые бригады полковников Рэма и Бар-Кохбы, чтобы овладеть городами Наблус и Дженин. Не прошло и 24 часа как войска Элезара вышли к реке Иордан, взяв под контроль мосты, - западный берег оказался в руках израильтян [10, с. 26; 17, с. 40-48].

9 июня, тот же генерал Элезар, возглавлявший северное командование, начал серию одновременных атак на границу Сирии силами пяти пехотных и трёх танковых бригад. Израильские войска понесли тяжелые потери от огня сирийцев с укреплений на Голанских высотах. Однако через 27 часов сражения Голаны перешли к израильтянам. 10 июня в 14.40 силами ЦАХАЛА была взята Эль-Кунейтра, что обеспечило Израилю полный контроль над Голанскими высотами. В 18.30 все боевые действия на сирийском фронте были прекращены [18, с. 260-261].

В ходе Шестидневной войны израильские войска нанесли серьёзное поражение Египту, Сирии, Иордании и палестинским вооружённым формированиям. Они оккупировали Синайский полуостров, сектор Газа,

Голанские высоты и западный берег реки Иордан. Израиль захватил обширные арабские территории площадью 68,5 тыс. км² [19, с. 16; 20, с. 239].

Поражение арабских стран в июньской войне 1967 г. стало мощным импульсом для дальнейшего подъема палестинского самосознания. Также был нанесён удар по престижу руководства ООП во главе с Шукейри, выступавшего за немедленное начало новой арабо-израильской войны, которая, якобы, будет выгодна палестинцам. Июньская агрессия вызвала появление новой волны беженцев. С июня 1967 года Западный берег покинуло 250 000 человек, Газу — 70 000, то есть в общей сложности 320 000, по другим данным - до 400 000, превратив Иорданию в один большой лагерь беженцев. До июньской войны 1967 г. было создано 53 лагеря для палестинских беженцев, из них – 20 на Западном берегу, 15 – в Ливане, 8 – в секторе Газа, 6 – в Сирии и 4 – в Иордании. Война привела к появлению десяти новых, так называемых, временных лагерей, из которых 6 находились в Иордании и 4 - в Сирии [21, с. 556; 22, с. 41; 23, с. 61].

После захвата палестинских земель на неограниченное время откладывался вопрос провозглашения арабского государства в Палестине. Военная победа Израиля не только не сняла напряжённость в арабо-израильских и палестино-израильских отношениях, но и, в известной мере, обострила конфликт [24, с. 198].

Рост популярности организаций ПДС (палестинское движение сопротивления – общее название вооруженного палестинского подполья. – С.Е.) и в первую очередь Фатх (Движение палестинского национального освобождения – организация Ясира Арафата) был обусловлен их военной деятельностью. Во время Шестидневной войны с 5 по 10 июня Фатх провёл 13 военных акций [25, с. 405-406].

12-13 июня 1967 г. в Дамаске прошла чрезвычайная сессия центрального комитета Фатх. Обсуждались дальнейшие действия организации в связи с новой арабо-израильской войной. Меньшинство присутствующих пожелало остаться в выжидательной позиции по отношению к Израилю с возможными

последующими выпадами, тогда как большинство во главе с Ясиром Арафатом и Халиль аль-Вазиром выступило за возвращение на оккупированные территории с целью возобновления там вооружённой борьбы [22, с. 42].

Посланники Фатх отправились на оккупированные территории для изучения ситуации на месте. В конце месяца Фатх отправил своих людей в Иерусалим и другие города. Для Арафата это была возможность восстановить контроль над полевыми частями. Другой целью был сбор оружия оставшегося после отступления иорданской армии. 21 июня и 3 июля Фатх сделал заявления прессе, что его руководство переместилось на оккупированные территории [26, с. 245].

Начиная с июля, Фатх стал отправлять боевиков на оккупированные территории для формирования на месте боевых ячеек – *ta'shish* (гнездо). Были также созданы тренировочные лагеря в горах Тубас (Tubas) на Западном берегу реки Иордан и разработана стратегия, основанная на создании партизанских баз на оккупированной территории. В августе Ясир Арафат переправил через Иордан руководящие кадры, основав подпольную штаб-квартиру в Наблусе, разделив Западный берег на три командования: северное, центральное и южное [22, с. 42; 26, с. 250].

Активизировалось и арабское сообщество. 1 сентября 1967 г. проходит конференция арабских стран в Хартуме, на которой был сформирован принцип трёх «нет» - «нет переговорам с Израилем, нет признанию Израиля и нет миру с Израилем». На позицию арабских стран оказал влияние Советский Союз. Шестидневная война не должна была привести к приобретению Израилем полноправного статуса, который могли дать именно арабские соседи. Таким образом, Советский Союз, отчасти, обесценил победу Израиля в Шестидневной войне [27, с. 158].

22 ноября 1967 г. СБ ООН принял проект резолюции №242. Резолюция предусматривала вывод израильских войск с территорий, оккупированных в результате последнего конфликта, прекращение состояния войны и признания суверенитета, территориальной неприкосновенности и политической

независимости всех государств региона и их права жить в рамках безопасных и признанных границ, без какой либо угрозы применения силы. Резолюция призывала к достижению справедливого урегулирования проблемы беженцев. Однако в ней прямо не упоминалась Палестина. Данная резолюция стала основой урегулирования конфликта на Ближнем Востоке [28; 29].

Война 1967 г. еще более обострила арабо-еврейское противостояние, породила новую волну массы палестинских беженцев и проблему оккупации палестинских и сирийских территорий, существующую до сих пор. Палестинское движение сопротивления начало переориентацию в своей политике, отходя от тесного сотрудничества с правительствами арабских государств к самостоятельной борьбе, начался приток молодых рекрутов в палестинские боевые организации. Одновременно с этим, ООН смог выработать правовую основу для будущего урегулирования конфликта, приняв резолюцию №242, положения которой действуют и по сей день.

Источники и литература

1. Звягельская И. Д. Поиски мира на Ближнем Востоке: конец «сирийского синдрома?» / И. Д. Звягельская // Возможен ли мир на Ближнем Востоке? Сборник статей / отв. ред. В. В. Наумкин, В. В. Попов – М. : Институт востоковедения РАН, 2010. С. 90–110.
2. ООН. Совет Безопасности. Официальные отчёты. 18-й год: сб. документов, Дополнение за июль – август – сентябрь 1963 года – Нью-Йорк: ООН, 1964. – IV, - 159 с.
3. ООН. Совет Безопасности. Официальные отчёты. 21-й год: сб. документов, Дополнение за июль – август – сентябрь 1966 года – Нью-Йорк: ООН, 1972. – XV – 86 с.
4. ООН. Совет Безопасности. Официальные отчёты. 21-й год: сб. документов, Дополнение за апрель – май – июнь 1966 года – Нью-Йорк: ООН, 1967. – XVIII – 65 с., 2 л. карт.

5. Жирохов М. А. История BBC Израиля / М. А. Жирохов – М. : ACT, 2001. – 400 с.
6. Эпштейн А. Д. Бесконечное противостояние. Израиль и арабский мир: войны и дипломатия история и современность / А. Д. Эпштейн – М. : Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2003. – 164 с.
7. Maoz M. On a short Leash : Syria and the PLO / M. Maoz, A. Yaniv // Syria Under Asad : Domestic Constraints and Regional Risks. – New York : St. Martin's Press, 1986 – P. 191-205.
8. O'Neil D. E. Armed Struggle in Palestine. A Political-Military Analysis / D. E. O'Neil -Dawson : Westview Press, 1978.– 320 p.
9. Штереншиц М. ЦАХАЛ – армия обороны Израиля / М. Штереншиц — Герцлия : ISRADON, 2005. - 352 с.
10. Лаффин Д. Израильская армия в конфликтах на Ближнем Востоке 1948 – 1973 / Д. Лаффин, М. Чаппел – М. : ACT, 2002.– 66 с.
11. Черчилль Р. С. Шестидневная война / Р. С. Черчилль, У. С. Черчилль – Иерусалим : Библиотека «Алия», 1989 – 247 с.
12. Hofnung M. Democracy, Law and National Security in Israel / M. Hofnung – Adlershot : Dartmouth Publishing Co Ltd, 1996 – 336 p.
13. Perlmutter A. A military and Politics in Israel. nation-building and role expansion / A. Perlmutter – N. Y. : Frederick A. Praeger, 1969 – 161 p.
14. Сассон М. Арабо-израильские переговоры в исторической перспективе / М. Сассон // Общество и политика современного Израиля. – Москва-Иерусалим : Мосты культуры, 2002 – С. 130–252.
15. Нatan M. Битва за Иерусалим / М. Нatan – Иерусалим : Библиотека «Алия», 1977 – 397 с.
16. Медведко Л. И. Минь под оливами: американо-израильский разбой на Ближнем Востоке / Л. И. Медведко – М. : Воениздат, 1984 – 176 с.
17. Khashan H. Partner or Pariah? Attitudes toward peace with Israel in Syria, Lebanon, and Jordan / H. Khashan. – Washington : The Washington Institute for Near East Policy, 1996. – 52 p.

18. Смирнов А. И. Израиль в огне джихада / А. И. Смирнов – М. : Вече, 2004. – 416 с.
19. Седов Ю. Ближний Восток: 40 трагический лет / Ю. Седов, Л. Ярцев // Зарубежное военное обозрение. – 1988. – №4.
20. Khashan H. Partner or Pariah? Attitudes toward peace with Israel in Syria, Lebanon, and Jordan / H. Khashan / – Washington : The Washington Institute for Near East Policy, 1996. – 52 p.
21. International Documents on Palestine 1970 : сб. документов – Beirut : The institute for Palestine Studies : Kuwait : The University of Kuwait, 1973. – 1056 p.
22. Щевелев С. С. Палестинский аспект Ближневосточного конфликта (1947-2005 гг.) / С. С. Щевелев – Симферополь-Москва : МЦСПИ, 2005. – 184 с.
23. Masalha N. The Historical roots of the Palestinian Refugees question / N. Masalha // Palestinian refugees : The right of return / Ed. By Aruri N.-L.; Sterling (Va) : Pluto press, 2001. – P. 36–70.
24. Близняков Р. А. Проблема Палестины в Организации Объединённых Наций (1947-1967) / Р. А. Близняков : Дисс. канд. ист. наук / 07.00.02 – Всемирная история; Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского. – Симферополь, 2005 – 228 с.
25. Аль-васа'ик аль-арабийя, 1967. – Байрут : Аль-джами'a аль-амирикийя, 1968. – 788 с.
26. Sayigh Y. Turning Defeat Into Opportunity : The Palestinian Guerrillas After the June 1967 War / Y. Sayigh // Middle East Journal / Ed. by C. V. Hollen – Washington, 1992. – Vol. 46 – No. 2. – P. 244-265 (Spring, 1992).
27. Близняков Р. А. Палестинская проблема в международных отношениях: резолюция о разделе – конференция в Осло (1947–1993) / Р. А. Близняков, Д. А. Малышев. – М. : МЦСПИ. 2007. – 352 с.

28. Док. ООН S/Res 242 (1967), 22 ноября 1967 года. – Электронный ресурс. – Режим доступа : <http://www.un.org/russian/documen/scresol/1967>
29. Совет Безопасности ООН. Резолюции 1967 года. – Электронный ресурс – Режим доступа : <http://www.un.org/russian/documen/scresol/1967>

У статті розглянута історія розвитку арабо-свейського протистояння в 1967 році, причини початку Шестиденної війни і реакція палестинського руху опору на її хід і результат.

Ключові слова: Сирійський синдром, ОЗП, Фатх, Ізахал, резолюція ООН.

In the article reviews the history of the Arab-Jewish conflict in 1967, the causes of the Six-Day War, and the reaction of the Palestinian resistance movement on its course and outcome.

Key words: Syrian syndrome, PLO, Fatah, IDF, UN resolution.

А. М. Магурчак

**Маловідомі сторінки життя українського емігранта Андрія Жука
(1920-ті рр. ХХ ст.)**

Висвітлюються невідомі сторінки еміграційної діяльності українського державного діяча у Відні періоду 20-х років ХХ ст. В публікації вперше використовуються маловідомі архівні матеріали, які проливають світло на сторінки життєвого шляху Андрія Жука міжвоєнного періоду.

Ключові слова: А. Жук, О. Кандиба, Відень, українська еміграція, Комітет допомоги українському голодуючому селу.

Після припинення діяльності Союзу визволення України (1914 – 1918 рр.) більшість його членів залишилась на еміграції. Серед когорти активних діячів виділялась постать Андрія Жука, який в силу об'єктивних причин залишився у Відні. Свою громадсько-політичну діяльність розпочав на Полтавщині. Був членом РУП, УСДРП. У 1907 р. змушений був переїхати до Львова де активно включився в український кооперативний рух. У бурені дні Першої світової війни був одним із засновників Союзу визволення України (далі СВУ), входив в склад Загальної Української Ради, Головної Української Ради, бойової управи УСС, радник МЗС УНР, автор багатьох промов, статей. Сама постать А. Жука повертається із небуття. У період незалежності України з'являються перші узагальнюючі статті про нього, а також про окремі періоди його життя [1]. Водночас, в історіографії відсутні ґрунтовні дослідження про еміграційний період життя А. Жука. Відповідно автор ставить за мету – висвітлити маловідомі аспекти діяльності А. Жука у середовищі української еміграції Відня протягом 1920-х років ХХ ст.

В нелегких умовах еміграції українські політичні і громадські діячі продовжували свою діяльність, яка проявлялась у різних формах. Однією з таких форм було відзначення літературного ювілею українського поета

О. Кандиби (псевдонім Олесь). Ініціаторами проведенням даного заходу були Ю. Сірий і В. Кушнір. А. Жук радо відгукнувся на пропозиції вище зазначених осіб, тим паче, що особисто був знайомий і співпрацював з ними. 24 жовтня 1922 р. в помешканні Ю. Сірого відбулася нарада ініціативного гуртка. Okрім вище зазначених осіб були присутні: Д. Левицький, В. Левинський, П. Христюк, Д. Пантанай, І. Коссак. Нараду проводив А. Жук. Після обміну думками присутні дійшли спільної думки про створення громадського комітету для святкування ювілею О. Кандиби не тільки у Відні, але й серед українського еміграційного середовища. Для проведення організаційних заходів була створена робоча група з чотирьох осіб серед яких був А. Жук. Вони розіслали письмові запрошення до 40 адресантів на Установчі збори комітету для відзначення ювілею О. Кандиби. 5 листопада 1922 р. відбулись урочисті збори на яких була присутня половина із запрошених осіб. Збори відкрив М. Грушевський, який представляв тоді соціологічний інститут, а протоколював даний захід А. Жук, який виголосив реферат. Зокрема, він коротко проінформував присутніх про результати роботи ініціативної групи. Зазначав, що святкування ювілею повинно відбуватись у формі літературно-вокальних вечірок, читанням рефератів про поетичну творчість О. Кандиби, співання пісень на слова поета та ін. «У Відні це проведе наш комітет, щодо інших місцевостей так на еміграції і в краю то треба віднести до місцевих культурно-громадських кіл щоб покликати до життя відповідні комітети і зайнялися проведенням свята, – наголошував А. Жук. – Для популяризування ювілею треба умістити статті в часописах про поета. З огляду на те, що поет і його сім'я перебувають у кепських матеріальних обставинах, треба з нагоди ювілею пошукати засобів, щоб у відповідній формі прийти їм в поміч» [4, арк. 1]. В обговорені виступу А. Жука взяли участь М. Грушевський, І. Коссак, К. Трильовський, які підтримали А. Жука. Водночас більшість виступаючих погоджувалась, що питання матеріальної допомоги «мусить бути переведена в формі достойній і приемливій для поета» [4, арк. 1]. Крім того, А. Жук намагався залучити до роботи комітету В. Липинського, однаке той відмовився

приїзди до Відня і бажав, щоб його вважали членом даної організації. Про самий ювілей О. Кандиби В. Липинський коротко висловлювався так: «... ідея святкування ювілею О. Кандиби мені цілком дорога і близька...» [4, арк. 19 зв.].

Водночас, на зборах виникла дискусія щодо святкування дати 35-літньої літературної творчості чи 15-річчя виходу першої книги творів поета «З журбою радість обнялась». Зрештою, остання дата була взята за основу для проведення святкових заходів. Підсумком зборів стала прийнята постанова про створення відповідного комітету для відзначення ювілею О. Кандиби. Для функціонування даного комітету і вирішення всіх його технічних питань був створений так званий «вужчий комітет» на чолі з В. Левинським до якого входив і А. Жук. 6 листопада 1922 р. відбулось перше засідання «вужчого комітету» на якому були створені три секції: пропагандистська, до якої увійшов А. Жук, В. Кушнір, В. Левинський; організаційно-артистична в складі Ю. Сірого, І. Охримовича, Н. Нижанковського; фінансова – Анни Жук, Д. Левицького, І. Коссака. На наступному засіданні комітету 13 листопада 1922 р. А. Жук поставив до відома присутніх про те, що у своєму листі до О. Кандиби від 7 листопада 1922 р. в справі дати ювілею вважав, що саме на 1923 р. припадає 20 літній ювілей літературної творчості, а в 1922 р. можна провести святковий вечір з нагоди публікації «З журбою радість обнялась».

Зокрема, у листі А. Жука до О. Кандиби зазначалось: «Перечитавши потім статтю про Тебе п. Радянця в американській «Свободі», переконуюсь, що нав'язувати свята до цифри 35 ледве чи можна, особливо коли може ходити про вшанування Твоєї літературної діяльності бо ледве чи можна брати в рахунок Твої діточі літературні проби від яких ніякого інших не залишилось сліду, крім згадки про це в першім вірші збірника «З журбою радість обнялась» [4, арк. 8]. Продовжуючи свої роздуми А. Жук дійшов до логічного висновку: «Коли б це було так, коли дійсно Твоя українська літературно поетична творчість починається, видрукованими віршами, датованими 1903 р., то є всі підстави і заокруглене для привичних ювілейних свят число 20 літ, які наступають за пару місяців, щоб зробити з них загально українське літературне-культурне свято»

[4, арк. 8]. У листі О. Кандиби до А. Жука від 10 листопада 1922 р. він підтримав роздуми А. Жука. На наступних засіданнях комітету доповідачі наголошували про неможливість отримання нот до віршів О. Кандиби, а також підготовити хор, який на той час припинив свою діяльність. Натомість А. Жук на четвертому засіданні комітету інформував про надіслання листа до Українського Народного Союзу в США у справі книжок О. Кандиби. Зокрема, в листі від 25 листопада 1922 р. до О. Ревюка А. Жук звертався, щоб той посприяв, щоб Український Народний Союз купив і поширював книги О. Кандиби, а отримані кошти передав поетові, який перебував у скрутному фінансовому стані. Характеризуючи персону О. Кандиби А. Жук наголосив, що він заслуговує поваги і допомоги «за ті культурні вартості, які створив своїм словом для нашого народу. Не відкладаймо пошанування таких людей і соболізнування до їх страждань, коли вони відійдуть від нас... » [4, арк. 3]. Наводив уривок листа О. Кандиби до нього, в якому той описав своє фінансове і фізичне становище. Повідомляв, що співробітник редакції «Свободи» пан Струтинський пообіцяв, що будуть публікувати вірші О. Кандиби. При цьому, А. Жук дорікав редакції «Свободи», що на її сторінках публікуються всякі «спогади деяких «політиків» або замовлену саморекламу політичних карієровичів. І корисніше є дати пару десятків доларів, яка щось дає суспільнosti, ніж якому не будь галатасови» [4, арк. 3]. Як підсумок, А. Жук прохав, щоб О. Ревюк посприяв, щоб О. Кандиба став постійним співробітником «Свободи», а та, в свою чергу, виділяла йому невеличку місячну пенсію.

В листі відповіді О. Ревюка до А. Жука, датованого 11 груднем 1922 р., він повідомляв, що справа вшанування літературного ювілею О. Кандиби серед української еміграції Північної Америки і матеріальної допомоги є досить проблематичною. Перш за все для української діаспори О. Кандиба є маловідомим поетом, а тому «він повинен частіше писати до біжучої преси. Коли б він за два-три місяці дався піznати читачам «Свободи» хоч двома-трьома поезіями в тиждень і це б принесло більше користі» [4, арк. 14 зв.].

Відмовив у надрукуванні у найближчий час матеріалу про О. Кандибу, оскільки редакція «Свободи» займалась вшануванням ювілею Б. Лепкого. В справі матеріальної допомоги повідомляв, що звернувся до певних українських людей, які займуться створенням товариства допомоги письменникам в Торонто і Нью-Джерсі. Отже, заходи А. Жука щодо отримання фінансової допомоги зі сторони української громади США не увінчались успіхом.

Напередодні проведення святкових заходів відзначення літературної діяльності О. Олеся у Відні А. Жук запрошуав ювіляра на літературний вечір, який планувався на 27 грудня 1922 р. Коротко ознайомив з планом культурного заходу [4, арк. 30]. О. Кандиба у листі від 25 грудня 1922 р. до А. Жука повідомляв, що не зможе відвідати літературний вечір через стан здоров'я і при цьому подякував організаторам за проведену роботу: «Не відмовте перепросити тим культурним і громадським, а також приватним особам, які беруть участь в Комітеті, що вони сим роблять мені велику і незаслужену честь. Се свідчить про їх любов і пошану до Рідного Слова і [...] почести виправдує мою згоду на [...] сієї любові і пошани з нагоди мого ювілею» [4, арк. 18 зв.].

27 грудня 1922 р. у Відні в приміщені австрійських інженерів і архітекторів відбувся літературно-вокальний вечір вшанування творчої діяльності О. Кандиби. Зі вступним словом виступив А. Жук [4, арк. 31]. Перебіг цього культурного заходу А. Жук подав в січневому номері часопису «Український прапор» за 1923 р. у статі: «Ювілей 20-літньої творчості літературної діяльності О. Олеся». Зокрема А. Жук писав, що: «За сих двадцять літ збагатив Олесь нашу літературу кількома томами незрівняних поезій, став найбільш улюбленим нашим поетом, а плоди його поетичної творчості увійшли вже в постійний репертуар духовного життя нашого народу. Не можна тому допустити, щоби двадцятилітні роковини літературної діяльності поета такої міри як Олесь, пройшли для суспільності не замічені, щоб він не відзначив її загально прийнятим способом і не зробив сеї нагоди культурного свята. І суспільність се зробить, сповнюючи свій обов'язок супроти рідного письменника і супроти поета» [2].

Перебуваючи у вирі еміграційного життя Відня, А. Жук був ініціатором створення Комітету допомоги голодуючому українському селу. В даному комітеті виконував функції скарбника. Через різні обставини засідання даного комітету переносились. Про це ми дізнаємось із переписки голови комітету О. Караповича з А. Жуком протягом вересня-жовтня 1925 р. Щоб інформувати широку громадськість про існування такої організації А. Жук звернувся листом від 7 січня 1926 р. до берлінської редакції «Українського прапора» та львівських «Діла» і «Рада» з проханням розмісти на своїх сторінках повідомлення про діяльність даного комітету [5, арк. 6]. Зокрема, у зверненні від 25 червня 1925 р. до редакції «Діла» А. Жук прохав надіслати на рахунок Краєвого комітету голодуючому селу у Львові 15 доларів його гонорару за червень 1925 р. Цим А. Жук не обмежився. 9 червня 1925 р. інформував Краєвий Союз кредитовий у Львові про надіслання 100 шилінгів від Комітету у Відні на потреби українського села [5, арк. 10]. Також А. Жук повідомляв аналогічний Краєвий Комітет голодуючому селу у Львові про роботу віденської організації [5, арк. 4]. Діяльність віденського комітету давала свої плоди. Як приклад, А. Жук надводить отриманий лист від учительки однієї з київських шкіл про отриману допомогу і перелік бажаних адресів на котрі потрібно надіслати допомогу (кошти, продукти, одяг). Підсумком стало звернення А. Жука до керівництва віденського комітету в якому той зазначав: «З своєї сторони дуже прошу Хвальний Комітет не оставити без дальшої піддержки учительський персонал українських шкіл у Києві так продуктами поживи, як предметами одягу і обуві. Дуже було б добре якби перечисленні в письмі особи дістали під Різдво хоч маленькі посилки поживи» [5, арк. 31]. Крім того, був складений звіт з діяльності Комітету допомоги голодуючому українському селу. Даний документ датований 7 січнем 1926 р. і підписаний А. Жуком. Зокрема в ньому зазначені джерела і пожертви, які вдалось отримати у сумі більше двох мільйонів австрійських крон і надіслані Краєвому комітету голодуючому селу у Львові. Андрій Жук був включений до складу осіб, які збирали пожертву для українського села серед української громади Відня та

Австрії. Так протягом 29-31 липня 1922 р. він збирал гроші і речі, а після цього протягом 5 днів А. Жук передав отриману пожертву доктору Р. Перфецькому [5, арк. 42].

Українські еміграційні політичні діячі, які були активними учасниками Революційної Української Партії (далі РУП) спробували опублікувати спогади про свою діяльність в лавах РУП. Відповідно був створений комітет для видання спогадів колишніх членів РУП. Я. Голоцінський – один з членів даного комітету – звернувся листом від 29 серпня 1929 р. до А. Жука взяти активну участь в роботі підготовки і подання своїх спогадів. У листі відповіді, датованого 6 вересня 1929 р., А. Жук коротко наголосив, що «одначе ледве чи я зможу з цих запросин скористати, бо мої матеріальні обставини того рода, що я не можу оплачувати друк мною написаного. Хіба що звільнили б мене від цього услів'я» [6, арк. 20 зв.]. Проте вже у наступному листі від 10 вересня 1929 р. А. Жук погодився написати свої спогади про діяльність в РУП. Водночас він намагався уточнити деякі моменти, які на його переконання носили принциповий характер. Зокрема, А. Жук запитував Я. Голіцінського про те, що «не відомо як Ви се звалий «Комітет для видання спогадів бувших членів РУП» берете справу РУП – чи трактуєте її як щось осібне від УСДРП і спомини мають обмежуватись часами 1900-1905 чи роки 1900-1905 уважаєте лише періодом в історії української соціал-демократії, а «Спілку», наприклад одним з її періодів? Бо від такого чи іншого підходу до справи залежить і круг людей до котрих треба звернутись в спогадах, і час, який мають обминати спогади...» [6, арк. 9]. А. Жук справедливо наголошував, що немає ніякого принципового значення між РУП і УСДРП, оскільки відбулась формальна зміна назви партії «а тому я гадав би що спомини повинні обминати увесь час існування партії (РУП-УСДРП). А до участі в збірці спогадів притягти належить не тільки тих товаришів, які працювали в партії, тоді як вона мала назу РУП, а також тих, що працювали тоді в партії коли вона називалась УСДРП» [6, арк. 9]. Крім того, А. Жук висловив бажання присвятити публікацію збірника спогадів до 30-річчя

історії української соціал-демократії, а також написання статей в яких висвітлювалась історія партії із опублікуванням документів.

Саму ініціативу написання партійний спогадів А. Жук вважав потрібною. Щодо його особистої участі у цьому проекті то «для мене особисто ця справа байдужа, але ті ініціатори видання спогадів, що уважають себе принаджними до УСДРП, мали б на мій погляд сторонньої людини, власне такі цілі переслідувати, організовуючи видання збірника спогадів» [6, арк. 9 зв.]. При цьому, А. Жук запевнював, що готовий підготовити свій варіант спогадів, який хронологічно буде охоплювати 1900-1907 рр. Також зазначав, що надісланий перелік осіб, які причетні до РУП можна збільшити, але «ця справа безпредметова, бо люди перебувають в краю і ніхто Вам звіти нічого не пришле. Та і звертатись до них не є на мій погляд вказаним, щоб наражувати людей на підозріння у зносинах з еміграцією з усікими конвенціями цього «злочину» [6, арк. 9 зв.]. Також А. Жук запропонував розширити список діячів РУП-УСДРП, які перебували на еміграції для підготовки спогадів. Водночас в нього викликали заперечення деякі персони, які були включені до Комітету. «Чому наприклад М. Міхновського зачисляються до співчуваючих, коли він зовсім не співчував РУП, як сам перестав уважати себе ерупістом, а це наступило дуже скоро, – наголошував А. Жук. – Потім Чикаленко співчував, але це співчуття було патріотичним, а не політичним і зачисляти його до симпатиків РУП в політичному значенню – ледве чи можна. Богдан Ярошевський був у хвилевому «союзі» з РУП, але симпатиком дуже сумнівним» [6, арк. 9 зв.]. В кінці свого листа А. Жук наполягав на тому, що «уважаю дуже важним, щоб забезпечити участю у збірнику Винниченка, Порша, Меленевського, щоб уникнути односторонності» [6, арк. 9 зв.].

Також А. Жук спілкувався по справі публікації спогадів колишніх членів РУП-УСДРП з Миколою Поршем. Так в листі від 10 квітня 1928 р. А. Жук наголошував: «Як сумно, що зійшла наша стара ерупівська-есдецька гвардія на пси. Невже і наш час і всі ми персонально дійсно вже належимо до історії. А в такому разі повинні ми постаратися дати для цієї історії принайменні повну і

точну картину того, що нами робилось і думалось. Ось і для чого я намірився написати свої спомини про роботу в РУП-УСДРП, використовуючи для цього і зібранні мною матеріали, а маю надію, що Ви в цьому ділі також мені поможете своїми інформаціями. За яких півтора року буде 30 літ від часу основання РУП. Чи не треба було б подумати про від святкування цієї дати?» [7]. У листі відповіді М. Порш від 7 листопада 1929 р. підтримував А. Жука і наголошував, що святкування річниць РУП і УСДРП нерозривно пов'язано, оскільки «чи то обидва ювілеї не присвячено одному і тому самому політичному тілові-духові? Або чи ця справа має приватний характер, а не національно-громадський характер? Або й той предивний своїм складом ініціативний комітет, складений очевидно за засадою особистого приятелювання? Загалом кажучи, ініціативу 30-річної відзнаки РУП треба вітати. Ліпше мати хоч щось друковане про партію, яка зіграла величезну роль в історії національного нашого руху. Тим більше людей нашої генерації такого віку, коли вони можуть не сьогодні-завтра піти у вічну і безплатну мандрівку, забравши з собою ненаписану сучасникам і майбутнім генераціям невідому, частину нашої історії...»[7]. Також повідомляв про надання згоди брати участь у формуванні збірника присвяченому РУП. Водночас у М. Порша викликала здивування інформація з листа А. Жука про наміри підготувати окремий збірник про УСДРП. «Що ж до другого збірника, УСД-нівського, то я нічого не чув – тільки від Вас почув вперше – ні від кого. Не уявляю собі як то можна писати про УСДРП одриваючи її від РУП, а до щей групі, яка в особі Мазепи, Феденка, Романченка та Довженка, майже не знала РУП? А до того ще й я мало вірю у їхню працездатність, отже, й у те, що їхній збірник побачить світ. Ледачі та, певне й зарозумілі вони: генерали без армії, без перспектив, без руху» [7]. Отже, як бачимо у минулому провідний діяч РУП-УСДРП М. Порш, який мав певні ідеологічні і тактичні розбіжності з А. Жуком був солідарним з ним щодо порушених вище питань. В силу обставин задум опублікувати партійні спогади колишніх членів РУП-УСДРП ініціаторам не вдалось реалізувати.

Перебуваючи територіально у Відні, Жук не залишався байдужим до мирних протестів українців у Львові, приурочених дню 1 листопада – 10 річниці проголошення ЗУНР. Акції свідомих галицьких українців привели до зіткнень із польською владою. Перебіг цих подій А. Жук написав у своїй статті «Погром українців в Польщі» на підставі даних української преси. Акцентуючи увагу на погромах протягом трьох перших днів листопада 1928 р. А. Жук їх охарактеризував так: «Оце блідий образ того погому, що його зазнали українці міста Львова в перших днях падолиста від польської шовіністичної суспільності, на чолі з польським студентством. Результатом цього погому – сотні поранених, покалічених і побитих людей та величезні матеріальні втрати, тим доскульнійші, що українські національні інституції це інституції бідного народу, гнобленого національно і визискуваного економічно. Польська держава стягає з українців страшні податки, а їх національних і культурних і економічних інституцій не тільки не спомагає, а всяким способом старається спинити їх розвій» [3, арк. 4]. А. Жука дивував цинізм польських діячів, який проявлявся на сторінках польської преси щодо листопадових подій 1928 р. Виправдовуючи дії поляків автори статей наголошували, що приводом реакції польської влади і частини громадянства були нібито пошкоджені українцями у ніч на 1 листопада двох польських пам'ятників «оборонцям Львова». При цьому А. Жук наголошував, що дії поляків не обмежились тільки містом Львовом: «...слідом за львівським погромом відбувається правда не кріавий за те загальний погром українського населення і його національних організацій відбувається на всіх українських землях під Польщею, особливо в цілій Східній Галичині. Особливу увагу звернула польська адміністрація на українські кооперативи та просвітні товариства, дезорганізовуючи в краю українське економічне і просвітнє життя» [3, арк. 6].

Отже, після поразки національно-визвольних змагань 1917-1921 рр. і припинення діяльності СВУ А. Жук перебуваючи на еміграції активно включається в роботу українського еміграційного середовища Відня. Свідченням цього може слугувати активна участь А. Жука у підготовці

проведення літературного ювілею О. Олеся і роботи в Комітеті допомоги українському голодуючому селу. При цьому він не був байдужим до утисків українців в Галичині та підтримував ініціативу написання і опублікування спогадів колишніх членів РУП-УСДРП.

Джерела та література

1. Гирич І. У тіні В. Липинського (Андрій Жук як політичний мислитель й дослідник історії визвольного руху / І. Гирич // Молода нація. – 2002. – №. 3. – С.8-45; Він же. Канадський архів Андрія Жука // Там само. – С. 168-176; Осташко Т. А. Жук в добі національно-визвольних змагань / Т. Осташко // Там само. – С.46-57; Молдован Я. Участь Андрія Жука в українському національно-визвольному русі під час Першої світової війни / Я. Молдован // Пам'ятки: археологічний щорічник. – К., 2009. – Т. 10. – С. 68-76.
2. Жук А. Ювілей 20-літньої творчості літературної діяльності О. Олеся / А. Жук // Український прапор. – 1923. – 13 січня.
3. Центральний державний архів вищих органів влади та управління України (далі ЦДАВО України). – Ф. 3807. – Оп. 2. – Спр. 11.
4. ЦДАВО України. – Ф. 3807. – Оп. 2. – Спр. 12.
5. ЦДАВО України. – Ф. 3807. – Оп. 2. – Спр. 13.
6. ЦДАВО України. – Ф. 4449. – Оп. 1. – Спр. 11.
7. Library and Archives Canada. – The Andry Zhuk Collection MG30, C 167. – Volume 24 . – File 1.

Освещаются неизвестные страницы эмиграционной деятельности украинского государственного деятеля в Вене периода 20-х гг. XX в. В публикации впервые используются малоизвестные архивные материалы, которые проливают свет на страницы жизненного пути Андрея Жука в межвоенный период.

Ключевые слова: А. Жук, А. Кандыба, Вена, украинская эмиграция, Комитет помощи украинской голодающей деревне.

The unknown pages of emigrant activity of the Ukrainian statesman are illuminated in Vienna of period of 20th of XX of century. The not popular archived materials that throw light on the pages of course of life of Andriy Zhuk intermilitary period are first used in a publication. Research aim - to light up the not popular aspects of activity of Andriy Zhuk in the environment of Ukrainian emigration of Vienna the 1920 XX of century. Historiography of this range of problems is unexplored in connection with absence of access of the Ukrainian researchers to the personal archived funds of Andriy Zhuk by a foreign country/pl. Shown participating of Andriy Zhuk in activity of organizing committee for realization of measures in relation to the literary anniversary of Oleksandr Kandyba. Organizational work of Andriy Zhuk is also illuminated in activity of Committee of help to the Ukrainian starving village. A design review is with Mykola Porsh in relation to the publication of remembrances of former members of the Ukrainian social democrats. Shown position of Andriy Zhuk in relation to the Polish massacres of the Ukrainian cities of Galychina at the end of 1920 those years of XX of century.

Key words: A. Zhuk, O. Kandyba, Vienna, Ukrainian emigration, Committee of help the Ukrainian starving village.

А. В. Новосельська

**Періодизація історії розвитку системи вищої освіти у сфері культури
і естетичного виховання на півдні України
(кінець XIX – початок XXI ст.)**

У статті пропонується періодизація історії розвитку системи професійної освіти в сфері культури та естетичного виховання на Півдні України. Проводиться аналіз актуальності даної теми для організації повноцінного наукового вивчення, представляється попередня класифікація навчальних закладів сфері культури та естетичного виховання регіону. Формулюється характеристика змісту кожного періоду, визначаються їх основні змістовні моменти і тенденції, актуальні для сучасного стану системи освіти у сфері культури та естетичного виховання.

Ключові слова: Південь України, історія педагогіки, система освіти, освіта в сфері культури та естетичного виховання.

Становлення України як незалежної демократичної держави передбачає кардинальні зміни в усіх сферах життя суспільства. Ключову роль у цьому процесі відіграє сфера виховання та освіти. Реформування системи вищої та професійної освіти заявлено одним із пріоритетів гуманітарної політики держави. Про це, зокрема, йдеться у Державній національній програмі «Освіта» («Україна ХХІ століття», 1993) [1], в редакціях Закону України «Про освіту» (1991, 1996, 2006, 2012) [2], «Про загальну середню освіту» (1999) [3], проекті Закону України «Про професійну освіту» [4]. У Національній доктрині розвитку освіти (2002) [5] позначені пріоритетні напрями державної освітньої політики, а саме: особистісна орієнтація освіти, формування національних і загальнолюдських цінностей, створення для громадян рівних можливостей отримання освіти, постійне підвищення якості освіти, оновлення її змісту та форм організації навчально-виховного процесу, розвиток системи професійного і творчого освіти та ін. Метою даного процесу має стати утвердження людини як найвищої соціальної цінності, всеобічне розкриття її здібностей, творчої індивідуальності, яке дасть стимул до глибоких соціальних, духовних і

економічних перетворень в країні. Сьогодні держава все гостріше відчуває потребу в творчих індивідуальностях, що мають необхідну компетенцію і підготовку для успішної конкуренції в світовому професійному просторі, здатних до впровадження інноваційних технологій у всіх сферах суспільної діяльності.

У цьому контексті особливу роль відіграє система освіти у сфері культури та естетичного виховання, так як в ній відбувається виявлення та розвиток творчого потенціалу особистості, формуються тенденції подальшого розвитку національної, масової та елітарної культури, як у широкому загальносоціальному, так і в локальному, професійному сенсах. При цьому система закладів освіти у даній сфері має свою тривалу історію, неоцінений повністю дослідниками накопичений теоретичний і практичний досвід [6–9].

Кількісний аналіз, проведений на підготовчому етапі дослідження показав, що в період з кінця XIX ст. до сьогоднішнього дня на території південного регіону України було створено близько 50 навчальних закладів сфери культури та естетичного виховання вищого (ІІ–ІV рівні акредитації: профільна академія, 3 консерваторії, більше 10 вищих навчальних закладів, іх філій і спеціалізованих факультетів у педагогічних ВНЗ) і близько 40 професійного (І–ІІ рівні акредитації: училища) рівня. Їх попередню класифікацію можна провести за видовим принципом: академія (Луганська державна академія культури і мистецтв), консерваторії та музичні академії (Дніпропетровська консерваторія імені М. І. Глінки, Донецька державна музична академія імені С. С. Прокоф'єва, Одеська національна музична академія імені А. В. Нежданової), університети та інститути (РВНЗ «Кримський університет культури, мистецтв і туризму», Інститут культури і мистецтв Луганського національного університету імені Т. Г. Шевченка, Інститут педагогічної освіти Миколаївського національного університету імені В. О. Сухомлинського, Інститут мистецтв Південноукраїнського національного педагогічного університету імені К. Д. Ушинського, Інститут психолого-педагогічної освіти та мистецтв Бердянського державного педагогічного

університету, Інститут філології, історії та мистецтв РВНЗ «Кримський гуманітарний університет»), спеціалізовані факультети (регіональні факультети Київського національного університету культури і мистецтв, факультет української й іноземної філології та мистецтвознавства Дніпропетровського національного університету імені Олеся Гончара, факультет соціальної педагогіки та психології Запорізького національного університету, педагогічний факультет Ізмаїльського державного гуманітарного університету, факультет мистецтв Криворізького педагогічного інституту Криворізького національного університету, факультет мистецтв РВНЗ «Кримський інженерно-педагогічний університет», факультет мистецтв та художньої освіти Мелітопольського державного педагогічного університету імені Б. Хмельницького, факультет культури і мистецтва Херсонського державного університету), профільні училища та коледжі музичного та мистецького спрямування. Дані установи роблять підготовку за кваліфікаційними рівнями «молодший спеціаліст», «бакалавр», «спеціаліст» та «магістр» на основі затверджених державних програм, навчальних планів і відповідно до стандарту професійної та вищої освіти України.

Реформа системи освіти в Україні намітила нові орієнтири розвитку всіх її складових частин. У зв'язку з цим, представляється актуальним узагальнення досвіду, визначення досягнень і недоліків існуючої в Україні системи вищої та професійної освіти у сфері культури та естетичного виховання, досі не ставала предметом окремого наукового дослідження. Логічним видається формулювання необхідних теоретичних і практичних заходів щодо її вдосконалення, усунення об'єктивних недоліків, приведенню у відповідність з участию країни в інтеграційних процесах в освітній сфері Європи. Дані положення обґрунтують актуальність обраної теми дослідження.

Одним з найбільш важливих, але недостатньо висвітлених питань в історії розвитку системи вищої професійної освіти сфери культури та естетичного виховання на Півдні України є проблема виявлення окремих періодів розвитку даного процесу. Аналіз спеціалізованої узагальнюючої

літератури за темою [10–11] дає підстави вважати, що запропонований авторами досліджень проблемний підхід не дозволяє повноцінно вивчити процес створення та розвитку різних професійних педагогічних закладів – музичних, художніх, театральних училищ, спеціальних кафедр, факультетів, інститутів та університетів, спеціалізованих академій і консерваторій. У зв'язку з цим актуальним є розгляд основних напрацювань сучасних дослідників. У ряді дисертаційних досліджень [12–14] розглядаються окремі аспекти розвитку музичної та співочої освіти на території України в різні періоди, проте концепції розвитку системи спеціалізованих навчальних закладів на регіональному або загальноукраїнському рівнях в них не представлено. Особливу роль у літературі по темі грає докторська дисертація професора, завідувача кафедри методики викладання суспільних дисциплін Сумського державного педагогічного університету імені А. С. Макаренка О. В. Михайличенко [15]. У ній запропонована перша спроба систематизувати процес розвитку музично-естетичної освіти в Україні в другій половині XIX – початку XX ст. Дослідник поділяє його на періоди, що передували появі системи спеціалізованого виховання (історико-синкретичний і ортодоксально-секуляризаційний тощо), протягом яких музика і естетичне виховання не були предметом окремого педагогічного інтересу, входили як у побутовій, так і в загальносоціальні контекст життя сім'ї і соціальних груп. Безпосередньо етапами становлення і розвитку відповідної педагогічної сфери діяльності О. В. Михайличенко називає 1860–1880 рр. – час змістово-визначального етапу, що характеризується появою умов і обставин для створення відповідної мережі навчальних закладів, та кінець XIX – початок XX ст. – час активного розвитку музичної та естетичної педагогіки в спеціалізованих навчальних закладах. Дисертація І. В. Авескулової містить необхідні узагальнення про діяльність імператорського Російського музичного товариства на території України з відкриття нових навчальних закладів [16].

Аналіз сучасної системи спеціалізованих навчальних закладів культури і естетичного виховання Півдня України дозволяє сформулювати періодизацію

їх історії та розвитку. Вона складається з чотирьох хронологічно спадкоємних періодів:

1) Кінець XIX – 1920 р. – період створення і функціонування професійних навчальних закладів сфери культури Півдня України: характеризується благодійною та меценатською діяльністю громадських та державних установ щодо створення спеціалізованих навчальних закладів. У даному контексті особливу роль грала діяльність імператорського Російського музичного товариства, яке за короткий час організувало постійну навчально-виховну та творчу роботу ряду музичних училищ в Одесі, Катеринославі, Миколаєві, Сімферополі. Також була проведена робота по становленню основ професійної художньої освіти – засування спеціалізованих училищ в Одесі на початку ХХ в. Даний процес носив характер громадської ініціативи і отримав підтримку з боку офіційних органів освіти Російської імперії. При цьому, відповідні спеціалізовані училища не мали централізованого фінансування, а організовували свою діяльність на основі збору благодійних коштів та фінансової підтримки з боку місцевого самоврядування – земств, міських управ і дум.

Якісним результатом початкового періоду можна вважати заснування консерваторії в Одесі (1913 р.) і спробу організації вищої музичної установи – консерваторії – в Катеринославі (1919–1923 рр.). Дані події демонстрували значний професійний потенціал створених на рубежі XIX–XX ст. спеціалізованих училищ. В цілому, даний період розвитку професійної освіти у сфері культури та естетичного виховання можна охарактеризувати як підготовчий і в багатьох проявах – аматорський, заснований на громадській ініціативі, такий, що не мав системного плану розвитку. Проте, саме на початку ХХ в. були закладені основні організаційні принципи побудови системи спеціалізованого навчально-виховного процесу, визначено основні форми його реалізації.

2) 1921–1941 рр. – період профілізації і реорганізації навчальних закладів сфери культури та естетичного виховання в УРСР. У цей час система освіти в

УРСР була повністю реорганізована як така: вся повнота керівництва і контролю за навчально-виховним процесом перейшла в руки державних органів, відповідні навчальні заклади музичного та художнього профілю увійшли в загальну систему державної вищої та професійної освіти. Для спеціалізованих навчальних закладів Півдня України цей процес означав або значне зниження статусу – Дніпропетровська консерваторія в 1923 р. була реорганізована в музично-театральний технікум зі статусом вищого навчального закладу, проте, вже в 1930 р. – заклад отримав статус середнього навчального закладу, а в 1937 р. технікум був перетворений в музичне училище. Навпаки, в Одесі була збережена спадкоємність системи музичної освіти: в 1925 р. від консерваторії виділилася Музична професійна школа, яка в 1930 р. була перетворена в Музично-театральний технікум, а в 1934 р. – у Музичне училище. При цьому, співпраця і зв'язок вищої та професійної навчальних закладів не були втрачені. Фактично, в Одесі в 20-30 рр. ХХ ст. була створена перша на території Півдня України система багатоступінчатої освіти в сфері музики, що можна вважати значним прогресом у процесі підготовки професійних кадрів. Спеціалізовані навчальні заклади сфери культури та естетичного виховання з'явилися на протязі цього періоду в ряді міст Півдня України (Запоріжжя, Мелітополь, Миколаїв, Херсон).

3) 1945 р. – кінець 80-х рр. ХХ ст. – період уніфікації мережі спеціалізованих навчальних закладів культури і мистецтв. Характеризувався відновленням навчального процесу в навчальних закладах, що існували в довоєнний час. Основною формою організації навчального процесу у сфері культури постає училище, яке могло носити як синкретичний характер (училища культури, училища культури і мистецтв), так і профільний (музичні, художні, театральні училища). У 1968 р. в Донецьку відкривається музично-педагогічний інститут, що мав на меті підготовку фахівців з вищою освітою.

Система вищої та професійної освіти у сфері культури в цілому була підпорядкована уніфікованим навчальними планами, загальному набору навчальних дисциплін, була складовою частиною загальної політики держави у

сфері культури. У роботі педагогічних колективів було присутнє значне прагнення відповісти основним нормам радянської педагогіки і настановам партійно-державного апарату у вихованні молодого покоління. Разом з тим, період другої половини 40-х – кінця 80 -х рр. ХХ в . став часом повноцінного розвитку спеціалізованих навчальних закладів, їх заснування та плідної діяльності не тільки в обласних центрах (Дніпропетровськ, Донецьк, Запоріжжя, Луганськ, Миколаїв, Одеса, Сімферополь, Херсон), але і в найбільш великих населених пунктах Півдня України (Алчевськ, Бердянськ, Дніпродзержинськ, Ізмаїл, Кривий Ріг, Маріуполь, Сєвєродонецьк). Розширення географії установ сфери культури та естетичного виховання в регіоні сприяло значному підвищенню доступності спеціалізованої освіти, задовільняло відповідні потреби держави в підготовлених фахівцях.

4) 1991 – по теперішній час – період розвитку системи освіти у сфері культури та естетичного виховання в умовах незалежності України характеризується становленням повноцінної багаторівневої професійної системи навчальних закладів. Вона представлена як відповідними профільними училищами (музичної, художньої і театральної спеціалізації), так і універсальними училищами культури і мистецтв. На межі ХХ–ХХІ ст. формується система факультетів вищих навчальних закладів та інститутів у складі університетів (Інститут психолого-педагогічної освіти та мистецтв Бердянського державного педагогічного університету, Інститут філології, історії та мистецтв РВНЗ «Кримський гуманітарний університет», Інститут культури і мистецтв Луганського національного університету імені Тараса Шевченка, Інститут педагогічної освіти Миколаївського національного університету імені В. О. Сухомлинського, Інститут мистецтв Південноукраїнського національного педагогічного університету імені К. Д. Ушинського, факультет української та іноземної філології та мистецтвознавства Дніпропетровського національного університету імені Олеся Гончара, факультет соціальної педагогіки та психології Запорізького національного університету, Педагогічний факультет Ізмаїльського державного

гуманітарного університету, факультет мистецтв Криворізького педагогічного інституту Криворізького національного університету, факультет мистецтв РВНЗ «Кримський інженерно-педагогічний університет», факультет мистецтв та художньої освіти Мелітопольського державного педагогічного університету імені Б. Хмельницького, факультет культури і мистецтва Херсонського державного університету, факультети Київського національного університету культури і мистецтв). Також за роки незалежності України було реорганізовано ряд професійних навчальних закладів. У 1991 р. Донецький музично-педагогічний інститут був перетворений в консерваторію, а в 2002 р. – в музичну академію імені С. С. Прокоф'єва. Одеська державна консерваторія була перетворена в Одеську державну музичну академію імені А. В. Нежданової також у 2002 р., а в 2012 р. – їй було надано статус національного навчального закладу. У Дніпропетровську в 2006 р. музичне училище отримало статус консерваторії, а в Сімферополі в 2004 р. Кримське училище культури було перетворено в Кримський університет культури, мистецтв і туризму, що отримав статус вищого навчального закладу республіканського підпорядкування.

В цілому, на початок ХХІ ст. на Півдні України створена достатня база навчальних закладів, що проводять підготовку фахівців у сфері культури та естетичного виховання. Актуальною необхідністю розвитку даної системи є її якісна інтеграція та визначення оптимальних форм об'єднання професійних навичок молодих випускників – фахівців з необхідністю широкої теоретичної підготовки. Результатом цього синтезу може стати створення інтегрованих навчальних закладів повного освітнього циклу, що роблять можливим безперервне отримання практичних і теоретичних навичок, підготовку фахівців з повною вищою освітою та високим ступенем конкуренції в професійному середовищі.

Джерела та література

1. Постанова Кабінету міністрів України від 3 листопада 1993 р. «Про Державну національну програму «Освіта» («Україна ХХІ століття»)» [Електронний ресурс]. – Режим доступу до документу : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/896-93-%D0%BF>.
2. Закон України «Про освіту» [Електронний ресурс]. – Режим доступу до документу : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/1060-12>.
3. Закон України «Про загальну середню освіту» [Електронний ресурс]. – Режим доступу до документу : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/651-14>.
4. Проект Закону України «Про професійну освіту» [Електронний ресурс]. – Режим доступу до документу : mon.gov.ua/img/zstored/files/doc_10072013_002.doc.
5. Кремень В. Г. Освіта і наука України: шляхи модернізації : Факти, роздуми, перспективи / Василь Григорович Кремень. – К. : Грамота, 2003. – 216 с.
6. Гупан Н. М. Розвиток історії педагогіки в Україні (історіографічний аспект) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня докт. пед. наук : спец. 13.00.01 «Загальна педагогіка та історія педагогіки» / Н. М. Гупан. – К., 2001. – 39 с.
7. Березівська Л. Д. Організаційно-педагогічні засади реформування шкільної освіти в Україні у ХХ столітті : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня докт. пед. наук : спец. 13.00.01 «Загальна педагогіка та історія педагогіки» / Л. Д. Березівська. – К., 2009. – 44 с.
8. Черкасов В. Ф. Розвиток музично-педагогічної освіти в Україні (друга половина ХХ – початок ХХІ століття) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня докт. пед. наук : спец. 13.00.01 «Загальна педагогіка та історія педагогіки» / В. Ф. Черкасов. – К., 2009. – 38 с.
9. Матвієнко С. І. Музична освіта та виховання дітей і молоді на Чернігівщині (XVIII–XIX ст.) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня

- канд. пед. наук : спец. 13.00.01 «Загальна педагогіка та історія педагогіки» / С. І. Матвієнко. – Х., 2010. – 20 с.
10. Михайличенко О. В. Нариси з історії музично-естетичного виховання дітей та молоді в Україні: друга половина XIX – початок XX ст. / О. В. Михайличенко / Київський держ. лінгвістичний ун-т. – К. : Видавничий центр КДЛУ, 1999. – 255 с.
11. Мистецька освіта в Україні : теорія і практика / Художественное образование на Украине : теория и практика / О. П. Рудницька [та ін.] ; заг. ред. О. В. Михайличенко, редактор Г. Ю. Ніколаї. – Суми: СумДПУ ім. А. С. Макаренка, 2010. – 255 с.
12. Карпінська Т. В. Розвиток змісту музично-фольклористичних дисциплін у системі вищої музичної освіти України (20-ті рр. ХХ – поч. ХХІ ст.) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. пед. наук : спец. 13.00.01 «Загальна педагогіка та історія педагогіки» / Т. В. Карпінська. – К., 2005. – 20 с.
13. Ляшенко Т. В. Музична діяльність громадсько-культурних товариств Чернігівщини в контексті розвитку української національної культури першої третини ХХ століття : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. мистецтвознавства : спец. 17.00.01 «Теорія та історія культури» / Т. В. Ляшенко. – К., 2006. – 18 с.
14. Рудічєва Н. К. Теорія та практика навчання співу у початкових школах Слобожанщини (друга половина XIX – початок ХХ ст.) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. пед. наук : спец. 13.00.01 «Загальна педагогіка та історія педагогіки» / Н. К. Рудічєва. – Х., 2007. – 20 с.
15. Михайличенко О. В. Музично-естетичне виховання дітей та молоді в Україні в другій половині XIX – на початку ХХ ст. : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня докт. пед. наук : спец. 13.00.01 «Загальна педагогіка та історія педагогіки» / О. В. Михайличенко. – Луганськ, 2007. – 40 с.

16. Авескулова І. В. Просвітницько-педагогічна діяльність в Україні імператорського Російського музичного товариства (друга половина XIX – початок ХХ ст.) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. пед. наук : спец. 13.00.01 «Загальна педагогіка та історія педагогіки» / І. В. Авескулова. – Х., 2010. – 20 с.

В статье предлагается периодизация истории развития системы профессионального образования в сфере культуры и эстетического воспитания на Юге Украины. Проводится анализ актуальности данной темы для организации полноценного научного изучения, представляется предварительная классификация учебных заведений сферы культуры и эстетического воспитания региона. Формулируется характеристика содержания каждого периода, определяются их основные содержательные моменты и тенденции, актуальные для современного состояния системы образования в сфере культуры и эстетического воспитания.

Ключевые слова: Юг Украины, история педагогики, система образования, образование в сфере культуры и эстетического воспитания.

The article proposes a periodization of the history of development of professional and art education in the South of Ukraine. Analyzes the relevance of the topic to organize full scientific study, it is a preliminary classification of institutions of culture and aesthetic education in the region. Formulated characteristic content of each period are determined by their main points of and trends relevant to the current state of the education system in the sphere of culture and aesthetic education.

Key words: South of Ukraine, history of pedagogy, education system, education, cultural and aesthetic education.

И. Ф. Стельмах

Определение категории общественных музеев

В статье анализируется понятие «общественный музей» как одна из актуальных проблем фундаментального музееведения. Уточняется научно-понятийный аппарат, указывается необходимость проведения дополнительных научных исследований, а также совершенствование нормативно-правовой базы в области музееведения.

Ключевые слова: музей, общественный музей, музееведение.

Актуальность. На сегодняшний день на территории АР Крым действует более 300 общественных музеев или музеев, не являющихся юридическими лицами, созданных при предприятиях, учреждениях, организациях и учебных заведениях. Каждый из музеев является неотъемлемой частью современной культуры и соответствует культурным интересам и духовным потребностям той группы населения, которая его создала. Определение сущности, специфики и содержания понятия общественный музей относится к актуальным проблемам фундаментального музееведения, решение которой оптимизирует научную коммуникацию и позволит уточнить систему терминов музееведения. Целью настоящей статьи является определение категории общественных музеев.

Термин «общественный музей», характеризующийся точностью значения и необходимой в рамках музееведения однозначностью, родился в эпоху развитого социализма для регистрации и точного определения конкретного общественного явления – музеев, созданных группами энтузиастов при школах, ведомствах и организациях. На современном этапе развития музееведения он используется далеко не однозначно, что в значительной степени препятствует полному и объективному изучению не только определенной категории музеев, но и научной дисциплины в целом.

Понятие «общественный музей» в значительной степени отличается от сочетания «общественный музей» в контексте обиходной лексики. На протяжении XIX-XX вв. слово «общественный» трактуется в словаре В. И. Даля 1881 г. как «обществу присвоенный, к нему относящийся, общий, мирской» [1]. Как «принадлежащий обществу, не частный, коллективный» – в словаре русского языка С. И. Ожегова [2]. И, наконец, «созданный, накопленный обществом в процессе производства являющийся достоянием всего общества» – в словаре русского литературного языка 1959 г. [3]. Вторая составляющая словосочетания – «музей» – появилась более двух с половиной тысяч лет назад. Древние греки понимали под «мусейоном» святилище муз, место для занятий литературой и наукой. Начиная с эпохи средневековья, «музеем» стали называть коллекции памятников истории, природы, произведений искусства. Словарь В. И. Даля трактует музей как «собрание редкостей или замечательных предметов по какой-либо отрасли науки или искусств; здание для этого; хранилище», определяя три необходимые составные: экспонаты, помещение, музейные фонды.

Сегодня «музей» в Украине определен как научно-исследовательское и культурно-просветительное учреждение, осуществляющее изучение, хранение и использование памятников природы, материальной и духовной культуры [4, с. 191]. Устав Международного совета музеев (ИКОМ) при ЮНЕСКО определяет музей как «постоянное некоммерческое учреждение, призванное служить обществу и способствовать его развитию, доступное широкой публике, занимающееся приобретением, хранением, использованием, популяризацией и экспонированием материальных свидетельств о человеке и среде его обитания в целях изучения, образования, а также для удовлетворения духовных потребностей» [5].

Если расширить определение, сделав его более ёмким, универсальным и применимым для различных сообществ, учитывая тот факт, что общественные музеи не всегда выступают в роли самостоятельных юридических лиц, то музей можно определить как социальный институт сохранения, презентации и

ретрансляции исторического, культурного и природного наследия. Таким образом, «общественным музеем» может быть назван музей, в основе которого лежит коллекция, созданная, накопленная и принадлежащая какому-либо обществу, а не государству или частному лицу.

Независимо от происхождения термина во второй половине XX в., традиция создания общественных музеев, связанная с общественной инициативой, относится к XIX в. Следует отметить, что роль общественных музеев во второй половине XIX в. была чрезвычайно велика. «Масса лиц, сталкивающихся в своей практической деятельности с разнообразными научными вопросами, нередко без труда находит их разрешение в учреждениях подобного рода <...> Музей может <...> помочь стремящимся пополнить свои познания, развить в себе наблюдательную способность и на основании личных, а не чужих впечатлений разрешить для себя некоторые вопросы <...>. Хорошо устроенный музей полезен и подготовленному и неподготовленному, полезен и массам, и немногим избранным и служит могущественным орудием возбуждения интеллектуальной деятельности и культурных интересов в очень обширном кругу лиц» [6, с. 7].

Создание и деятельность «общественных музеев» всегда были связаны с общественной и частной инициативой, деятельностью научных и художественных обществ. Музеи создавались при научных обществах, ученых архивных комиссиях, статистических комитетах, университетах и школах. Коллекции, изначально являвшиеся необходимым элементом занятий научных обществ, со временем становились основой создаваемых этими обществами музеев. В школах создавались музеи наглядных пособий, являвшие собой собрание коллекций, приборов, картин и всего того, что использовалось в ходе учебного процесса. Большинство таких музеев имели библиотеки и различного рода кабинеты для научных занятий. Коллекции экспонировались как в музеях, так и вне музея. Например, из Музея наглядных пособий в г. Харькове музейные экспонаты можно было брать под залог во временное пользование для проведения занятий вне его стен [7, с. 16].

К «общественным музеям» XIX в. можно вполне обоснованно отнести археологические музеи и музеи древностей, открытые Русским археологическим обществом, сельскохозяйственные музеи, основанные Вольным экономическим обществом, музеи при всех провинциальных отделениях Русского технического общества. По инициативе Общества любителей старины и искусства был создан Городской музей в Киеве, в первой половине XIX в. открылись музеи при Харьковском и Киевском университетах [8, с. 23].

В Крыму к разряду музеев при научных обществах может быть отнесен Феодосийский музей древностей, состоявший с 1851 г. в ведении Одесского общества истории и древностей. Энтузиастами-краеведами в 1826 г. был основан Керченский музей древностей. По инициативе участников Крымской войны в память о героических событиях 1853-1855 гг. был создан музей в Севастополе [9, с. 24]. В 1892 г. Ялтинским отделением Крымского горного клуба – общественно-научном объединении, находящемся в ведении Министерства земледелия и государственных имуществ, открылся Ялтинский музей. Усилиями членов Таврической ученой архивной комиссии были созданы музеи в Симферополе (1899 г.) и в Бахчисарае (1897 г.).

Коллекции музеев являлись собственностью тех обществ, которыми создавались, но государство внимательно следило за составом коллекций и их судьбой. Из «Устава Пермского научно-промышленного музея», принятого в 1901 г., явствует, что «поступающие в музей археологические находки, заслуживающие особого внимания, представляются в подлинниках или фотографиях в Императорскую Археологическую Комиссию для рассмотрения с возвращением обратно в музей как его собственность (исключить вещи на казенных землях)» [6, с. 2].

Создание музеев осуществлялось на общественные средства. Например, для создания музея в Севастополе в память о Крымской войне сбор средств шел посредством газеты «Русский инвалид». Руководил музейм специально

избранный на общем собрании совет музея, состоящий из председателя, хранителя и членов совета.

Вторая половина XIX – начало XX вв. обозначили новый этап в развитии общественных музеев. В 1887 г. на VII Археологическом съезде в Ярославле председателем Московского археологического общества П. С. Уваровой была предпринята одна из первых попыток классификации данной категории музеев. В своем выступлении «К вопросу о провинциальных музеях» она разделила их на университетские коллекции, собрания научных обществ и архивных комиссий, а также музеи при научных обществах, статистических комитетах, частные собрания, губернские, земские и коллекции, собранные при реальных училищах и гимназиях. Исследовательница обратила внимание на то, что все эти учреждения обязаны своим существованием труду «отдельных скромных личностей», но для дальнейшего их развития необходимы музейный устав или положение, а также помочь правительства [10, с. 3].

Первый устав, правила классификации и каталогизации коллекций провинциальных музеев были разработаны известным археологом, этнографом, основателем музееведения на Украине конца XIX – начала XX вв. Николаем Федотовичем Биляшивским. Известным научным деятелем была сделана одна из первых попыток анализа и обобщения опыта работы общественных музеев, определена проблематика деятельности, заключавшаяся в правовой незащищенности, неупорядоченной организационной и коллекционной деятельности. Биляшивский считал необходимым создание местных музеев с целью проведения культурно-просветительной деятельности, объединения ученых обществ и сохранения памятников старины [11, с. 52].

Гносеологические корни термина, определившего знаковую для советского периода категорию «общественных музеев», восходят к «местным музеям» начала 20-х гг. XX в. Сложный период строительства в России нового коммунистического общества подразумевал коренную ломку всего государственного и жизненного уклада. Музеи в новых политико-экономических условиях не только сохраняли, изучали и популяризовали

культурное достояние страны, они постепенно превращались в политический инструмент, формирующий мировоззрение людей [12, с. 285]. Распространение музеев при различных обществах и учреждениях, получило необычайно широкий размах. Документальные источники свидетельствуют о пристальном внимании государства к памятникам искусства и старины, находящимся в их ведении. Созданный в мае 1918 г. специальный отдел по Делам музеев и охране памятников искусства и старины в составе Народного комиссариата просвещения имел в своем составе эмиссаров, которые на местах разыскивали исторические и художественные ценности, определяли их значимость и регистрировали. В одном из первых документов новой законодательной базы, призванной обеспечить высокую эффективность деятельности специального отдела по Делам музеев и охране памятников искусства и старины, – в декрете Совета Народных Комиссаров «О регистрации, взятии на учет и охране памятников искусства и старины, которые пребывают во владении частных лиц, товариществ и учреждений» от 5 октября 1918 г., совершенно определено указана общественная собственность товариществ и учреждений на памятники. Согласно Декрету, в целях сохранения, изучения и возможно более полного ознакомления широких масс населения с сокровищами искусства и старины была проведена первая государственная регистрация всех вещевых памятников, как в виде целых собраний, так и отдельных предметов, в чьем бы владении они не находились. Владельцам взятых на учет предметов или собраний оказывалось содействие в деле их «охранения и выдавались особые охранные грамоты» [13, с. 23].

Расширению сети общественных музеев способствовало развитие краеведческого движения, политехнизация, активная работа по написанию истории фабрик и заводов. Значительный рост численности музеев привел к необходимости принятия определенных нормативно-правовых актов. Декретом СНК от 20 августа 1923 г. была выделена категория «местных музеев», находящихся в ведении «губернских отделов народного образования, учреждений здравоохранения, сельскохозяйственных, кооперативных и др. Это

могли быть научные, краеведческие, педагогические музеи». Также категория музеев, «не состоящих непосредственно в ведении Народного Комиссариата Просвещения, т. е. не включенных в сеть Государственных учреждений», отдельно выделялась в Инструкции об учете и охране памятников искусства, старины, быта и природы, принятой Народным комиссариатом просвещения в 1924 г. Согласно инструкции местные или негосударственные музеи обязаны были составлять описи имущества, имеющего музейное значение.

Социальные функции музея в условиях тоталитаризма всецело зависели от политических установок на различных этапах развития советского общества и определялись вполне конкретными постулатами: «Советские музеи, как и социалистическая культура в целом, служат народу и призваны всемерно содействовать осуществлению грандиозных планов коммунистического строительства... Весомость вклада музеев в коммунистическое строительство всецело зависит от раскрытия и использования их специфических возможностей» [14, с. 3]. Тоталитарная политика 30-40-х гг. XX в. в отношении музейных сотрудников и музеев всех форм собственности – принудительное изъятие предметов из фондов с целью пополнения валютных поступлений, закрытие как идеологически вредных и опасных историко-бытовых и историко-художественных музеев, увольнение инакомыслящих – привела к значительному сокращению сети музеев.

Создание и деятельность «местных музеев» на общественных началах стали основным содержанием нового этапа краеведческого движения в послевоенный период. Во второй половине 1950-х гг. активно создавались музеи при органах культуры, в школах, на предприятиях, особенно в тех областях и районах, где остро ощущалась нехватка музеев. Наибольшее распространение получили музеи боевой и трудовой славы, истории комсомола, истории предприятий, мемориальные и школьные музеи. Множество музейных комнат и музеев создавалось силами общественности в селах и районных центрах Украинской республики после постановления ЦК КПСС от 9 января 1960 г. «О заданиях партийной пропаганды в современных

условиях». Создание музея на общественных началах являлось одной из важнейших форм идеологической работы в массах [15, с. 4].

Активная поддержка историко-краеведческого движения со стороны партийных и государственных органов и общественных организаций, Постановление ЦК КПСС 1964 г. «О повышении роли музеев в коммунистическом воспитании трудящихся» способствовали значительному росту сети музеев на общественных началах в 60-е гг. XX в. Наиболее активная деятельность существующих и создание новых музеев, в том числе самодеятельных, были связаны с юбилейными датами: 50-летием Великой Октябрьской социалистической Революции, 100-летием со дня рождения Ленина, 50-летием образования СССР.

В это же время «местные музеи» в музейной литературе определяются и как «самодеятельные музеи». В 1960 г. был проведен первый в Украине семинар работников сельских «самодеятельных музеев» и музейных комнат, работа по созданию которых приобрела массовый характер [16]. Но семинар, организованный Львовским областным управлением культуры и Львовским государственным музеем носил локальный характер.

Значительный рост сети «самодеятельных» – негосударственных музеев обусловил необходимость создания нормативных актов, регулирующих их деятельность. В 1965 г. Министерством культуры СССР было утверждено «Типовое положение о народном музее» как культурно-просветительном учреждении, созданном по инициативе и при непосредственном участии трудящихся на общественных началах. Музеи до этого именовавшиеся «местные, негосударственные, самодеятельные» определяются музейным термином – «народные». Впервые были четко сформулированы условия, необходимые для создания «народного музея», права и обязанности общественного актива музея, определен круг задач, относящихся к организации поисковой, экспозиционной и массово-просветительской работы. Согласно Положению «народные музеи» могли открываться при самых разных организациях – государственных, общественных, кооперативных: на заводах,

фабриках, в школах и других учебных заведениях, в учреждениях и ведомствах, в совхозах и колхозах. В отличие от государственных музеев ни один «народный музей» не имел самостоятельного бюджета, находясь на балансе организаций, при которых состоял. Содержание и рамки деятельности «народных музеев» определялись той организацией, при которой музей был создан. В зависимости от этого выделялись следующие виды «народных музеев»: музеи, созданные при государственных организациях (заводские и фабричные, музеи при учебных заведениях, при учреждениях и ведомствах), «народные музеи» при колхозах и сельсоветах, межрайонные музеи, созданные усилиями нескольких организаций, музеи при райкомах партии и комсомола [17, с. 5].

К концу 70-х гг. XX в. «народные музеи» становятся определенным феноменом культурной жизни и занимают весьма значимое место в музейной жизни страны. В 1978 г. «Типовым положением о музее, работающем на общественных началах» в научный оборот вводится новый музейный термин «общественные музеи», который в отличие от предыдущих наиболее ярко и полно отразил содержание данной категории музеев. Общественный музей определялся как негосударственное культурно-просветительное учреждение, целенаправленно собирающее, хранящее, экспонирующее предметы материальной и духовной культуры, представляющие историческую, научную, художественную и иную ценность [18, с. 186]. Общественные музеи делились на работающие под непосредственным руководством органов культуры (районные, городские, сельские) и отчитывающиеся перед ними; музеи коллективов предприятий, учреждений, совхозов, колхозов, высших и средних специальных заведений, профессионально-технических училищ, работающие под руководством их общественных организаций и администрации (правления), и школьные музеи, функционирующие под руководством органов народного образования.

В 1986 г. термин «общественный музей», разработанный Лабораторией музееведения Центрального музея революции СССР, был включен в

международный музеологический словарь, где определен как музей, работающий на общественных началах и создающийся по инициативе и при непосредственном участии трудящихся при местных органах культуры, в различных учреждениях, на предприятиях, в совхозах, колхозах, в высших и средних специальных учебных заведениях, в школах и т. д. [19, с. 87].

Совершенно очевидно, что «общественные музеи», созданные на базе коллекций различными общественными организациями XIX в., и советские «общественные музеи», созданные по инициативе и при участии трудящихся при различных учреждениях, предприятиях, организациях, заведениях советского периода, являются собой музейные учреждения с различными задачами и формами организации работы. Объединяющими же факторами в их работе являются негосударственная форма собственности на коллекцию и значительная роль общественной инициативы в организации и деятельности музея.

В 90-е гг. XX в. новая политico-экономическая ситуация обусловила кризис и сложный процесс модификации в музейной сфере. Проводилась инвентаризация общественных музеев, перестраивались экспозиции в соответствии с результатами новых научных исследований в области истории.

В 1990 г. Министерством культуры УССР было принято новое «Типовое положение о музее, работающем на общественных началах в УССР», определенном и как общественный, и как самодеятельный. Новым положением, прежде всего, были внесены изменения в определение общественного музея : «Общественный (самодеятельный), музей является культурно-просветительным учреждением, которое создается по инициативе и при непосредственном участии трудовых коллективов или отдельных лиц. Он планомерно собирает, изучает и пропагандирует оригинальные памятники материальной и духовной культуры, которые представляют историческую, художественную, культурную, научную и другую ценность народов, проживающих на территории Украинской ССР» [20].

В рамках становления и развития Украинского независимого государства начался новый этап изучения и анализа сети общественных музеев, связанный, в первую очередь, с необходимостью инвентаризации культурных учреждений. Значительную роль в сохранении и росте сети общественных музеев Украины сыграло развитие краеведческого движения, которое, в свою очередь, базировалось на деятельности общественных музеев. Созданные в советский период и современные общественные музеи остались центрами краеведческой работы на местах. На смену большинству музеев боевой и трудовой славы пришли музеи истории сел и предприятий, мемориальные и этнографические музеи, музеи прикладного искусства, народного творчества и др.

В нормативно-правовой базе Украины термин «общественные музеи» не используется. Введено новое определение «Музеи, не являющиеся юридическими лицами, которые создаются и действуют при предприятиях, учреждениях, организациях, учебных заведениях» [21]. Это в общих чертах напоминает формулировку 1918 г. – музеи, «пребывающие во владении товариществ и учреждений». Тем не менее, наряду со вновь принятыми нормативными актами продолжает действовать «Типовое положение» 1990 г., в котором термин «общественный музей» используется в контексте советского периода. Данный юридический нонсенс не только определяет проблему терминологического характера, но и во многом препятствует полноценной деятельности музеев данной категории.

В современной литературе по музееведению термин «общественный музей» используется для обозначения распространенного типа учреждений, пребывающих под опекой общественных организаций (профсоюзов, партий и т. д.) [8, с. 34], что достаточно близко к определению содержания в XIX в.

Сложная судьба общественных музеев нашла своё отражение также в исследованиях члена международного совета музеев при ЮНЕСКО Г. В. Дарузе, считавшей, что разнообразная полезная деятельность общественных музеев практически не изучена, а их наиболее отличительная черта – личный энтузиазм и интерес организаторов – являются тем самым нематериальным культурным

наследием, охрана которого определена и закреплена Международной конвенцией ЮНЕСКО в 2003 г. [22].

По мнению автора, на сегодняшний день было бы правомерным использование термина «общественные музеи» по отношению ко всем музеям, созданным по инициативе общественности на базе коллекций, не являющихся государственной собственностью, независимо от времени их создания. Дополнительные научные исследования и совершенствование нормативно-правовой базы позволили бы не только расширить и уточнить научный понятийный аппарат, но и в значительной степени углубить знания о специфическом музейном отношении человека к действительности.

Источники и литература

1. Даль В. Толковый словарь живаго великорусского языка Владимира Даля / В. Даль – 2 изд. – С.-Петербург Москва : издание книгопродавца типографа М. О. Вольфа, 1881. – Том И-О. – 780 с.
2. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов / под ред. профессора Н. Ю. Шведовой – 10 изд. стереотипное – М. : Советская энциклопедия, 1973. – 848 с.
3. Словарь современного русского литературного языка / под ред. Л. С. Кавун, И. Н. Шмелева / Академия наук СССР : Институт русского языка. – М. : Ленинград, 1959. – 8 т. – 1840 с.
4. Кулемзин А. Об определении понятия «музей» / А. Кулемзин // Мир музея. – 2008. – № 3. – С. 12–17.
5. Конвенция 2003 г. об охране нематериального культурного наследия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www/ URL: <http://www.un.org/>
6. Устав Пермского научно-промышленного музея (естественно-исторического, сельскохозяйственного и прикладных знаний). – Пермь : [б. и.], 1901. – 24 с.

7. Кобзар В. В. Музей та бібліотеки Російської Імперії напередодні Першої світової війни : огляд та особливості діяльності / В. В. Кобзар // Український технічний музей: історія, досвід, перспективи : матер. 7-ї Всеукр. наук. конф. (м. Київ, 21–22 трав. 2009 р.) / Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПІК. – К., 2009. – С. 14–16.
8. Рутинський М. Й. Музейзнавство : навч. посіб. / М. Й. Рутинський, О. В. Стецюк. – К. : Знання, 2008. – 428 с.
9. Непомнящий А. А. Музейное дело в Крыму и его старатели (XIX – начало XX века) : библиогр. исследование / А. А. Непомнящий. – Симферополь : ТНУ им. В.И. Вернадского, 2000. – 360 с.
10. Известия о занятиях Седьмого Археологического съезда (г. Ярославль, 6–20 августа 1887 г.) / [под ред. О. А. Бычкова]. – 1887. – № 15. – 14 с.
11. Беляшивский Н. Ф. Волынский историко-археологический сборник. Вып. 1 : Издание распорядительного комитета Волынского Церковно-Археологического общества. Почаев – Житомир / Н. Ф. Беляшивский // Киевская старина. – 1896. – № 11. – С. 52–61.
12. Юрнєва Т. Ю. Музееведение : учебник для высш. шк. / Т. Ю. Юрнєва. – М. : Академический проект, 2003. – 560 с.
13. О регистрации, приеме на учет и охранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений : Декрет от 5.10.1918 г. // Декреты и инструкция об учете и охране памятников искусства, старины и природы / Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины Главного управления научных, научно-художественных и музейных учреждений Народного комиссариата просвещения. – М. : [б. и.], 1924. – 25 с.
14. Пищулин Ю. П. Социальные функции советского музея / Ю. П. Пищулин, Д. А. Равикович // Терминологические проблемы музееведения : сб. науч. тр. / Центр. музей революции СССР – М. : [б. и.], 1986. – С. 3-9.

15. Липко С. Працюємо на громадських засадах / С. Липко // З досвіду роботи народних музеїв / Наук.-метод. відділ музеєзнавства Київ. держ. іст. музею, 1963. – С. 3–34.
16. Хроніка : семінар працівників самодіяльних музеїв // З досвіду роботи музеїв УРСР : зб. ст. Вип. 2 / Наук.-метод. відділ музеєзнавства Київського держ. іст. музею. – К. : Держ. вид-во політ. літ-ри УРСР, 1961. – 148 с.
17. Павлюченко Э. А. Права и обязанности народных музеев / Э. А. Павлюченко // В помощь народным музеям / Мин-во культ. РСФСР ; НИИ культуры ; [сост. Э. А. Павлюченко]. – М. : [б. и.], 1976. – С. 3–10.
18. Буланый И. Т. Музей на общественных началах / И. Т. Буланый, И. Г. Явтушенко. – М. : Профиздат, 1985. – 208 с.
19. Пищулин Ю. П. Музейные термины : научная разработка проблемы лабораторией музееведения Центрального музея революции СССР / Ю. П. Пищулин, П. Я. Букшпан, М. Б. Гнедовский и др. // Терминологические проблемы музееведения : сб. науч. тр. / Центр. музей революции СССР. – М. : [б. и.], 1986. – С. 87.
20. Про музей, який працює на громадських засадах : типове положення від 16.11.1990 р. / Мін-во культ. Укр. РСР. – К., [б. и.] 1990. – 6 с.
21. Про музей й музейну справу : ЗУ від 29 червня 1995 р. // Відомості ВР України. – 1995. – 20 червня. – № 25.– С. 565–573.
22. Дарузе Г. В Общественный музей как феномен культуры [Электронный ресурс] / Г. В. Дарузе. – Режим доступа : www/ URL: <http://lib.icr.su/node/843/>

У статті аналізується специфіка поняття «суспільний музей» як одна з актуальних проблем фундаментального музеєзнавства. Уточнюється науково-понятійний апарат, вказується необхідність проведення додаткових наукових досліджень, а також вдосконалення нормативно-правової бази в галузі музеєзнавства.

Ключові слова: музей, суспільний музей, музейзнавство.

A specific of the concept «public museum» as one of actual problems of fundamental museology is analyzed in the article. The scientific conceptual framework is specified, need of carrying out additional scientific researches and improvement of standard and legal base in the field of museology are specified.

У. К. Асанова

**Развитие музейной сети в Крымской АССР:
экспедиционная деятельность музеев**

В научный оборот вводится новый корпус архивных документов, посвященный истории музейного строительства в Крыму в первой половине 20-х гг. XX в., выявленный в фондах ГАРФ (г. Москва). Анализируется участие центральных органов Народного комиссариата просвещения РСФСР в этом процессе, представляются формы взаимодействия руководящих органов и их региональных подразделений для обеспечения организационной, методической, материальной, исследовательской инициативы в процессе работы крымских музеев.

Ключевые слова: музеи, Крымская АССР, Главмузей Наркомата просвещения РСФСР, КрымОХРИС, археологические раскопки.

Основной целью исследования является научная реконструкция процесса создания, становления, реорганизации и деятельности сети музейных учреждений Крымской АССР историко-краеведческого профиля.

Задачи исследования определены согласно поставленной цели:

выявить неизвестные архивные источники, связанные с темой диссертации, провести их классификацию и содержательный анализ.

Объект исследования – мероприятия по созданию и развитию музейной сети в Крымской АССР в 1921–1941 гг.

Предметом исследования являются закономерности соотношения основных тенденций развития советского музейного дела в 20–30-х гг. XX в. и их отражение в работе музейных учреждений Крымской АССР.

В начале 20-х гг. XX века наблюдалось значительное оживление археологических исследований в Крыму. Это было связано с началом активной деятельности общегосударственных учреждений, призванных регулировать и курировать изучение и сохранность памятников истории и культуры: Главнауки Наркомпроса РСФСР, его специализированного подразделения – Музейного отдела Главнауки, ГАИМК, профильного регионального

подразделения – КрымОХРИСа, находившегося в ведении Наркомпроса Крымской АССР. Работы по изучению памятников древности получали финансовую поддержку со стороны республиканских властей. Процесс непосредственной организации раскопок памятников должны были обеспечить подразделения единой государственной сети музеев республики. На них же возлагалось техническое сопровождение сбора, описания, учета и хранение найденных объектов. В связи с этим, первоначально роль крымских музеев в изучении памятников истории региона можно охарактеризовать как вспомогательную. Данная работа стала основой деятельности профильных археологических музеев Крыма – Государственных Херсонесского и Керченского историко-археологических музеев. Самостоятельно работу по обследованию памятников древности также смог организовать Археологический отдел Центрального музея Тавриды. Использование новых, методологически обоснованных принципов и форм исследований археологических объектов позволили названным учреждениям вывести процесс изучения памятников прошлого Крыма на новый качественный уровень, сделать археологические раскопки и охранные мероприятия постоянными, обеспечить оперативную публикацию результатов исследований. В связи с этим можно сделать вывод о выходе коллективов крымских профильных музеев к концу исследуемого периода на уровень основных организаторов раскопок, ведущей роли местных исследователей в контексте определения перспектив изучения, составления соответствующей текущей документации экспедиций, отчетов перед контролирующими органами, во многом – о завершении эволюции крымских музеев в полноценные научно-исследовательские учреждения.

Наиболее масштабно и стабильно археологические исследования были организованы на территории Херсонесского городища. Это объяснялось наличием преемственной базы в виде «Склада местных древностей», существовавшего с 1882 г. и выполнявшего роль учреждения первичной музеефикации найденных при раскопках экспонатов. При этом статус

«Склада», как и само положение городища, к 1921 г. оставался неурегулированным. События первой мировой войны и эвакуация большей части музейной коллекции в Харьков, последующая нестабильность периода Гражданской войны, серьезный материальный урон, нанесенный территории раскопок при отступлении из Севастополя соединений Русской армии генерала П. Н. Врангеля в ноябре 1920 г., последующее присутствие у памятника войск Красной армии и размещение на территории монастыря городских учреждений социального презрения создавало объективные трудности, а зачастую делало невозможным проведение археологических работ, а также – мероприятий по охране памятников [1, с. 8–10].

Вместе с тем, отдельные археологические исследования в эти годы организовать удалось. Так, в 1920–1922 гг. заведующим раскопками Л. А. Моисеевым было продолжено изучение западной части городища, где основным объектом интереса ученого стал неизвестный ранее северный отрезок оборонительной стены. Также в ходе этих работ удалось обнаружить фрагмент надгробной стелы, датируемой первыми веками нашей эры [2, с. 18; 3, с. 419; 4, с. 160–161]. В 1922–1923 гг. были проведены раскопки и разведки на территории акрополя городища, материалы которых остались неопубликованными [5].

Новый этап археологического изучения городища связан с деятельностью на посту заведующего музеем К. Э. Гриневича в 1924–1928 гг. Учитывая, что приоритетом деятельности ученого было создание постоянной музейной экспозиции, а также закрепление за Херсонесским музеем статуса научно-исследовательского центра эпохи античности и средневековья в Крыму, проведение данных экспедиций и раскопок следует охарактеризовать как практическое оформление наиболее актуальной задачи музейного строительства в рамках отдельно взятого музейного учреждения. Более того, раскопки, организованные К. Э. Гриневичем заложили основу для дальнейшего систематического изучения памятников городища, создали необходимую базу для их охраны на государственном уровне.

О масштабе и уровне начатых исследований свидетельствует интерес со стороны ГАИМК – уполномоченного специализированного органа, который контролировал ход и результаты, а также осуществлял научное руководство всеми археологическими изысканиями на территории СССР. Для осуществления помощи, а возможно и для наблюдения за действиями нового директора летом 1925 г. в Херсонес для проведения осмотра был направлен заведующий отделом византийских памятников ГИМ, крупный знаток крымских памятников средневекового периода Николай Дмитриевич Протасов (1886–1940). Его отчет, представленный в ГАИМК, подробно и объемно представляет состояние объектов памятника на момент создания Государственного Херсонесского историко-археологического музея. Ученый определял цель своего визита как «скромную»: определить датировку отдельных предметов древности из Херсонеса, хранившихся в отделе византийских памятников ГИМ. В связи с этим, исследователь определял и методику своей работы – изучение археологических дневников и отчетов в фондах музея, сравнение датировки экспонатов ГИМ с аналогичными в собраниях Херсонесского музея, определение топографии тех или иных объектов. Однако состояние городища и музея в действительности вынудило Н. Д. Протасова отказаться от намеченных планом штудий и рассмотреть более широкий круг проблем изучения херсонесских древностей. Так, ученый констатировал отсутствие в распоряжении администрации музея археологических дневников и отчетов о раскопках после 1912 г. При этом сами находки этого периода и более ранние предметы находились в складских помещениях музея. Именно на сопоставлении непосредственного археологического материала и смог построить свои выводы Н. Д. Протасов, анализируя сначала предметы, найденные во время раскопок до 1912 г. и имевшие датировку, соответственно, датировать и предметы из раскопок позднее 1912 г. Данные сравнения позволили усомниться в датировке коллекции изделий из стекла, бронзы и ожерелий всех типов ввиду того, что по «формальным особенностям» экспонатов они могли быть отнесены как к

античному, так и к византийскому периоду истории Херсонеса. В результате специальных экспертиз Н. Д. Протасову удалось все же определить особенности интересовавших его предметов и установить приблизительную датировку. Относительно еще одной большой группы предметов, находившейся на сохранении в Херсонесском музее – глиняной поливной посуды, исследователь обратил внимание на ее недостаточную изученность, как следствие отсутствия внимания к ней как к ценному историческому источнику у предшествовавших исследователей. Наиболее интересными, по определению Н. Д. Протасова, экспонатами были экземпляры глиняной поливной посуды со звериным рельефным орнаментом, датировка и происхождение которых стала возможной только благодаря случайным заметкам в отчетах и идентичности, либо близкому сходству обнаруженных предметов с аналогичными из Малой Азии и Египта. Благодаря этим находкам, появилась возможность определить основные пункты внешних экономических контактов Херсонеса в средневековый период, а также проследить основные статьи экспорта и импорта города. Н. Д. Протасов также отмечал, что, согласно просьбе КрымОХРИСа и дирекции Херсонесского музея, он проводил и другую работу – организацию Византийского отдела музея. Ученый констатировал использование экспонатов по «социологическому принципу» и отражение основных сфер жизни городища в средневековый период, для экспозиции были определены необходимые датировки, составлен историко-культурный план и план осмотра отдела [6, л. 9-11].

Однако, кроме фиксации характера коллекций фондов Херсонесского музея, Н. Д. Протасовым была составлена специальная «Докладная записка», направленная в Комиссию по раскопкам ГАИМК. В преамбуле этого документа ученым была обозначена основная причина его появления: «такой, мирового значения памятник, как Херсонес находится в совершенно угрожаемом состоянии». В развитие данного тезиса были приведены достаточно весомые аргументы. Отмечалось, что не установлены границы музейной зоны и территории, находившейся в ведении военной крепости Севастополя. Это

влекло за собой «априорную невозможность для музейной администрации» нести ответственность за охрану и целостность памятников. Указывал Н. Д. Протасов и на неиспользование представителями военных властей ряда сооружений, бывших в прошлом в их ведении, но покинутых и не закрепленных за музеем, а, следовательно, предоставленных для разрушения и разграбления или вандализма. Логичным выводом московского исследователя стало заключение о том, что дирекция Херсонесского музея объективно не может контролировать неприкосновенность памятников даже на территории, формально подведомственной ей, ввиду отсутствия четкого территориального разграничения. Сама территория городища произвела на Н. Д. Протасова «впечатление заброшенного пустыря или каменоломен», при полном отсутствии необходимых элементов охраны памятников под открытым небом и активном выпасе скота на территории городища, осуществляемом местным населением [6, л. 14]. Состоянию сохранности музейного материала в Херсонесском музее была дана такая же негативная оценка: мраморные предметы, терракоты и черепица, помещенные в лапидарии, находились под прямым воздействием морской воды и воздуха, что приводило к образованию патины, водопроводные трубы античного периода «редчайшей конструкции и формы» были превращены в «совершенно разложившуюся массу». Раскопочный материал при этом, по словам исследователя, оставлял «самое хаотическое впечатление»: он был свален на полу, разложен на случайных стеллажах, датировка на экспонатах отсутствовала. Констатировал Н. Д. Протасов и отсутствие сводной и ссылочной инвентарной базы, отметив, что с лета 1925 г. новая администрация музея начала учетно-регистрационную работу чернового характера, которая не могла исправить общего неудовлетворительного положения [6, л. 14-14 об.].

Кроме изложенных объективных замечаний, Н. Д. Протасовым были внесены и конкретные предложения по оптимизации положения Херсонеса и музея на его территории. Так, ученый предлагал официально закрепить на уровне декрета центральных органов Советской власти «признание мирового

значения Херсонеса». Следующими пунктами были: точное разграничение территорий подотчетных музеиному и военному ведомствам; систематический зондаж наиболее опасных с точки зрения геологии мест – всей береговой полосы Карантинной бухты и северной части городища до района Западных стен; запрет на посещение городища (и территории раскопок непосредственно) гражданами без соответствующего разрешения дирекции музея; запрет на выпас скота; своевременная и систематическая очистка раскопанных территорий городища. Целесообразной также представлялась постройка специального обводного мола в северо-восточной части Карантинной бухты, где морская вода сильно подмывала берег и угрожала музеиным сооружениям. Предлагался перенос мраморных и терракотовых экспонатов в закрытые помещения. Отдельное внимание Н. Д. Протасовым уделялось необходимости проведения срочной музейно-научной инвентаризации всего музеиного материала, к которой, по его мнению, можно было привлечь во время летних каникул студентов-археологов Первого МГУ, а руководство доверить сотрудникам музеев из Москвы и Ленинграда. Последний тезис наглядно демонстрировал слабость научной и кадровой базы крымских музеев в середине 20-х гг. XX в., необходимость осуществления руководящей роли сотрудников центральных музеиных учреждений РСФСР процессом сохранения памятников и музеификационными мероприятиями. Оговаривалась в записке и необходимость полного обмера всех памятников городища, с этой целью предлагалось организовать специальную экспедицию для составления новых планов и чертежей. Мотивацию своих действий Н. Д. Протасов еще раз объяснял тревогой за «действительно ужасное положение Херсонеса, которое вынуждает самым серьезным образом позаботиться о его целости как памятника исключительного значения и научного интереса» [6, л. 14 об.]. Подтверждением серьезности и принципиальности намерений ученого следует считать его заявление, направленное в адрес отдела византийской археологии и искусства ГАИМК, датированное 31 декабря 1925 г., относительно разрешения

со стороны руководящей организации на продолжение работ в Херсонесе в 1926 г. [7, л. 1].

Исследованные внутренние протокольные документы ГАИМК позволяют сделать вывод о том, что ситуация с состоянием памятников Херсонесского городища и создаваемого специализированного музея стала предметом пристального рассмотрения сотрудниками этого учреждения. Уже в сентябре 1925 г. была создана комиссия по обсуждению мер охраны Херсонеса, которая провела ряд заседаний. 15 сентября 1925 г. состоялось первое ее заседание, утвердившее программу работы комиссии. В состав органа вошли авторитетные специалисты по античной и средневековой археологии: профессор В. А. Городцов (председатель комиссии), К. Э. Гриневич, С. Г. Матвеев (секретарь комиссии), Н. Д. Протасов и представитель Музейного отдела Главнауки Наркомпроса РСФСР С. П. Григоров. Центральным стал вопрос «О современном состоянии раскопок и музея Херсонеса», по которому с содокладом выступили К. Э. Гриневич и Н. Д. Протасов (что, очевидно, подтверждает наличие неких контролирующих функций от ГАИМК у последнего). К. Э. Гриневич в своем выступлении также указал на факт критического состояния памятников городища, которые были вызваны воздействием ветра, моря и людей. Директор музея отмечал, что в год подготовки к открытию учреждения приняты «возможные меры охраны»: засыпаны мраморные ступени Уваровской и Западной базилик, укреплены участки внутренней оборонительной стены Херсонеса – протейхизмы в районе «башни Зенона». В целом же, основные усилия коллектива музея, по словам К. Э. Гриневича, «были направлены на приближение Херсонеса к массам, путем организации античного и византийского отделов Музея», также руководитель учреждения перечислил основные мероприятия, осуществленные по его инициативе перед открытием Херсонесского музея как постоянно действующего экспозиционного и научно-исследовательского центра. К. Э. Гриневичем также были представлены материалы проведенных в 1925 г. под его руководством раскопок перемычки, соединявшей оборонительную

стену городища с протейхизмой. Отмечалось, что необходимые дневники, протоколы раскопок и опись найденных предметов были высланы своевременно в Главнауку.

В свою очередь, Н. Д. Протасов отметил, что К. Э. Гриневичем был достаточно точно изложен характер работ, проведенных в Херсонесе. Московский исследователь снова обратил внимание на необходимость установления датировки экспонатов из резной кости, стеклянной посуды и других предметов, находившихся в распоряжении фондов ГИМ и Государственного Эрмитажа. Мероприятия, предпринятые дирекцией музея и представленные в докладе К. Э. Гриневича, Н. Д. Протасов оценил как «весыма важные меры по охране Херсонеса». В дополнении к своему докладу К. Э. Гриневич сообщил комиссии, что сотрудниками музея был составлен карточный научный каталог, дублетный вариант которого, состоявший из 540 фотографий, был привезен для дальнейшей работы в Ленинград и, очевидно, мог быть предоставлен в распоряжение ГАИМК. В итоге состоялось решение комиссии о принятии к сведению содоклада К. Э. Гриневича и Н. Д. Протасова и об одобрении проделанной в Херсонесе работы [7, л. 6–6 об.].

Дальнейшие вопросы касались непосредственных мер по охране памятника от разрушения. Так, было постановлено для прекращения обвалов и оползней морского берега просить К. Э. Гриневича организовать обследование угрожаемых мест берега, пригласив для этих целей профессоров-геологов А. С. Слуцкого и А. С. Федоровского, по результатам работы заслушать их на заседании комиссии; относительно спасения каменных кладок и предметов, находившихся под открытых небом, от выветривания, было предложено обратиться к Реставрационному подотделу Музейного отдела Главнауки Наркомпроса РСФСР с просьбой об укреплении наземных памятников городища посредством сооружения футляров, крыш и ограждения колючей проволокой и привлечения реставраторов к проблеме. К. Э. Гриневичу и Н. Д. Протасову предлагалось выступить перед сотрудниками ЦГРМ со

специальным докладом. Касательно проблемы разрушения памятников городища от действий людей, комиссия постановила просить Музейный отдел Главнауки Наркомпроса РСФСР принять меры к «совершенному прекращению доступа публики на городище в неорганизованном порядке», К. Э. Гриневичу же предлагалось разработать и представить план изоляции Херсонеса, также была высказана идея поставить перед Совнаркомом Крымской АССР задачу запретить купание в пределах херсонесских памятников [7, л. 4-4 об., 7-8 об.].

В целом, деятельность Государственных Херсонесского и Керченского историко-археологических музеев, Археологического отдела ЦМТ в период 20-х–30-х гг. XX в. по организации археологического изучения памятников Херсонесского городища, древностей Пантикопея и античных городов Керченского полуострова, памятников Симферопольского, Бахчисарайского и Карасубазарского районов позволила начать новый качественный этап постоянных археологических раскопок. В результате проведенного исследования этой деятельности можно сделать следующие выводы.

Наиболее масштабно, методологически обоснованно и полно археологические и памятникоохранительные мероприятия проводились в течение 20-х–30-х гг. XX в. в Крыму на территории Херсонесского городища в Севастополе, городища Пантикопей в Керчи и на территории античных поселений Керченского полуострова. Разработка принципов и последовательного характера данных работ была предметом совместного обсуждения дирекций Государственных Херсонесского и Керченского историко-археологических музеев с профильными контролирующими органами – ГАИМК, Музейным отделом Главнауки Наркомпроса РСФСР, ВНАВ при ЦИК СССР.

Источники и литература

1. Зубарь В. М. Летопись археологических исследований Херсонеса – Херсона и его округи (1914–2005) / В. М. Зубарь // МАИЭТ : Supplementum / Ин-т востоковедения им. А. Е. Крымского; Крымское отд. – Симферополь, 2009. – Вып 6. – 496 с.
2. Белов Г. Д. Херсонес Таврический : историко-археологический очерк / Г. Д. Белов. – Л. : изд-во Гос. Эрмитажа, 1948. – 147 с.
3. Гріневич К. Е. Досягнення радянських вчених в дослідженні античних міст Північного Причорномор'я / К. Е. Гріневич // Праці історичного факультету Харківського державного університету ім. О. М. Горького. – 1957. – Т. 6. – С. 416–431.
4. Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса / Э. И. Соломоник. – К. : Наукова думка, 1964. – 196 с.
5. Національний заповідник «Херсонес Таврійський», науковий архів, спр. 99. Моїсеєв Л. О. Розкопки Херсонесу в 1922–1923 рр. Щоденник розкопок та розвідок. Інвентарні описи знахідок, 1922–1923 рр., 60 л.
6. Институт истории материальной культуры Российской академии наук, научный архив, рукописный отдел, ф. 2, Государственная академия истории материальной культуры, оп. 1, д. 106. Работа в Херсонесе по изучению памятников Н. В. Измайловой. Отчет и переписка, 1925 г., 15 л.
7. Институт истории материальной культуры Российской академии наук, научный архив, рукописный отдел, ф. 2, Государственная академия истории материальной культуры, оп. 1, д. 197. Работа в Херсонесе. 1926 г., 1926 г., 130 л.

До наукового обігу вводиться новий корпус архівних документів, присвячений історії музеїного будівництва у Криму в першій половині 20-х рр. ХХ ст., виявлений у фондах Державного архіву Російської Федерації (м. Москва). Аналізується участь центральних органів Народного комісаріату освіти РРФСР в цьому процесі, репрезентуються форми співпраці керівних органів та їх регіональних підрозділів у забезпеченні організаційної, методичної, матеріальної, дослідницької ініціативи в процесі роботи кримських музеїв.

Ключові слова: музей, Кримська АРСР, Головмузей Наркомату освіти РРФСР, КримОХОРИС, археологічні розкопки.

The new case of archival documents devoted stories of museum building in Crimea in first half 20th XX century is entered into a scientific turn, revealed in funds the State Archive of Russian Federation (Moscow). Participation of the central bodies of the State commissariat of education of RSFSR in this process is analyzed, forms of interaction of directing bodies and their regional divisions in maintenance of the organizational, methodical, material, research initiative in the course of work of the Crimean museums are represented.

Key words: museums, Crimean ASSR, Glavmuzej of the State commissariat of education of RSFSR, KrymOHRIS, archeological excavations.

Л. П. Гарчева

Становление системы народного образования в Советской Республике Тавриды

В статье с привлечением широкого документального материала проанализирована деятельность правительства Советской Республики Тавриды по организации системы народного образования в первые месяцы советской власти, весной 1918 г.: создание Наркомата просвещения республики; разработка плана подготовки условий для введения всеобщего бесплатного обучения; широкое обсуждение его с общественностью; проведение съезда учителей; изыскание средств на финансирование школ; организация местных советов на выполнение намеченных шагов.

Ключевые слова: народное образование, единая трудовая школа, школы грамотности, народные университеты.

Актуальность темы. Значительная часть проблем, возникающая в современном образовании, имеет свои исторические корни в периоде становления той системы, наследниками которой мы являемся. В нашу переломную эпоху проблемы образования стоят не менее остро, чем на изломе истории, в 1917-1918 гг., а, следовательно, в настоящее время невозможно проводить реформу образования, не опираясь на исторический опыт, накопленный в данной сфере как в целом по стране, так и в отдельных ее регионах, на разных этапах его развития.

Целью данной статьи является анализ, с привлечением конкретных документальных материалов, деятельности советского правительства Республики Тавриды по созданию новой системы народного образования весной 1918 г.

Созданная 21 марта 1918 г. Советская Республика Таврида просуществовала всего 42 дня. В эти сжатые сроки органам власти республики пришлось решать сложнейшие задачи ломки старого буржуазного государственного аппарата, создания и укрепления новых органов власти

республики, преобразования экономики и осуществления «культурной революции».

Важную роль в решении задач, стоящих перед новым правительством, играли вопросы перевоспитания трудовых масс в духе коммунистических идей, формирования новой социалистической культуры и приобщения к ней широких народных масс. Для этого, в первую очередь, необходимо было провести кардинальные преобразования в области народного образования.

Придя к власти, большевики провозгласили принципы всеобщего обязательного образования, ликвидации безграмотности, отделения школы от церкви, отказа от старой системы учебных и воспитательных заведений, от прежней педагогической теории.

Руководствуясь указаниями ЦИК и Совнаркома РСФСР, ЦИК и Совнарком Тавриды уделяли много внимания перестройке работы школ и культурно-просветительских учреждений в интересах широких трудящихся масс. Уже в марте 1918 г. Наркомат просвещения Республики Тавриды, который возглавил Е. Петренко, представил на обсуждение Совнаркома Тавриды план работы, предусматривающий подготовку условий для введения всеобщего обязательного и бесплатного обучения, ликвидацию устаревших форм учебных заведений и создание единой сети общеобразовательной трудовой школы, открытие школ грамотности для взрослых, разработку системы всего внешкольного образования. При наркоме создавались отделы низшей, средней и высшей школы, дошкольного и внешкольного воспитания по введению всеобщей грамотности и др., работали справочно-педагогические бюро, педагогический кабинет с библиотекой и выставкой школьных пособий. Помимо комиссариатов и отделов по просвещению, существовавших при уездных и городских Советах, наркомат просвещения принял решение о создании комиссариатов и советов по народному просвещению во всех волостных центрах, местечках и селах [1].

1-3 апреля на съезде уездных и городских комиссариатов по народному образованию в Симферополе были заслушаны вопросы о создании сети

волостных, уездных и городских советов по народному образованию, о борьбе с неграмотностью и другие. Съезд принял решение о введении бесплатного обучения и проведении принципа единой трудовой школы, избрал постоянные комиссии: организационную, школьного и внешкольного образования [2].

К созданию советов по народному образованию местные органы Советской власти привлекали представителей союзов учителей, родителей, учащихся. В школах началось формирование педсоветов, которым вменялось в обязанность обсуждать все вопросы, касающиеся школы: лучшей постановки дела обучения и воспитания, введение новых предметов преподавания, благоустройство школ и т. п. [3].

Разработанный с помощью широкого советского актива и учителей план развития народного образования неоднократно обсуждался и корректировался Совнаркомом и наркоматом просвещения Тавриды. 10 апреля Совнарком заслушал доклад комиссара народного просвещения большевика Е. Петренко по вопросу об организации органов просвещения, их составе. Было решено представленный проект по народному просвещению отпечатать в достаточном количестве экземпляров и затем еще раз обсудить его с участием всех наркомов. 16 апреля в помещении бывшей духовной семинарии состоялось совещание всех отделов наркомата просвещения по вопросу создания единой трудовой школы. В конце апреля должен был состояться съезд учителей Тавриды и обсудить важнейшие вопросы, разработать ставки для учителей [4].

ЦИК и Совнарком Тавриды отпускали значительные ассигнования на содержание школ, но этих средств не всегда хватало. Местным Советам приходилось обращаться с призывами к населению вносить полагающиеся налоги для содержания школ, а также налагать контрибуции на имущие классы. Отделы народного образования местных Советов предлагали волостным и сельским Советам временно взять на свой счет содержание земских школ, а при отсутствии средств – «добывать таковые путем обложения местной буржуазии» [5].

Принятые меры обеспечили не только нормальную работу школ в первые месяцы советской власти, но и позволили запланировать расширение сети

начальных школ в новом учебном году, улучшение всей их работы. Комиссариат народного образования Феодосийского уездного Совета решил организовать сеть начальных школ для всего населения, снабдить все школы удовлетворительными помещениями, упразднить вторые смены, обеспечить учеников новыми учебниками и программами, выработать меры по физическому и трудовому воспитанию учащихся. Для оздоровления школьников приступили к созданию летних детских площадок и «колоний», все школьники уже в апреле проходили медицинский осмотр [6].

По указанию наркома просвещения Тавриды, в марте-апреле 1918 г. в республике развернулась работа по созданию во всех школах бесплатных вечерних классов и школ грамоты для обучения взрослых, все педагоги обязаны были работать в них не менее двух часов [7].

Важным средством повышения грамотности и политической сознательности трудящихся стали бесплатные народные университеты в Севастополе, Феодосии, Ялте, Гурзуфе и других городах Крыма. В это же время органы Советской власти начали подготовительную работу по созданию в Крыму филиала Киевского университета – в его распоряжение предоставлен бывший царский дворец в Ливадии. Уже в начале апреля был разработан проект «Таврического филиального отделения университета св. Владимира в Ялте», объявлен прием лиц обоего пола на первый курс естественного и математического отделений физико-математического факультета. Открытие Таврического университета намечалось на 11 мая 1918 г. [8].

Для подъема культуры трудящихся масс большое значение имело открытие во всех городах Тавриды народных домов, рабочих клубов, библиотек при них. Состоявшийся в Евпатории съезд комиссаров по народному просвещению принял решение о реквизиции частновладельческих библиотек и создании на их основе народной библиотеки с фондом книг до 7 тыс. экземпляров. Комиссариат народного просвещения Феодосийского Совета обратился ко всем членам профсоюзов с просьбой воспользоваться народной библиотекой при рабочем клубе, насчитывавшей около 9 тыс. томов по всем

отраслям знаний. При этом указывалось, что пользование книгами библиотеки - бесплатное для всех, а для членов профсоюзов выдача книг производится без залога [9]. В то же время высшие и местные органы республики принимали меры к охране библиотек, принадлежащих видным ученым и писателям Тавриды. Нарком внутренних дел С. П. Новосельский 17 апреля предложил Ялтинскому Совету принять самые энергичные меры к охране библиотеки и собрания историко-географических карт известного ученого А. Л. Бертье-Делагарда. Под охрану был взят дом А. П. Чехова в Ялте. ЦИК Тавриды направил наркому внутренних дел прошение проживавшего в Алуште писателя С. Н. Сергеева-Ценского, указав распорядиться по этой просьбе. ЦИК Тавриды избрал комиссара по охране научных учреждений, предметов искусства и т. д., уездные Советы объявили неприкасаемыми библиотеки, памятники древности и пр. [10].

Высшие и местные органы республики Тавриды проявляли заботу о сохранении и передаче в руки народа всех других учреждений культуры. Все театральные, музыкальные и кинематографические предприятия со своим инвентарем были объявлены государственной собственностью и переданы в управление наркомата просвещения [11].

Таким образом, высшие и местные органы власти Советской Социалистической Республики Тавриды проделали большую работу по созданию системы народного образования, основанной на новых демократических принципах. Заслуживает внимания энтузиазм, целеустремленность, упорство членов правительства Советской Республики Тавриды, с которым они, придя к власти, взялись за дело и смогли за столь короткий срок, в условиях разрухи военного времени, заложить основы такой системы народного образования, которая впоследствии получила признание всего мира.

Источники и литература

1. Государственный архив в Автономной Республике Крым, ф. 2237, оп.1, д. 12, л. 8-10.
2. Государственный архив в Автономной Республике Крым, ф. 2237, оп.1, д. 37, л. 11; Ялтинская коммуна / орган Ялтинского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. – 1918, 26 марта.
3. Известия Севастопольского Совета военных и рабочих депутатов. - 27 марта 1918; Борьба за власть Советов в Крыму: Док. и материалы. – Симферополь: Крымиздат, 1957. – Т. I. – С. 231.
4. Государственный архив в Автономной Республике Крым, ф. 2240, оп. I, д. 8, л. 19; Таврические советские известия / орган Таврического центрального комитета советов и Симферопольского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. – 1918, 16 апреля; Советская газета / орган Феодосийского совета рабочих, военных и крестьянских депутатов. – 1918, 17 апреля.
5. Государственный архив Запорожской области, ф. 3440, оп.1, д.5, л.112.
6. Советская газета / орган Феодосийского совета рабочих, военных и крестьянских депутатов. – 1918, 13, 19 апреля.
7. Ялтинская коммуна / орган Ялтинского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. - 1918, 10 апр.; Борьба за Советскую власть в Крыму: Док. и материалы – Симферополь: Крымиздат, 1957. – Т. I. – С. 266-267.
8. Таврические советские известия / орган Таврического центрального комитета советов и Симферопольского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. – 1918, 11 апреля; Советская газета / орган Феодосийского совета рабочих, военных и крестьянских депутатов. – 1918, 13, 17, 19 апреля.
9. Ялтинская коммуна /орган Ялтинского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. – 1918, 10 апреля; Советская газета / орган

Феодосийского совета рабочих, военных и крестьянских депутатов. – 1918, 27 апреля.

10. Государственный архив в Автономной Республике Крым, ф. 2237, оп. I, д. 10, л. 3; ф. 2238, д. II, л. 58; д. 15, л. 67; д. 29, л. 26; Надинский П. Н. Очерки по истории Крыма / П. Н. Надинский. – Симферополь: Крымгосиздат, 1957. – Т. 2. – С. 86.
11. Борьба за советскую власть в Крыму: Док. и материалы. – Симферополь: Крымиздат, 1957, – Т. I. – С. 260.

У статті на широкому документальному матеріалі проаналізовано діяльність уряду Радянської Республіки Тавриди з організації системи народної освіти в перші місяці радянської влади, навесні 1918 року: створення Наркомату освіти республіки; розробка плану підготовки умов для введення загального безкоштовного навчання; широке обговорення його з громадськістю; проведення з'їзду вчителів; пошук додаткових коштів на фінансування шкіл; організацію місцевих рад на виконання намічених кроків.

Ключові слова: народна освіта, єдина трудова школа, школи грамотності, народні університети.

In the article on the ground of broad documentary data are analyzed such issues as the activity of the government of the Soviet Republic of Tavrida for organization of public education in the first months of Soviet power in the spring of 1918: the foundation of the People's Educational Commissariat of the Republic and departments of primary, secondary and high school, pre-school and out-of-school education for the introduction of general literacy and etc., the development of the conditions arrangements plan for the introduction of general free education, and its broad discussion with the public, the congress of teachers, finding additional funding for schools, the volost, town and village commissioners of education foundation and the organization of local councils to implement the planned steps.

Key words: public education, unified labor school, school literacy, people's universities.

Э. М. Исламов

Письменная традиция о Митридате VI Евпаторе

Автор статьи предлагает историографическое исследование разных направлений в письменной традиции о Митридате VI Евпаторе. Подчеркивается традиционное выделение понтийской и римской линий, втыкающихся в контекст противоборства двух держав. Творчество писателей подчинялось необходимости отображения политических обстоятельств и реалий. Главное отличие римской и понтийской письменных традиций – тенденциозное освещение событий в пользу той или иной стороны. На фоне преобладания этих традиций автор обращает внимание на относительную самостоятельность отдельной греческой традиции, представленной в сочинениях Страбона и Мемнона.

Ключевые слова: Митридат VI Евпатор, Понт, Рим, античная письменная традиция.

Известнейшая эпоха митридатовых войн привлекает к себе внимание как просто интересующихся историей людей, так и профессиональных историков, специалистов в данной области, что, безусловно, связано с исторической эпохой и личностью понтийского царя Митридата Евпатора. Уникальность личности Митридата подчеркивается также тем, что его имя в творческой культуре Европы, стоит в ряду с такими личностями как Александр Македонский, Гай Юлий Цезарь и др. Интерес подогревается и особым характером митридатовых войн, нашедших отражение в античной письменной традиции, посвященной военной истории, развитой затем в историографии нового и новейшего времени. В значительной степени научный интерес к тематике митридатовых войн, к личности Митридата, к характеру Понтийского царства вырос в связи с изучением истории Римского государства и эллинистических держав – наследниц империи Александра Македонского (Т. Моммзен, К. Белох). Впоследствии он выделяется в особые студии (или исследовательскую школу) Понтийского царства, рассматривающие экономические и социальные особенности, характер внешней и внутренней политики, династическую историю и культуру этого государства.

Отечественные историки (С. А. Жебелев, М. И. Ростовцев, В. Ф. Гайдукевич, Е. А. Молев и др.) занимались изучением Понтийской проблематики во многом через призму исследований античной истории Северного и Восточного Причерноморья и конкретно Восточного Крыма, оказавшегося в этот период в границах активной международной политики [19, с. 11]. Митридат Евпатор выступал как правитель, проводивший активную всепонтийскую (панпонтийскую) политику, объединя все греческие города-государства Причерноморья, а также и ближайшие варварские политические образования в одну Черноморскую державу. Знаковым является появление содержательной монографии С. Ю. Сапрыкина, посвященной истории и культуре Понтийского царства, и, таким образом, создавшей основу для дальнейших исследований различных вопросов истории Причерноморья времени существования государства Митридатидов [18, с. 207].

Одними из последних работ на данную тему стали исследования российских историков О. Л. Габелко, К. Л. Гулenkova, Е. В. Smykova, что показывает ее современную актуальность. Характер работы, обобщающей международный опыт в изучении понтийской проблематики и одновременно констатирующей разноплановость исследуемых задач, имеет сборник статей «Митридат VI и Понтийское царство», изданный в рамках Black Sea Studies [28]. Кроме того, широкий круг исследовательских рефлексий относительно античности, средних веков и других периодов, который затрагивается в последнее время на конференциях, посвященных древней военной истории Украины и Крыма [7], дает возможность обсудить дополнительно и некоторые особенности литературного и научного отражения «митридатового» времени. Исследовательская задача настоящей статьи – рассмотреть историко-историографический портрет Митридата VI Евпатора, некоторые события, связанные с его личностью; показать возможность исследования отдельного направления в письменной традиции о нем, остававшееся по определенным причинам в тени. Таким образом, настоящая статья носит преимущественно историографический характер.

Если составлять условную схему историографии данной проблематики, то её можно разделить на ряд условных периодов, привязав их для удобства характеристики к превалирующим исследовательским вопросам. Подчеркнем, что такие периоды-характеристики представляют условное разделение, так как исследователи детально рассматривали лишь конкретные, наиболее интересующие их вопросы, остальным же давали общее определение. Соответственно, первоначально они обращались к династической и внешнеполитической истории понтийских правителей (Т. Моммзен, Б. Низе, Э. Мейер, Т. Рейнак, Ф. Гейер, Д. Меджи). Это также обуславливалось определенной методикой, когда исследования сводились к обработке и анализу первоначальных данных имеющихся источников. Но это нисколько не умаляет фундаментальность работ данного периода, в которых был сделан как критический анализ письменных источников, так и сведены воедино нумизматические, эпиграфические данные того периода. Очередным этапом в проблематике исследований становится социально-экономическая история территории Понтийского царства, требующая широкого привлечения археологических данных (М. И. Ростовцев, Э. Ольсхаузен, М. И. Максимова, Д. Б. Шелов, С. Ю. Сапрыкин). Данное направление связано с отходом от истории персоналий и переходом к истории общества. Следующий этап – обращение к культуре, религиозным и этническим составляющим социума в целом, как движущим и влияющим элементам исторического развития (Б. Макгинг, С. Ю. Сапрыкин) [9; 19]. На сегодняшний день можно наблюдать целый спектр различных направлений исследований (искусствоведческих, культурологических, источниковедческих, социально-экономических и др.), которые отражают многогранность проблемы существования и развития Понтийского государства.

Следующая историографическая линия связана непосредственно с личностью Митридата Евпатора. Необходимо отметить, что в процессе научных изысканий его личность и действия получают ряд интерпретаций различного характера. Так, исследователи XIX века рассматривали Митридата

как врага римлян в частности, и всей европейской цивилизации в целом. В этом русле понтийский царь сравнивается с султанами Османской империи, в нем усматривается восточный, «азиатский» по своим привычкам и нравам правитель. В XX веке появляется противоположная точка зрения. В ней Митридат выступает как последний из защитников греческой культуры от распространяющегося римского влияния и особенно римской экспансии. Исследователь Л. Самерер, рассматривая в своей статье процесс использования и изображения образа Митридата в европейской культуре XV-XX веков, приходит к выводу, что интерпретация личности Митридата в научных работах XIX-XX веков находилась в зависимости от политических обстоятельств этого времени, а также индивидуальных убеждений и предрассудков исследователей [30, с. 32-33].

Можно констатировать, что сегодня произошел определенный отход от этих концепций, и образ понтийского правителя , как собственно и характер Понтийского царства, предоставляется более сложным и многосторонним [9, с. 110-111; 4, с. 71]. На территории Понтийского государства совместно существовали местное понтийское население, персидская племенная знать, жители греческих городов-государств. Каждому из этих субстратов были присущи свои культурные традиции, и в рамках этого многостороннего государства Митридат не мог не использовать элементы культуры подвластных ему народов для сохранения своего властного положения. Он мог выступить и как в ипостаси легендарного греческого героя, и как сохранитель традиций персидской знати. Вероятно, для оказания определенного влияния на местное население понтийский правитель использовал местные храмовые комплексы.

Манипуляция образами или, так сказать, «инструментами влияния» прослеживается в монетном чекане Понтийского царства и подвластных территорий, в скульптурных и других рельефных изображениях, в символике, сопровождающей изображения правителя, в том, что давало визуальный эффект. Создание образов характерно и для письменных источников.

Одними из первых, кто прибег к анализу письменных источников по интересующей нас теме, были исследователи Понтийского царства Митридатидов – Э. Мейер, А. фон Гутшmidt. Позже более тщательную характеристику античной письменной традиции приводит Т. Рейнак, на фундаментальный труд которого ссылаются до сих пор [29, с. 417-456; 19, с. 8]. В частности, деление античной литературной традиции на два течения - римское и понтийское - считается основополагающим в источниковедческих исследованиях. М. И. Ростовцеву принадлежит источниковедческий обзор по истории Скифии и Боспора, где, в частности, исследователь анализирует характер письменных источников по истории Понтийского царства. Следующий значительный шаг был сделан в связи с публикацией сочинений античных авторов или тематических собраний сведений из этих сочинений. В процессе подготовки этих материалов конкретизируются источниковедческие данные, даются суммирующие комментарии и обобщающие статьи. По вопросам характеристики сведений античных сочинений об эпохе Митридата существует ряд специальных исследований, сравнений и аналитических выводов.

Сочинения древних авторов, так или иначе затрагивавших личность Митридата, подавали его с римской или понтийской точек зрения. Такое соотношение письменной традиции вписывается в контекст противоборства двух держав, когда творчество писателей подчинялось необходимости отображения политических обстоятельств. Главное отличие римской и понтийской письменной традиций – тенденциозное освещение событий в пользу одной из сторон. Оно прослеживается в завышенных или заниженных оценках численности войск и военных потерь, в характеристиках персонажей или событий, в наличии или отсутствии дополнительных описаний. Мы не можем утверждать, что произведения одного автора, особенно более позднего времени, полностью принадлежат к той или иной традиции. Основная причина – использование нескольких источников, в том числе разнохарактерных. Письменные источники, повествующие о Митридате довольно многочисленны

и разнообразны. Так, о Митридате имеются сведения в сочинениях Страбона, Аппиана, Мемнона из Гераклеи, Плутарха, Цицерона, Веллея Патеркула, Юстина, пересказывающего Помпея Трога, а также в сочинениях других не менее значимых авторов. Они писали в различное время и на разные темы, но в их трудах можно проследить некоторые однотипные моменты. Это объясняется как наличием одинаковых источников, так и определенным стереотипом взглядов на отдельные вопросы. Но характеризуя этих произведения необходимо учитывать своеобразность каждого труда.

Первыми рассмотрим речи Марка Туллия Цицерона [24]. Это современный Митридату материал. В них он повествует о понтийском царе, о войне с ним и о других смежных темах преследуя свои цели. В «Речи о предоставлении империи Гнею Помпею» Цицерон доказывает необходимость предоставления чрезвычайного империя (военной власти) этому полководцу [26, с. 198]. Оратор говорит о долге римлян победоносно закончить эту войну, об интересах Рима в ней, о тяжелом характере этого военного столкновения, о необходимости назначить именно Помпея на должность командующего. Для того, чтобы произвести эффект на публику, Цицерон указывает на оскорблении, нанесенные римлянам Митридатом, на те злодеяния, которые остались без должного наказания (III. 7; V. 11, 12). Под злодеяниями имеются в виду зверское содержание в пленах послы римского народа и консуляра и, конечно, казни римских граждан во всей Азии. Он пишет о страшной опасности, которой подвергаются жизнь и достояние союзников, упоминая Ариобарзана, царя Каппадокии, о просьбе о помощи городских общин во всей Азии и Греции. Таким образом, Митридат выступает как злостный жестокий самоуправный самодержец, победоносная война над которым просто дело чести для римского народа. Что требуется направить все усилия к ведению войны с ним, так как римляне защищают славу своего имени, неприкосновенность союзников, свои важнейшие государственные доходы, благосостояние многих своих сограждан, тесно связанное с интересами государства (VII.19).

Дальше Цицерон говорит о трудностях этой войны. В подтверждение своей мысли он повествует о том, что Митридат, оставленный в покое после первой войны, подготовился к следующей, собрал многочисленные войска и снабдил их всем необходимым. Оратор особенно отметил ярость и ненависть, которой пылают сам понтийский царь и его войска. Возможно, чтобы усилить эти моменты, автор речи несколько раз напоминает, что их противник обладает несметными сокровищами, а именно грудами золота, серебра и драгоценностей, которые достались ему в наследство от предков или были награблены во время войны в Азии (что также оскорбительно для римлян). Показывая слабые стороны личности Евпатора, Цицерон акцентирует внимание на том, как ведет себя Митридат поверженный. Царь показан униженным просителем. Слабость характера противника усиливается упоминанием о его страхе перед римским полководцем и бегстве. Для большего эффекта подчеркиваются его упавший дух, утраченные бодрость и былые надежды (IX. 22), которые были восстановлены только благодаря Тиграну, царю Армении.

В продолжение повествования о трудностях военных действий, Цицерон говорит о той ситуации, что сложилась после изгнания Митридата из царства его отца и дедов. Среди народов и племен Азии был пущен слух, что римское войско вошло в их страну для разграбления богатейшего и благоговейно чтимого храма. Согласно исследуемой речи, многие сильные племена поднялись, охваченные небывалым ужасом и страхом. Таким образом, Митридат получает поддержку в виде войск не только своего царства, но также и от других царей и народов. Цицерон даже приводит объяснение этому. Обычно несчастья, случившиеся с царями, у многих вызывают сострадание и деятельное участие, в особенности таких же царей или тех, кто живет под царской властью, так как царское имя для них священно. Автор приходит к выводу, что именно благодаря этой поддержке побежденный Митридат смог совершить то, о чем он до своего поражения даже не смел мечтать. Но Евпатор не удовлетворяется этим неожиданным подарком судьбы и продолжает нападать на римлян. И как бы усиливая трагичность положения, оратор

останавливает внимание на трудностях войны, которую соединенными силами ведут могущественные цари, объединяют уже восставшие против римлян народы и вовлекают новые.

В другой речи Цицерона, прочитанной в защиту Луция Лициния Мурены в суде во второй половине ноября 63 г. до н.э., также сталкиваемся с повествованием о Митридате и войне с ним [26, с. 199]. Но теперь мы видим другой стиль изложения материала. Этой речью Цицерон оправдывал правомерность назначения Луция Мурены на должность консула. В доказательствах он упоминал, в частности, воинские заслуги консула во время войны, когда тот был легатом под руководством Луция Лукулла. Критикуя противников, утверждавших, что в памятной войне с Митридатом, римские полководцы сражались с женщинами (В защиту Мурены. XIV. 31), Цицерон утверждает обратное. Для демонстрации успехов полководцев, в частности Мурены, писатель воспевает могущество их врага, Митридата. Он акцентирует внимание слушателей на личности царя и его действиях и таким образом ставит его выше всех других царей, с которыми римский народ вел войны (В защиту Мурены. XV.32). Митридат сражается с великими полководцами, и они не могут уничтожить его. Царь выступает как сложный противник, затративший несколько лет на составление плана войны и подготовку для её ведения. И только при Лукулле, под руководством которого служил Луций Мурена, в тяжелых сухопутных и морских сражениях силы Митридата истощились. Но и после этого царь сохраняет свое могущество. Он был настолько изворотлив и влиятелен, что заключил союз с царем Армении и получил его помощь.. Но и после жесточайшего сражения между Помпеем и Митридатом, в котором последний потерпел поражение, Евпатор сохранил за собой царский сан (В защиту Мурены. XVI. 34). Поэтому Помпей, овладев самим царством и вытеснив врага из всех значительных поселений, считал, что война завершится только тогда, когда Митридата не будет в живых. Подводя итог, Цицерон характеризует Митридата, как врага, с которым в течение стольких лет, в стольких сражениях, столько императоров вело войны, врага, которому, пока

он был жив, хотя и был изгнан и вытеснен отовсюду, придавали такое значение, что сочли войну законченной только после известия о его смерти. Он характеризирует его как врага, которого не следует презирать.

Таким образом, мы видим, что Цицерон трактует данные в своих целях. В одной речи Митридат выступает как жестокий, но не бесстрашный правитель, имеющий огромные средства для ведения войны и большую поддержку от многочисленных царей Азии, правитель, безнаказанно совершающий злодеяния и, соответственно, требующий наказания, которое может осуществить только Гней Помпей. В другой же понтийский правитель предстает как могущественный и несгибаемый царь, победа над которым славна не столько самим фактом победы, сколько значимостью побежденного.

Краткая двухтомная «Римская история» Веллея Патеркула [3; 15] содержит всего несколько упоминаний о Митридате. Одно из них представляет собой характеристику личности понтийского царя (II.XVIII.1). В нем говорится, что Митридат, царь Понта, человек, которого нельзя ни обойти молчанием, ни говорить о нем без внимания, в войне изощренный, славный доблестью, а подчас и воинским счастьем, всегда великий духом, вождь в замыслах, воин в бою, в ненависти к римлянам – Ганнибал, и, между прочим, замечается, что он,

захватив Азию, уничтоживши там всех римских граждан, начал войну. Кроме этой характеристики, Патеркул упоминает памятную всем войну (II.XXXVII.1), которую вел Гней Помпей против Митридата, пополнившего силы нового войска после отбытия Лукулла, а также подчеркивает, что последним из полноправных царей, побежденным Помпеем, оказался Митридат (II.XL.1).

Мы можем предполагать, что у Веллея Патеркула Митридат ассоциируется со знаменательным периодом в истории Рима, когда римская держава, распространяя свое влияние по миру, побеждала сильных и могущественных противников. Сравнение Митридата с Ганнибалом наталкивает на возможное сравнение Митридатовых войн с Пуническими, и таким образом, соотносится с эпохальным соперничеством Рима и Карфагена.

Далее рассмотрим двух античных авторов, сочинения которых представляют отличную от римской традицию. Это Страбон и Мемнон, которых, если права версия о Мемноне [6, с. 284] как о современнике Гая Юлия Цезаря, можно отнести к I в. до н.э.-I в. н.э. «География» Страбона, хотя это не исторический труд, дает некоторую информацию исторического характера о Митридате Евпаторе, которая дает возможность сформировать образ этого царя. Среди источников Страбона находят местных понтийских авторов [23], и, таким образом, предполагают наличие в его труде пропонтийских элементов. Но, вероятно, Страбон подверг эти источники определенной критике, изъяв «ненужные» сведения промитридатовской пропаганды и дав соответственно нейтральное описание исторических событий. Географ упоминает о воспитании Митридата в греческом городе Синопе, о могуществе и богатстве понтийского царя, тем самым отмечая непростой характер противника Римской республики. У Страбона такжеходим интересное замечание насчет распространения власти римлян. Рассказывая об участии, постигшей Азию, он пишет о том, как выступая против перехода азиатских областей под власть римлян, Митридат поднял восстание, но потом был устранен (VI.IV.2). Отсюда следует, что понтийский царь выступает здесь как глава сопротивления римскому владычеству.

Мемнон, историк Гераклеи [10; 5], представляет свою точку зрения о Митридате. Как отмечается, он не был в курсе римских дел и, следовательно, не использовал большого количества римских источников. Но он дает такую характеристику царю, которая представляет его не с очень хорошей стороны. Описывается его кровожадный характер, хитрость, бесчестие в соблюдении клятв (XV.XXX.1-3). Отмечается, что после расширения подвластных территорий Митридат чрезвычайно возгордился и стал строить различные планы и принимать меры к усилению в ущерб Риму. В описания военных действий вводятся рассуждения о судьбе Митридата, характеризующейся сменой удач и поражений (XV.XXXIX.3; XLIV.1), что, возможно, является объяснением перипетий борьбы двух равных по силе противников. Интересно

описываются взаимоотношения между Митридатом и Тиграном Армянским. Мемнон отмечает уважение и поддержку, может быть и страх, со стороны Тиграна к старшему товарищу и отцу его жены. Мемнон приводит приблизительное содержание ответа Тиграна на требование выдать Митридата, в котором армянский царь отказал под предлогом боязни совершить неблагородный поступок по отношению к родственнику, но при этом признал, что сам знает, насколько Митридат плох. В дальнейшем Митридат одобрил и утешил Тиграна после его поражения и посоветовал продолжить борьбу против римлян, конечно, не обойдя и себя. И Тигран, признав превосходство, авторитет и доблесть понтийского царя, поручил руководство всеми силами последнему.

Страбон и Мемнон предоставляют особую точку зрения о Митридате, отличную от римской и не являющуюся пропонтийской. Они представляют местную греческую традицию настороженного отношения как к римскому, так и понтийскому изложением событий.

Эпитома сочинения Помпея Трога [27] содержит пропонтийскую позицию. Она повествует о римско-понтийском столкновении и первых годах войны, самых успешных для Митридата. Но перед этим дается краткая характеристика понтийского царя – что-то вроде хвалебной речи, которая представляет Евпатора непобежденным. И, чтобы продемонстрировать особую роль этой исторической личности, Трог рассказывает о знамениях при рождении царя, о его воспитании – полном опасностей, которые закаляли характер будущего правителя, и особенно о формировании у Митридата нечувствительности к ядам (XXXVII.2.1-3) [9, с. 106].

Примечательные сведения о знамениях при рождении Митридата в юности и уже в зрелые годы переданы также Плутархом (Моралии. 624 В). Они дополняются упоминанием о страшном бедствии, постигшем Боспор в последний год жизни царя (Орозий VI.5.4; Дион Кассий XXXVII.11.4). Все эти природные и неприродные, чудесные и не чудесные явления связывались с личностью Митридата и объясняли его величественную роль или

божественную сущность. Анализируя эти данные, С. Ю. Сапрыкин приходит к выводу о создании в последние годы жизни Митридата биографического сочинения, воспевающего божественную сущность этого правителя [20, с. 85-92].

У Трога Митридат представлен как жаждущий расширения своих владений царь. С этой целью он обращает внимание на различные регионы окружающие его государство и проводит довольно активную и независимую внешнюю политику. Повествование Трога о завоевании скифов Митридатом привлекает особое внимание. М. И. Ростовцев определил, что Помпей Трог проявляет не только интерес к скифам, но и совершенно оригинальную симпатию к этому народу [17, с. 118-119]. Разбирая идеализирующую характеристику скифов у Юстина, исследователь указал на то, что она прошла через стадию, во-первых, чистой теоретизации, во-вторых, определенного оттенка политической идеализации, возникшей в среде историков Александра, противопоставивших роскошь и тиранию Александра простоте и свободолюбию скифов. Та же тенденция наблюдается и в политической истории скифов у Помпея. Но эта идеализация имеет не одну точку зрения, которую мы наблюдали у историков Александра. Тенденция автора не только антимакедонская – в ней скрыта, может быть, не вполне сознаваемая Помпеем тенденция антиримская в духе и в интересах государств, основа которых была иранская. Прославление Митридата, содержащееся также в его знаменитой речи, конечно, не случайно. Материал для него мог быть почерпнут из историков Митридата, писавших в этом духе. Как когда-то дружественные Македонии и Александру историки использовали сюжет покорения или подчинения ему скифов для возвеличивания своего героя, заставившего покориться себе лучших, так историки Митридата в толковании тех же фактов пользовались идеализацией скифов для прославления своего героя – Митридата.

В традиции Помпея Трога, таким образом, намечаются следующие слои:

- традиция эпохи Александра, ему дружественная – отсюда, в общем, идеализация скифов и подчеркивание их непобедимости;
- антимакедонская традиция позднейших историков Александра – отсюда другое толкование эпизода с Филиппом, забвение сношений Александра со скифами и выдвижение поражения Зопириона;
- наконец, как третий слой, восходящий к историкам Митридата, – идеализация этого царя и представление его как единственного победителя скифов.

Но Помпей Трог не только прославляет царя, он упоминает и о злодейском убийстве Митридатом своей жены и других коварных деяниях. Хотя в другом месте супруга изображается виновной в преступлении против царя и мужа и понесшей за это соответствующее наказание. Это можно объяснить использованием автором «Истории Филиппа» различных источников. Следующим промитридатовским местом в труде Помпея Трога является изложение речи понтийского правителя, где приводится обоснование Митридатом войны против Рима и воодушевление в связи с этим понтийского войска.

Вполне понятно, что наиболее авторитетные из сохранившихся до нашего времени свидетельств о борьбе Рима с Митридатом, главным образом из Аппиана и Плутарха, лежат в русле римской традиции.

Плутарх [16] часто пишет о том, чему другие уделяют мало внимания. Это характер героев, их привычки, мелкие бытовые детали, позволяющие много узнать о личности персонажа. Митридат у Плутарха упоминается в шести биографиях знаменитых римлян. В них он описывается в основном с плохой стороны как трусливый, слишком заносчивый и горделивый, коварный и жестокий восточный царь, но есть места, где понтийский правитель выглядит могущественным и богатым, хитрым и довольно умным, а главное – стойким к неудачам противником. Особо интересными моментами в повествовании Плутарха являются сцены встреч и переговоров Митридата со знаменитыми римлянами: Марием, Суллой, Серторием (Марий, XXXI; Сулла, XXIV;

Серторий, XXIII, XXXIV). Здесь проявляется то превосходство над остальными людьми, проявляемое в речах и действиях, которым наделяли граждан Рима. Знаменательны приводимые Плутархом сравнения Митридата то с Ганнибалом (Тит, XXI), то с Пирром (Серторий, XXIII), но здесь биограф передает чужие взгляды. Также Плутархом употребляется такое понятие как Митридатовы пороки и страсти (Сулла, XIII), из которых он приводит как пример наглость и жестокость. Можно предположить выделение античными мыслителями некоего комплекса негативных качеств человеческой души, взявшими в качестве примера имя понтийского правителя. Причем для этого могли использоваться тайные записи Митридата, найденные Помпеем. В противовес знамениям, вешающим о славной судьбе Митридата, Плутарх приводит «отрицательные» явления, знаменующие будущие несчастья (Сулла, XI; Помпей, XXXI).

Самое обширное повествование о Митридате дает Аппиан в одной из частей его «Римской истории» под названием «Митридатовы войны» [1]. Уже название части исторического труда свидетельствует, что войны с Митридатом занимали значимое место в римской истории, хотя бы во время Аппиана. Аппиан – автор II в. н.э., грек, уроженец Александрии, достигший больших успехов в своей гражданской карьере. При написании своего труда он, вероятно, использовал позднейших авторов – историков конца I в. до н.э. – начала I в. н.э. Среди его источников предполагают произведение Тита Ливия, содержащее сведения из трудов старших и младших современников Митридата: Луция Корнелия Суллы, Публия Рутилия Руфа. Также, используя другие источники, Аппиан представил нам данные Саллюстия, Посидония и других авторов.

Аппиан является проримскую традицию в изображении Митридата, которая изображает Митридата как коварного преступника и опасного врага. В заключительном слове, которое Аппиан посвящает Митридату (Митридатовы войны, 112, 113), говорится о великих делах, о его телесной крепости, о его незаурядных умственных способностях и его отношении к врагам и друзьям.

Особенно подчеркивается его невероятная жестокость к членам собственной семьи, которые, впрочем, также совсем недобродушно настроены к нему.

Писатель приводит описание самого жестокого преступления, которое было совершено Митридатом. Оно вошло в историю под названием «Эфесская вечерня» (Митридатовы войны, 22, 23). Всем наместникам в завоеванных провинциях, а также магистратам свободных городов царь приказал в течение 30 дней после составления царского рескрипта уничтожить всех италиков любого состояния – свободных, вольноотпущенников и рабов, мужчин, женщин или детей – без разницы. По преданию, это жестокое избиение унесло 80 тысяч жертв. Этот, вероятно, политический акт стал краеугольным камнем в изображении Митридата как безжалостного и кровожадного царя.

Но в повествовании Аппиана есть моменты, которые свидетельствуют о не абсолютно проримской позиции автора. Это, в первую очередь, пересказ переговоров послов Митридата с римским сенатом (Митридатовы войны, 13-15), в которых передаются замечания понтийского правителя по поводу односторонней политики Рима. Также приводится воспламеняющая речь Митридата перед войском, конечно, не такая обширная как у Помпея Трога, но также без римского противопоставления (Митридатовы войны, 70). Рассказывая о последних днях Митридата и его смерти, Аппиан читает панегирик этой исторической фигуре и упоминает все положительные качества понтийского царя.

На этом фоне преобладания двух представленных выше традиций попытаемся обратить внимание на самостоятельное «звучание» отдельной греческой традиции. Прежде всего, такие посылки получаем на основе анализа труда Мемнона. Первая отличительная черта греческой традиции – нейтральное отношение, как к Риму, так и к Понту. Эта позиция, возможно, присутствует и в «Географии» Страбона. Здесь она характеризуется использованием различных источников, а также особым мнением по поводу захватнической политики активных соседей греческих городов (зависимых или ещё независимых) – речь идет о победоносном Риме и Понтийском царстве.

Эту тенденцию можно, конечно, объяснить стремлением собственно авторов быть объективными в изображении того или иного явления .

И все же данное течение в античной литературе, вероятно, не нашло дальнейшего развития в связи с политическими событиями (господством римской власти) и находилось в русле римской письменной традиции.

Таким образом, рассмотрев письменные источники, подведем итоги. Исследователи уже давно выделили две литературные традиции: проримскую, следы которой имеются почти во всех античных сочинениях, и понтийскую, изображающую Митридата Евпатора защитником эллинства перед угрозой римского завоевания. Последняя прослеживается наиболее хорошо у Помпея Трога.

Римская позиция, начиная с Цицерона, дает далеко не одностороннее представление о понтийском правителе. Это объясняется двойственным назначением римской литературной традиции – с одной стороны, оправдать свою деятельность на Востоке, с другой, прославить свои победы. Эти две тенденции имели дальнейшее продолжение в литературе.

На основе анализа труда Мемнона можно предположить о существовании третьей, собственно греческой традиции, отражающей политическую ситуацию. Эта позиция, возможно, имеет место и в «Географии» Страбона. Она характеризуется использованием различных источников, особым отношением к захватнической политике активных соседей. Такое отношение исходило из внешнеполитического курса зависимых или ещё независимых греческих городов, относящихся с опаской как к победоносному Риму, так и к расширению Понтийского царства. Это течение можно объяснить стремлением авторов быть объективными в изображении того или иного явления.

Источники и литература

1. Аппиан. Митридатовы войны / Аппиан // ВДИ. – 1946. – №4. – С. 239-287.
2. Бенгстон Г. Правители эпохи эллинизма / Г. Бенгстон, пер. с нем. и вступ. ст. Э. Д. Фролова; Акад. Наук СССР, Ин-т востоковедения. – М. : Наука, 1982. – 392 с.
3. Веллей Патеркул. Римская история. Книга вторая. / Веллей Патеркул, пер. и комм. А. И. Немировского // ВДИ. – 1985. – №1. – С. 227- 236.
4. Гуленков К. Л. Ориенталистическое и эллинистическое в семье Митридата Евпатора / К. Л. Гуленков // Античность: общество и идеи. – Казань, 2001. – С. 71-83. Электронный доступ: <http://science.e-kazan.ru/pub.details.php?DNSID=9218c7df4d044c34ccca38e2ffc4ed9d&pubid=81>
5. Дзагурова В. П. Введение [Мемnon. О Гераклее] / В. П. Дзагурова // ВДИ. – 1951. – №1. – С. 283-288.
6. Зельян К. К. Помпей Трог и его произведение “Historiae Philippicae” / К. К. Зельян // ВДИ. – 1954. – №2. – С. 183-198.
7. Воєнна історія Північного Причорномор'я та Таврії. – Севастополь : Міністерство оборони України, 2011. – С. 110-121.
8. Короленков А. В. К характеристике письма Митридата в Historiae Саллюстия / А. В. Короленков // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Фрэнка Уильяма Уолбанка (Казань, 9-11 декабря 2009 г.). – Казань, 2009. – С. 102-105.
9. Макгинг Б. На рубеже. Культура и история Понтийского царства / Б. Макгинг, пер. О.Л. Габелко // ВДИ. – 1998. – № 3. – С. 97-112.
10. Мемnon. О Гераклее / Мемnon, пер. В. П. Дзагуровой // ВДИ. – 1951. – №1. – С. 289-316.

11. Молев Е. А. Властитель Понта : монография / Е. А. Молев; Гос.ком. РФ по высшему образованию, Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 1995. – 144 с.
12. Молев Е. А. К вопросу о происхождении династии понтийских Митридатитов / Е. А. Молев // ВДИ. – 1983. – №4. – С. 131-139.
13. Моммзен Т. История Рима / Т. Моммзен, авт. предисл. А. Горчаков. – СПб. : Лениздат, 1993. – 268 с.
14. Неверов О. Я. Иконография Митридата VI: Феномен портретной глиптики эллинизма / О. Я. Неверов // Мировая культура: Традиции и современность / отв. ред. Ю. В. Бромлей; Акад. наук СССР, Научный совет по истории мировой культуры. – М. : Наука, 1991. – С. 149-157.
15. Немировский А. И., Дашкова М. Ф. «Римская история» Веллея Патеркула / А. И. Немировский, М. Ф. Дашкова. – Воронеж : изд-во Воронежского ун-та, 1985. – 211 с.
16. Плутарх. Сравнительные жизнеописания / Плутарх. – М. : Эксмо-Пресс; Харьков: Фолио, 1999. – 1166 с.
17. Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических / М. И. Ростовцев, ред. Б. Фармаковский; Рос. Акад. истории материальной культуры. – Ленинград: Типография 1-й Ленинградской Труд. Артели Печатников, 1925. – 624 с.
18. Русева А. С. Рецензия на: Сапрыкин С. Ю. «Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье». Москва: Наука, 1996. 348 с. / А. С. Русева. – ВДИ. – 1998. – №4. – С. 204-207.
19. Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство: Государство греков и варваров в Причерноморье / С. Ю. Сапрыкин; отв. ред. Л. П. Маринович. – М. : Наука, 1996. – 348 с.
20. Сапрыкин С. Ю. Природные катастрофы и явления в идеологии Митридата Евпатора / С. Ю. Сапрыкин // ВДИ. – 1997. – №3. – С. 85-92.

21. Севастьянова О. И. Введение [Вступ. статья] / О. И. Севастьянова // ВДИ. – 1946. – №4. – С. 231-238.
22. Смыков Е. В. Рим и Митридат: Война, политика, идеология: автореф. дис. на соискание науч. степени канд. ист. наук: специальность 07.00.03 «Всеобщая история (история древнего мира)» / Е. В. Смыков; Саратовский гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 1996. – 18 с.
23. Страбон. География: В 17 книгах / Страбон; ред. С. Л. Утченко, пер. Г. А. Стратановского. – М. : Научно-издательский центр Ладомир, 1994. – 940 с.
24. Цицерон Марк Туллий Речи: в 2 т. / М. Т. Цицерон, ответ. ред. М. Е. Грабарь-Пассек, пер. В. О. Горенштейна. – Т. 1.: Годы 81-63 до н.э. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1962. – 444 с.
25. Шелов Д. Б. Города Северного Причерноморья и Митридат Евпатор / Д. Б. Шелов // ВДИ. – 1977. – №3. – С. 40-58.
26. Шелов Д. Б. Из античной литературной традиции о Митридатовых войнах: Посидоний и Цицерон / Д. Б. Шелов // История и культура античного мира: сборник статей / Акад. наук СССР, Ин-т археологии. – М. : Наука, 1977. – С. 197-201.
27. Юстин. Эпитома сочинения «Historiae Philippicae»/ Юстин, пер. А. А. Деконского и М. И. Рижского под ред. М. Е. Грабарь-Пассек // ВДИ. – 1954. – №2. – С. 183-202.
28. Mithridates VI and the Pontic Kingdom / Edited by Jakob Munk Højte. // Black Sea Studies. – Aarhus: The Danish National Research Foundation's Centre for Black Sea Studies University of Aarhus, 2009. – 372 p.
29. Reinach T. Mithradates Eupator. König von Pontos / T. Reinach. – Leipzig, 1895. – 488 s.
30. Summerer Lâtife. The Search for Mithridates. Reception of Mithridates VI between the 15th and the 20th Centuries / Lâtife Summerer // Mithridates VI and the Pontic Kingdom / Edited by Jakob Munk Højte. Aarhus, 2009. – P. 15-34.

Автор статті пропонує історіографічне дослідження різних напрямів в тисьмовій традиції про Мітрідата VI Євпатора. Підкреслюється традиційне виділення понтийської та римської ліній, що втискаються в контекст протиборств двох держав. Творчість письменників підкорялася необхідності відображення політичних обставин і реалій. Головна відмінність римською і понтийської тисьмових традицій – тенденційне освітлення подій на користь тієї чи іншої сторони. На тлі переважання двох відомих традицій автор звертає увагу на відносну самостійність окремої грецької традиції, представленої у творах Страбона і Мемнона.

Ключові слова: *Мітрідат VI Євпатор, Понт, Рим, антична тисьмова традиція.*

The author of the article offers historiography research of different directions in writing tradition about Mithridates VI Eupator. A traditional selection is underlined by Pontic and Roman lines that are written into the context of counteraction of two states. The works of writers was submitted to the necessity of reflection of political circumstances and realities. Main difference Roman and Pontic writing traditions is a tendentious illumination of events in behalf on one or another side. On a background predominance of two known traditions the author pays attention to relative independence of separate Greek tradition presented in Strabo's and Memnon's works.

Key words: *Mithridates VI Eupator, Pont, Rome, ancient writing tradition.*

УДК 32

В. И. Королёв

Крым революционный: политические предпочтения армян

Статья посвящена изучению политической позиции армян Крыма в противоречивый, наполненный бурными событиями период революционного времени конца XIX – начала XX в. Автор пришел к выводу, что представители одного из многочисленных народов полуострова – армянского – придерживались леворадикальных взглядов.

Ключевые слова: Крым, история, национальные партии, армяне.

Изучение деятельности политических партий в судьбоносное для крымского региона время вызывает особый интерес для нынешней полигэтничной Украины, живущей в условиях идеологического плюрализма и многопартийности. В этом состоит актуальность предпринятого исследования, а научная новизна заключается в том, что данной темы историки не касались. Целью работы является изучение партизированности одного из многочисленных народов полуострова – армянского. Для достижения поставленной цели автор провел скрупулезную работу и собрал из архивов, периодической печати, из воспоминаний участников революционных событий буквально «по крупицам» необходимый документальный материал.

В конце XIX - начале XX вв. проявилась определенная специфика Крыма: в 1905 г. из 17 партий 9 были национальными, а в 1917 г. соответственно из 23 – 13, что обусловливалось этнической пестротой населения одной из дальних окраин Российской империи и составило особенность развития политического процесса в крае [1].

В начале XX в. среди армян Крыма распространяли свое влияние члены партии Гнчак (В пер.: «Колокол», в народе – гнчакисты). Партия создана группой армянских студентов в Женеве в 1887 г. Первоначально она называлась Армянской революционной партией и ставила своей целью путем вооруженного восстания добиться освобождения армянского народа от

турецкого порабощения и создать самостоятельное национальное государство, а в экономической сфере – сделать народ хозяином средств производства. В 1890-х гг. партия организовала ряд безуспешных восстаний. Ее социальную базу составляли служащие, мещане, интеллигенция, а также некоторая часть рабочих и предпринимателей. Такой разнородный состав привел к расколу партии, и «подлинные марксисты» подались в РСДРП.

Первые следы деятельности гнчакистов в Крыму обнаружились в 1903 г., когда возникла их первая организация в Симферополе. Лидер партии Мигран Манукьян объединил в ее составе 40 торговых работников. Наиболее активными членами партии были Саркис Миносян, Петр и Зина Закиевы. Отделы «Гнчак» появились также в Севастополе, Феодосии и Ялте (лидер Михрон Нергизян). Летом 1904 г. эта партия в условиях нелегальной работы сумела провести всекрымскую конференцию, на которой, правда, произошел раскол в рядах гнчакистов – часть их влилась в РСДРП, другая – в организации Дашнакцутюн. Среди гнчакистов Крыма выделись А. Дживанширянц и Миродян. В крымских подотделах партии насчитывалось не менее 100 членов [2].

В ходе и после российской революции 1905-1907 гг. гнчакисты вместе с революционно-авантюристическими группами российских социалистов-революционеров (эсеров), меньшевиков, анархистов и большевиков участвовали в индивидуальном терроре, разбойных нападениях и вымогательствах. Они замечены были в революционном движении в России и в Турции, за что преследовались властями этих государств. В Крыму действовали четыре организации, насчитывавшие в своих рядах не менее 100 членов [3].

В 1906 г. крымские гнчакисты энергично «собирали» денежные средства для покупки оружия и совершения террористических актов в 1906 г. Наиболее деятельными членами партии являлись Михрон Нергизян и Хачатур Кобобчанц, которые переправляли приобретенные на Кавказе оружие и литературу в Крым и имели надежные связи с партийными подотделами

Одессы, Севастополя, Феодосии. Ялтинские гнчакисты получили за эту «работу» высокую оценку ЦК партии. Но 2 августа 1906 г. организация армянских революционеров была ликвидирована, в руки полиции попали печать, склад оружия и переписка с ЦК армянской РСДРП [4].

В годы агонии первой российской революции нелегальная работа революционеров, насколько это было возможно, продолжалась. Так, по данным политической полиции, член партии «Гнчак» Армен Богутурьянц (инженер-технолог, партийная кличка «Аверьян») поддерживал связь с Киевским (через «Августа») и Харьковским (через «Марусю») комитетами партии [5].

Период 1910-1914 гг. получил в советской исторической литературе название «нового революционного подъема», каковой в Крыму и Северной Таврии, по нашему мнению, не состоялся. С политическим терроризмом было покончено, а «разбойничья» деятельность революционных партий умелыми действиями полицейского аппарата практически была сведена «на нет». Однако, ближе к первой мировой войне, отдельные случаи «бандитской работы» революционеров все-таки были зафиксированы политической полицией. В январе 1913 г. два неизвестных правоохранителям гнчакиста вымогали у владельцев магазинов Нахтуманова и Семерджиева по 2000 рублей для печатания на армянском языке социал-демократической газеты [6]. В этом деле армянские революционеры, в отличие от российских, были более «настырными». В 1913-1914 гг. в Симферополь наведывался уполномоченный партии «Гнчак» Рубен Карапетян (Бояджиев) и производил денежные поборы с армянских зажиточных граждан на нужды партии, в том числе на осуществление террористических актов в отношении некоторых членов турецкого правительства [7]. Р. Карапетян нанял адвоката и уплатил залог за находившегося в симферопольской тюрьме террориста Усеина Дегирменджи (подпольная кличка «Сюник». – В. К.), а также перечислил заграничному центру партии в Париже 453 рубля (1200 франков) [8]. В начале марта 1913 г. группа гнчакистов прибыла в Евпаторию и занялась грабежами. По этому делу, в частности, проходил симферопольский турецкоподанный Мигран Манукьян

(см. ранее. – В. К.) [9]. Весной 1914 г. симферопольские и севастопольские гнчакисты создали боевую дружину «грабительского характера» под названием «Гныаганхумб» и занялись вымогательствами и кражами, например, у купцов Мазлумова, Хазанджиева, Тарасова, Караева и др. По агентурным сведениям полиции, членами шайки были Мирон Акопян (возможно, это кличка. – В. К.), Вагаршах Дохсаньян (в других архивных документах Тохаснянц. – В. К.), «Павлуша» и др. Окончательно эта преступная группа была ликвидирована в июне 1914 г.

В 1917 г. партия «Гнчак» самостоятельных организаций в Крыму не имела. Следует подчеркнуть, что, с нашей точки зрения, «сумбурные» в политическом отношении месяцы (февраль-октябрь) армяне почти не отметились участием в поспешно создаваемых органах власти. Так, на съезде по выборам пресловутого Совета народных представителей «засветился» от народов, представлявших Крым, армянин И. Г. Мурзаев (к сожалению, неизвестна его политическая позиция, возможно, он приветствовал создание нового краевого правительства. – В. К.) [10].

Известно, что с начала 1920-х гг. отдельные члены и группы партии выступали против советской власти.

По политическим взглядам к всероссийской партии эсеров была близка партия Дашнакцутюн (в пер. «Союз», в народе – дашнаки). Она возникла в 1890 г. в Тбилиси, а в 1892 г. I съезд утвердил программу и устав партии, ее тактическую линию. Главной задачей дашнаков являлась активная политическая деятельность в Западной Армении, создание путем вооруженного восстания и террористических актов с помощью западных держав и царской России автономного армянского государства в пределах Турции. В аграрной части программы предполагалось передать землю в собственность сельских общин, что роднило дашнаков с российскими социалистами-революционерами. Социальный состав партии был разношерстным.

Отдельные группы партии «Дашнакцутюн» проявили свою активность в Крыму с лета 1904 г. Одним из видных лидеров организации был Гавриил

Авдеевич Кереметчи. Он родился в 1880 г. С 1898 г., то есть с момента создания, являлся членом партии. Накануне революции он вел пропагандистскую и кружковую работу в Крыму, а в 1905 г. – в Мариуполе, в 1906 г. – в Юзовке (ныне – Донецк. – В. К.), где организовал профсоюз печатников. В 1907 г. был арестован в Самаре и находился под негласным надзором полиции, в следующем году вернулся в Крым и проводил работу среди матросов Черноморского флота. Февральскую революцию встретил в Балаклаве, где работал на строительстве железной дороги «Севастополь-Ялта». За революционную пропаганду был уволен с работы, но по требованию рабочих восстановлен. Являлся одним из организаторов рабочего клуба. В 1917 г. поменял политические убеждения и стал членом Балаклавского и Севастопольского комитетов партии меньшевиков [11].

Организации партии Дашиакцутюн действовали в Симферополе, Керчи, Феодосии (лидер этой организации – Хачадур Кебабчанц), Ялте (этому подотделу ЦК партии давал высокую оценку), а также в Джанкое, Перекопе, Бахчисарае, Карасубазаре, т. е. в местах компактного проживания армян. По нашим косвенным данным, в Крыму насчитывалось не менее 100 членов этой партии [12].

В первой российской революции дашнаки действовали в группах революционно-экстремистского направления. Когда на спаде революции начались массовые репрессии со стороны правительства, в число неугодных режиму попали и члены партии Дашиакцутюн, в частности, лидер феодосийских дашнаков Гаврилиан Кемеджиев.

В межреволюционный период (1907-1917 гг.) армянские социал-демократы либо работали совместно с организациями РСДРП (меньшевиков), либо выполняли указания центральных органов своей партии. Наиболее деятельными гнчакистами в Севастополе были Мигран Вартанович Манукян (34 года, приказчик) и Богос Закиев, в Симферополе – Вартан Арутов и К. Лайлайянц [13]. К эсерам по политическим мотивам, как и прежде, примыкали организации партии Дашиакцутюн, распавшиеся вскоре после

поражения революции. К августу 1910 г. в Крыму действовали около 20 разобщенных членов этой партии, из них в Симферополе – Баграт Калустович Авакьянц (35 лет), в Армянске – Иван Данилович Давидов и Николай Осипович Дабахов, в Мелитополе – И. Е. Черников (52, бывший член Крымского комитета партии и городской голова), в Большом Токмаке – Андриано (купец) и др. Заметим, что политические взгляды армянских революционеров разделяли представители и других национальностей [14].

В 1908-1909 гг. леворадикалами в Крыму осуществлена серия террористических актов, целью которых был захват денежных средств и оружия на существование своих нелегальных ячеек. При этом они не останавливались перед откровенными грабежами и разбойными нападениями. Для улучшения этой «деятельности» на помощь крымским партийцам приезжал некто «Леон», член боевой дружины ЦК партии «Дашнакцутюн», являвшийся участником вооруженных грабежей и политических убийств в Баку, Тифлисе, Эривани [15].

Главным событием предреволюционных лет стала избирательная кампания в IV Государственную Думу Российской империи. В ней принимали участие и представители политических партий армян. Так, левые группы в Мелитополе победили благодаря тому, что выбрали удачную тактику и выдвинули кандидатами еврея Я. Б. Зедина (в 1906 г. был председателем местного горкома РСДРП), русского – И. А. Бакуменко (в 1905 г. являлся членом партии социалистов-революционеров) и армянина И. Г. Мурзаева (член партии конституционных демократов, в 1908-1909 гг. сочувствовал революционерам) [16].

В ходе революций 1917 г. стали заметнее члены партии Дашнакцутюн. Февраль дал политическим партиям возможность легальной работы в массах. Участник революционных событий в Феодосии А. Г. Даугелев-Дауге вспоминал: «... Армяне-ремесленники стали почти все дашнаками» [17]. Воссозданные в Симферополе, Керчи, Феодосии и Ялте организации этой

партии осенью 1917 года образовали Таврический губернский комитет (*B. K.*). Краевая организация насчитывала не менее 150 членов [18].

В ноябре-декабре 1917 г. происходила перегруппировка политических сил в регионе. 5-6 января следующего года дашнаки приняли участие в очередном партийном съезде крымской организации партии социалистов-революционеров, на котором усилилось противоборство сторонников радикальных и умеренных взглядов. Армянские представители подписались под резолюцией, которая гласила: «Социалисты-революционеры не могут признать вооруженную борьбу как единственный путь. Но они не могут стоять в стороне, когда бряцание оружием становится единственным фактором революции» [19].

В последних числах января 1918 г. (в советской литературе в начале месяца. – *B. K.*) утвердилась власть большевиков на полуострове. В органе новой диктатуры – Симферопольском большевистском Совете – армянский народ представляли два члена партии «Дашнакцутюн», что свидетельствовало об их согласии с новой властью [20].

Однако позже, видимо, осознав суть большевизма, дашнаки выступали против захвата ленинцами власти. С мая 1918 г. по ноябрь 1920 г. они являлись правящей партией в буржуазной армянской республике. Во главе правительства стояли видные деятели партии – О. Каджазнуни, А. Хатисян, А. Оганджанян, С. Врацян. После установления советской власти в Армении, 19 ноября 1920 г. дашнаки заключили с Турцией договор, по которому уступили ей часть армянских земель. В феврале 1921 г. они подняли антисоветский мятеж, но были разгромлены. Партия в пределах советской Армении была ликвидирована.

Таким образом, в крымских революционных событиях начала XX столетия наиболее активные представители армянского народа создали свои подотделы национальных партий «Гнчак» и «Дашнакцутюн», которые примкнули к российскому леворадикально-экстремистскому лагерю и участвовали в сокрушении самодержавного строя в Российской империи. Таков был выбор армян Крыма. Национальных партий правого толка или организаций

умеренных позиций не было. Не случайно, после окончания гражданской войны, армянские партии выступили против советской власти.

Источники и литература

1. Королев В. И. Возникновение политических партий в Таврической губернии. / В. И. Королев.– С. : Таврия, 1993. – 42 с.
2. Государственный архив в АРК (далее – ГА АРК). Ф-150, оп.1, д.21, л.18; д.23, л.1; д.102, л.261-262.
3. Королёв В. И. Политические партии Украины и Крыма. История и современность. / В. И. Королев. – Симферополь: Таврия, 2002. – С. 86.
4. ГА АРК. Ф.150, оп.1, д.21, л.18, 108-110; д.23, л.1.
5. ГА АРК Ф.706, оп.1., д.203, л. 22-23, 25, 27; д.237, л.19, 24, 25-27.
6. ГА АРК, Ф.706, оп.1, д.414, л.16.
7. ГА АРК. Ф.706, оп.2, д.49, л.169, 390.
8. Оп.1, д. 411, л.281, 338; д.414, л.12.
9. Там же, д.203, л. 14.
10. «Земля и воля»,1917, 23 ноября; «Таврический голос», 1917, 24 и 28 ноября.
11. ГА АРК. Ф.150, оп.1. д.436, л.2-3.
12. Там же. д.23, л.1.
13. ГА АРК. Ф.706, оп.1, д.351, л.219,281; оп.2, д.49, л.377; Ф.226, оп.3, д.579, л.469.
14. ГА АРК. Ф.706, оп.1, д. 329, л. 50, 212, 230, 232.
15. ГА АРК, ф.556, оп.1, д.7, л.16-17.
16. Там же, д.203, л. 14.
17. ГА АРК. Ф.150,оп.1, д.354, л.11-13.
18. Королев В. И. Политические партии Украины и Крыма. История и современность. / В. И. Королев. – Симферополь : Таврия, 2002, – с. 92.

19. «Вольный Юг», 1918, 12 января; «Революция в Крыму» – 1922. – №-1. – С. 6.
20. ГА АРК. Ф.Р-1612, оп.1, д.1, л.40.

Стаття присвячена вивчення політичної позиції вірмен Криму в суперечливий і наповнений бурхливими подіями революційного часу період кінця XIX – початку XX ст. Автор прийшов до висновку, що представники одного з багаточисельних народів півострова – вірменського – дотримувалися ліворадикальних поглядів.

Ключові слова: Крим, історія, національні партії, вірмени.

The article is devoted to studying of political views of the Crimean Armenians of the period of the late XIX – early XX centuries. This historical period has been inconsistent and full of rough events. The author comes to a conclusion that Armenians – representatives of one of the numerous nations of the peninsula – adhered to left-wing radical views.

Key words: Crimea, history, national parties, Armenians.

УДК 82:1(477.75)

Н. В. Николаенко

**Проблема ценностных ориентиров
в философском наследии С. Н. Булгакова
(«раннекрымский период»)**

В статье рассмотрены и проанализированы ценностные ориентиры, выраженные С. Булгаковым в «Свете невечернем» (1917 г.). Данные идеи и размышления в софиологии автора занимают особое, значительное место, являя противоречия и парадоксы.

Ключевые слова: ценностные ориентиры, универсальная идея, творчество, софиология.

«Красота есть внутренний закон мира».

(С. Н. Булгаков)

Актуальность. Философское наследие С. Н. Булгакова (1871-1944) является предметом исследования зарубежных и отечественных философов, богословов, историков уже значительное время. «Неисчерпаемый источник», по меткому выражению одного из современников, составляет значительный объем актуальной проблематики. Новые искания и запросы современного мира требуют от нас не одной реставрации прошлого, но поисков новых ценностных ориентиров, отвечающих вызовам времени, преодоления прозаизма и безвкусий уклада жизни.

Цель. Обозначив основные ценностные ориентиры автора, проанализировать пути и возможности будущих и современных исканий в сфере чистого искусства.

«Лично для автора эта книга представляет собой род духовной автобиографии или исповеди» [1, с. 6]. В декабре 1916 г., в Москве, русский философ и богослов С. Н. Булгаков написал эти строки в предисловии к своему сочинению «Свет невечерний» и отметил, что книга писалась медленно и с

большими перерывами в течение 1911-1916 гг. Заканчивал же работу над текстом автор в Крыму, в Кореизе (где проводил летние месяцы в имении своего тестя, крымского винодела И. Ф. Токмакова⁴). Этот период жизни и творчества (условно «раннекрымский») недостаточно изучен, в отличие от «позднекрымского» (1919-1922) [2].

«Свет невечерний» имел целью создание новой религиозной системы философии. Сложность очевидна: стремление выработать универсальное миросозерцание (где единое целое Бог, Мир, Человек), и попытка всесторонне обосновать новую антропологию, опираясь на идеи В. Соловьева прежде всего (как основоположника универсальной идеи), а также труды Бердяева, Карсавина, Флоренского и др. Кратко (по Соловьеву): универсальная религия есть религия души; специальная функция души есть любовь; мораль этой религии – любовь, объединившая свободной внутренней связью все духовные существа.

Проблема поставлена и не была решена. Противоречия софиологического учения Булгакова очевидны: «о. Сергий потерпел поражение именно как философ, т. е. в своей преимущественной сфере» [3, с. 30]. Тем не менее, глубокие размышления о природе искусства, творчестве и красоте, высказанные в «Свете невечернем» (отдел IV «Человек», часть III «Человеческая история») не утратили ценности. Булгаков ищет пути к пониманию чудовищного, по его мнению, сбоя, провала, когда искусство (т. н. «культура») разорвало свое единство с религиозным культом, *как и почему* эстетизм быта ныне принимается за «жизнь в красоте», а жажда этой самой «красивости» слишком легко удовлетворяется суррогатами (т. е. услугами художественной промышленности), где правит активное безвкусие и бесформенность неряшливоści.

Наличие свободы, где «художник творит красоту наряду с природой», необходимо, однако свободы этой не наблюдается. Прокладывая путь к

---

⁴ Заметим попутно, что и свадьба с Еленой Ивановной состоялась в Кореизе («Такие моменты или дни не выражаются словами», – из письма к другу), в январе 1898 г.

утверждению своего приоритета (софийности), автор не скрывает, что лишь единение искусства и божественного («новое сближение искусства с культом») есть свобода – просто потому, что существовало изначально. Однако полного возврата к чистому искусству, с его эстетической успокоенностью и ограниченностью, уже нет. И любопытно, с каким вниманием и точностью анализируется сущность «искусства для искусства» (при том, что утрата произошла). Верность художественному такту есть цель свободного искусства, а это означает, что наиважнейшей эстетической задачей является работа над художественной формой, которой так часто пренебрегают ради содержания. Не лучшее время для рассуждений: декаданс, упадок духа (мировая война - бойня) реально не способствовали «содержанию», всемерно наблюдалось засилье формализма, и Булгакову бы поостеречься. Однако, не стесняя себя и не допуская сомнений, он продолжает: «Сама форма и есть существенное содержание искусства, и его нет вне работы над формой» [1, с. 329]. Булгаков тут же предостерегает от поклонения канонам, от увлечения направлениями и течениями всех мастеров и толков, обвиняя их в косности, в сковывании творчества. Для него значимость формы, безусловно, наполненной содержанием и не терпящей небрежности и «безобразий стиля» очевидна, и если художник создает «свой собственный мир красоты в пределах своего искусства», то это желанный тупик, именно *осознание жизненных границ искусства*.

Принимая догмат как предмет веры, подлежащий точному определению, Булгаков несомненно проявляет интеллектуальную пытливость: вера никогда не налагает запретов в его собственной области, жизнь рассматривается как творчество [4]. Он высмеивает мнение, что «ликующий прогресс» и есть наша история, якобы подготавливающая торжество гармонии. Скепсис по отношению к истории очевиден, так как история давно «свернула» с пути истинного. Анализ ценностных ориентиров С. Н. Булгакова может быть ограничен его пессимизмом (пример отрицательного богословия), т. к. искусство бесполезно перед «лицом мира сего с его утилитарными

ценностями», и потому можно ограничиться лозунгом «Искусство самодержавно». Атмосфера свободы и бескорыстия способствует тщательным формулировкам, служение красоте выражает законный и диалектически необходимый момент в самосознании искусства, и здесь Булгаков тверд: лишь действенное, преображающее искусство самодержавно, но никак «не утешающее только», не символическое.

Творческий характер человека, его существование в мире, синтез духовной сферы со сферой внешней есть «неисследованная бездна, неизмеримая глубина» [1, с. 245]. Но наше стремление реализовать заложенные в нас возможности – путь изведанный, при этом избранная форма, некая архитектоника жизни, никоим образом не пренебрегаются Булгаковым, а лишний раз подчеркиваются.

Эстетика повседневности, навязчиво внедряемая власть предержащими (и совершенно не удовлетворительная), приводит Булгакова к проблеме власти. Человек изначально призван к «активности и творчеству в мире», но это единство раскололось, и т. н. «социальная политика» здесь небезгрешна. Власть, история как конкретное время, право (как определяющие в той самой внешней сфере) ставят перед искусством особую задачу «просветлять материю красотой». Но сложность в том, что «власть (как государственно-правовой строй) тщетно разрешает проблему соединения личной свободы во всем ее самообразии – и единообразного, для всех равного порядка» [1, с. 338]. Именно «тщетно». Анализ природы власти приводит автора к заключению, что в основе своей власть имеет иррациональный характер, эта область утилитарно-рассудочная, как ни велико ее значение в жизни власти, все-таки не является для нее решающей.

Булгаков вновь приближается к своей европейской (в данном случае «мировой») идее государства, где «человечество-семья» не знало (и не будет знать) «цепей» государственности. Если принять за данность, что человечество должно быть по-своему организовано (явно выражается в политике, экономике, нравах и т. п.), то повсеместно и в различных проявлениях наблюдается

рудиментарный этап «пошлого самоутверждения» и эгоистичной борьбы; в общественности царит соперничество сил центробежных и центростремительных. Мечта всех утопий – солидарность, но желанная солидарность есть лозунг, за которым ничего не кроется, такова действительность. Для Булгакова же очевидно, что индивид как самозамкнутый микрокосм есть часть целого, именно так индивид входит в состав мистического человеческого организма. Тогда является вопрос истинного иерархизма, «без которого нет общественной сплоченности» [1, с. 345]. Свобода, но и подчинение; не только равенство, но и различие; не одно братство, но и организация. Не подлежит сомнению – вся относительность социального неравенства ясна перед фактом духовного равенства, и преодоление людской обособленности возможно в соборности. Именно на пути к соборности, а не стремлении к «прогрессу» человек в полной мере обретает свое «я». Незаполненность прогресса состоит, по Булгакову, в наивной (ложивой?) вере в «устранимость зла, в победимость страданий», прогресс для него всего лишь «горделивая мечта о земном рае», и потому это непрерывный и самодовлеющий путь, т. к. исторические задачи не могут окончательно разрешиться, и смысл истории выражается «вечным круговращением». Булгаков признает, что если рассматривать историю в ее собственной плоскости и в ее непосредственных достижениях, то история «есть великая неудача... трагическое недоразумение», и если даже когда-либо устроят одно мировое государство, это будет совершенно «не важно», потому как человек не станет выше в духовном смысле, а скорее наоборот, окончательно отдалится от Бога: «цивилизационный» путь порочен, ежели утрачена мистическая связь «в недрах мира» между человеком и Богом.

Основанием схемы всего религиозно-философского периода самого Булгакова было возвращение к вере «в личного Бога вместо безличного идола прогресса» [5, с. 36-37]. Разумеется, религиозное сознание определяет исторические эпохи иначе, нежели определяют историки и социологи, и потому о. Сергий убежден, что история привела лишь к вопиющим диссонансам и

трагической безысходности; стремления человечества далеки от свершения, прогресс неспособен научить добру, а наше «упорное нехотение добра» в пользу карьеры, комфорта, «красивостей» и пр., – тому подтверждение. Только добру принадлежит онтологическая сущность, «только оно пребывает выше различия свободы и необходимости».

Признавая антиномию свободы и необходимости, Булгаков подчеркивает необходимость, ибо «свобода распространяется лишь на ход исторического прогресса, но не на его исход» [6, с. 185-186]. Мир и человек находятся во власти господствующей необходимости, при этом человек «есть свободный выполнитель своей темы», он, безусловно, обязан выявить свою заданность и не погубить свою «данность» (именно в рамках необходимости). И именно в этом случае, т. е. исполнении, человек становится свободным как творец. «Мы не понимаем, что жизнь есть рай» (по Достоевскому), а понимание этого и может стать творчеством в своем высшем значении. Таким образом, *самотворчество* у о. Сергея является главным содержанием жизни, и вокруг этого ядра вращается наше «все». Ценостные ориентиры человека в идеале органичны власти, есть ее общая и неотменная основа. Задача власти в данном контексте – ответственная организация, соответствие историческому, т. е. конкретному времени; задача чистого искусства – единение с религиозным сознанием. Осознание человеком себя как творца, построение себя как культурного (прежде всего в значении веры) микрокосма не есть утопия для автора «Света невечернего»⁵, а лишь закономерное свершение человеческой истории.

«Нужно иметь большое духовное содержание, чтобы жизнь черпать из себя, но вместе с тем это лучшая проверка того, что принадлежит нам и что мы себе присвоили» [7, с. 32]. Строки из «Ялтинского дневника» датированы сентябрем 1921 г., к этому времени о. Сергий был исключен из числа профессоров Таврического университета, служил вторым священником в Новом (т. е Александро-Невском) соборе в Ялте, переехав на Дарсановскую из

---

⁵ Займствование у А. С. Хомякова («Вечерняя песня»).

Кореиза («ежедневные службы и молитвы, наподобие монастыря...»). Житейские тяготы, полуголодное существование, сомнения, искус католицизмом – все тяготы преодолены. Борьба за существование и новая волна новых мыслей, «радость творческих созерцаний», о судьбах Отечества прежде всего его слова: «Чтобы стать самим собой, надо стать христианской Европой» (в записи от 31 декабря 1921 г.) пророчески звучат еще и потому, что впереди арест, высылка из России, юридический факультет Пражского университета (профессор церковного права); с 1925 о. Сергий – профессор догматики и декан Православного Богословского Института в Париже. И в Европе «христианской» созданы богословские сочинения («Агнец Божий», «Невеста Агнца» и др.), где Булгаков развивает основные положения своей философии. Жизнь человека как личности ему непостижима, но рассмотрение проблемы человека – насущная необходимость. Поиск *идеальной основы мира* неисчерпаем, непрерывен, совершенно положителен, «ибо София не просто любима, но она и сама любит», являя собою умопостигаемый мир, где «Красота есть внутренний закон... сила мирообразующая» (1, с. 211).

Таким образом, избирая и по-своему разрабатывая сложный жанр (философия-богословие, в литературном изложении), Булгаков неукоснительно придерживается строгости формы. Способ сохранения этой формы мысли предельно прост – философская добросовестность. В доктринах он видит исторические и философские проблемы, не подменяет анализ обильным цитированием; мысль приводится в согласие с его верой, а не наоборот; попытки уклониться от ответственности за свою доктрину, систему «софиологического монизма», отсутствуют [8]. Его софиология как учение о премирном начале мира неоправданна, но отметим в заключение, что философия творчества как смыслово-волевого акта, не подлежащего онтологизации, не разработана и столетие спустя после публикации «Света невечернего».

Источники и литература

1. Булгаков С. Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. / С. Н. Булгаков. – Москва, 1994.
2. «Вестник РХД неукоснительно соблюдал все юбилейные даты, связанные с жизненным путем о. Сергея Булгакова: столетие со дня рождения (№101-102), пятидесятилетием со дня смерти (№170), нынешнее 125-летие» / («Дневник Духовный», №174).
3. Роднянская И. Б. С. Н. Булгаков – отец Сергий: стиль мысли и формы мысли / И. Б. Роднянская – Париж, «Вестник РХД», 2001 – №182.
4. Зеньковский В.В. прот. История русской философии. Т.2. – Париж, 1989.
5. Булгаков С. Н. прот. Автобиографические заметки / С. Н. Булгаков. – Париж, 1991.
6. Булгаков С. Н. Философия хозяйства / С. Н. Булгаков. – М., 1990.
7. О. Сергий Булгаков. Ялтинский Дневник / С. Н. Булгаков – Париж, «Вестник РХД», 1994 – №170.
8. См. Зандер Л. Бог и мир (Мироизречение отца Сергея Булгакова). Т. 1 – Париж, 1948.

У статті розглянуто та проаналізовано ціннісні орієнтири, виражені С. Булгаковим в «Світі невечерньому» (1917 р.). Данні ідеї і роздуми в софіології автора займають особливе, значне місце, являючи протиріччя і парадокси.

Ключові слова: ціннісні орієнтири, універсальна ідея, творчість, софіологія.

The article reviewed and analyzed values, expressed in S. Bulgakov "with the unfading" (1917). These ideas and reflections in sophiology occupy a special website, a significant place, revealing the contradictions and paradoxes.

Key words: values, universal idea, creativity, sophiology.

А. В. Севастьянов

**Основные направления крымоведческих исследований
Государственной Академии истории материальной культуры
(20-е гг. XX в.)**

В статье на основе анализа массива научных публикаций сотрудников Государственной академии истории материальной культуры воссоздается активный исследовательский процесс изучения истории материальной культуры и охраны памятников в Крымской АССР в 20-х гг. XX в. Представляется оценка научного наследия А. С. Башкирова, Г. А. Бонч-Осмоловского, И. Н. Бороздина, К. Э. Гриневича, Ю. Ю. Марти.

Ключевые слова: Государственная академия истории материальной культуры, археология, памятники, А. С. Башкиров, Г. А. Бонч-Осмоловский, И. Н. Бороздин, К. Э. Гриневич, Ю. Ю. Марти

Исследование прошлого человечества по остаткам материальной культуры и памятникоохранительные работы были одним из приоритетных направлений в области научного изучения Крыма в досоветский период. Работа членов императорской Археологической Комиссии, Русского археологического общества, Московского археологического общества, Одесского общества истории и древностей, Таврической ученой архивной комиссии позволила Крыму стать лидером по числу находок памятников старины и ценных археологических источников, необходимых для реконструкции древнего периода истории Юга Российской империи [1, с. 94-126].

Слом старых форм организации науки после 1917 г. затронул и археологическую сферу. 18 апреля 1919 г. В. И. Лениным был подписан декрет СНК РСФСР «Об учреждении Российской академии истории материальной культуры» (РАИМК, после 1925 г. приобрела всесоюзный статус и сменила название на Государственную академию истории материальной культуры – ГАИМК). Данное учреждение имело своей целью обеспечить единое научное и методическое руководство процессом изучения древностей на территории

страны. Задачи и цели нового учреждения полностью совпадали с прежними приоритетами в работе императорской Археологической комиссии. Однако государственный статус созданной академии предполагал выделение средств на финансирование раскопок, камеральных исследований, публикации отчетов, материалов экспедиций, научных трудов членов и сотрудников учреждения. Более того, РАИМК/ГАИМК полностью сосредоточила в своих руках управление разноплановыми археологическими исследованиями, работа экспедиций зависела от наличия «открытого листа» унифицированного образца, что, в свою очередь, позволяло контролировать и корректировать при необходимости ход работ. «Открытые листы» выдавались Главнаукой Наркомпроса РСФСР, однако их получение было невозможным без согласования с ГАИМК. Основное сотрудничество в регионах РАИМК/ГАИМК осуществляла с местными музеями – археологического либо краеведческого профиля. Это объяснялось отсутствием иной корреспондентской базы: только в музеях, работавших в досоветское время либо созданных в период 1918–1921 гг., были сосредоточены необходимые квалифицированные кадры, наличие же опыта раскопок делало подвижников музейного дела единственными возможными организаторами практической работы по охране и изучению древностей [2, с. 219-225; 3, с. 125-150; 4, с. 157-174]. При анализе источниковой базы данного сотрудничества информативностью и системностью выделяются документы Рукописного отдела Научного архива Института истории материальной культуры РАН (ИИМК РАН НА РО, г. Санкт-Петербург). Фонды архива содержат материалы, касающиеся организаций, проведения и результатов археологических исследований на территории Крыма. Результатом концентрации текущей переписки, учетной, отчетной и плановой документации стало образование единого масштабного архивного фонда (ф. 2, «Государственная академия истории материальной культуры»), где отложился значительный корпус документов о деятельности членов ГАИМК, в частности, исследований, проводившихся по заданию и разрешению Академии в Крыму.

С начала 20-х гг. XX в. наблюдалось оживление интереса к памятникам Крыма со стороны сотрудников РАИМК/ГАИМК. Наиболее активно исследования памятников разных эпох, народов и культур проводили представители столичных научных центров (г. Москвы и Ленинграда): профессор МГУ А. С. Башкиров, преподаватель ЛГУ, научный сотрудник Государственного Русского музея Г. А. Бонч-Осмоловский, один из руководителей Всесоюзной научной ассоциации востоковедения при ЦИК СССР И. Н. Бороздин, профессор ЛГУ, директор Государственного Херсонесского историко-археологического музея в Севастополе К. Э. Гриневич, доцент МГУ Б. С. Жуков. Партнерами, конкурентами, а иногда и их соперниками были сотрудники крымских музеев – директор Керченского историко-археологического музея Ю. Ю. Марти, заведующий Ялтинским музеем краеведения Г. Я. Россилевич, заведующая Евпаторийским археолого-этнографическим музеем П. Я. Чепурина, руководитель археологического отдела ЦМТ, профессор Н. Л. Эрнст.

Вышеизложенные обстоятельства объясняют актуальность рассмотрения деятельности сотрудников ГАИМК в исследовании крымских древностей и создании системы охраны исторических памятников региона. Ключевой задачей данной работы является анализ научного наследия членов организации, выявление основных направлений исследовательского поиска ученых, определение влияния некоторых концепций и дискуссий вокруг отдельных тем исследований на дальнейшее развитие исторических и археологических штудий в контексте крымоведения.

Целью данной публикации является обзор, анализ и систематизация массива научного наследия сотрудников ГАИМК по вопросам изучения истории материальной культуры и охраны памятников в Крыму на основе архивных и малоизвестных опубликованных источников. Этот процесс проходил по четырем основным направлениям: первобытная археология, изучение античных памятников Херсонеса и Керченского полуострова, раскопки мусульманских памятников Солхата и Бахчисарайя, исследование

материальных остатков пребывания в Крыму генуэзских колонистов в средневековый период.

В 1923–1924 гг., по поручению Этнографического отдела Русского музея (г. Ленинград), раскопки стоянок периода древнего и среднего палеолита проводил научный сотрудник этого учреждения, старший научный сотрудник ГАИМК Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский (1890–1943). Их результаты представлены им в отчетах, поданных в академию, и в итоговой публикации очерка «Доисторические культуры Крыма» [5–7]. Кратко осветив роль предшествовавших исследователей в изучении пребывания первобытного человека в Крыму (Н. И. Дубровский, П. П. Ефименко, С. И. Забнин, Н. Н. Клепинин, К. С. Мережковский, А. С. Моисеев, Н. И. Репников), автор очерка остановился на составе своей экспедиции. В ней принимали участие выдающийся крымовед, профессор Крымского университета Н. Л. Эрнст (1889–1956), член ТУАК и ТОИАиЭ, археолог-любитель С. И. Забнин, студенты ленинградских и симферопольских вузов. В 1923 г. тщательному исследованию в крымских предгорьях подверглась пещера Кош-Коба. В ней удалось найти остатки ископаемых костей животных, непрямые следы пребывания первобытного человека. На следующий год исследование проходило уже в 14 пещерах в районе между Бахчисараем и Инкерманом. Ценный материал по эпохе верхнего палеолита удалось выявить только в одной из них – в Сюреньской пещере [7, с. 74-76]. Тогда же, при завершении экспедиции, в районе, не предполагавшемся к изучению, случайно были сделаны «совершенно исключительные по своему значению» находки в гроте Киик-Коба в предгорной части Крыма. В слое четвертичного периода вместе с костями животных, кремневыми орудиями найдены два человеческих костяка – ребенка и взрослого – в самом нижнем геологическом слое. Остатки человеческих костей расположены в специальном углублении грота, что говорило об осознанности погребения. В нетронутом положении остались только кости обеих стоп и правой голени взрослого, остальные кости были выброшены из могилы поздними жителями грота [6, л. 9 об.].

Ввиду крайней важности находок в Киик-Кобе, в 1925 году экспедиция продолжила свою работу на средства Русского музея, Главнауки и КрымОХРИСа в том же составе. При дальнейшем вскрытии грунта в пещере были обнаружены масса кремневых орудий, костей животных, несколько костных фаланг руки взрослого человека, практически неповрежденные [8, л. 17-18].

Кроме публикации отчета экспедиции, Г. А. Бонч-Осмоловский сформулировал в очерке оригинальную концепцию классификации археологических культур древнего Крыма. Значительное место в ней автор уделял анализу собственных находок в Киик-Кобе. Анализировалась местность, стратиграфия геологических слоев, строение очагов и каменных орудий [7, с. 79-84]. Отдельному описанию подверглись найденные человеческие кости, констатировалось отсутствие ключевого элемента в исследовании останков первобытного человека – черепа, позволяющего точно датировать находки по антропологическим данным. Отдельно характеризовалась могила, специально выдолбленная в скальной породе грота для погребения. Все объективные данные захоронения позволили Г. А. Бонч-Осмоловскому отнести его к эпохе древнего палеолита, времени существования людей неандертальского типа (в современной археологической науке произошла коррекция терминов – время жизни неандертальцев выделяют в отдельную эпоху – мустье, которая также называется средним палеолитом). Исследователь сформулировал особо ценное научное значение открытия: впервые стопы человека-неандертальца были найдены в целом виде; погребение было совершено специально в гроте, следовательно, это указывало на наличие у древнейших обитателей Крыма примитивных сакральных представлений о загробной жизни. Наиболее важным результатом экспедиции стало выявление первых на тот момент человеческих останков эпохи древнего палеолита на территории СССР [8, л. 17-18].

Также Г. А. Бонч-Осмоловский в очерке охарактеризовал памятники эпохи верхнего палеолита, основываясь на исследованиях К. С. Мережковского второй половины XIX в. и современных на тот период работах П. П. Ефименко.

Краткий очерк был посвящен и «веку металлов» (раннему железному веку), в основе его содержания лежал обзор находок предметов кизил-кобинской культуры, совершенных совместно с Н. Л. Эрнстом при раскопках в селении Нейзац, в кизил-кобинском и кош-кобском поселениях [7, с. 87-94].

В общем выводе Г. А. Бонч-Осмоловский констатировал наличие в Крыму памятников эпох древнего палеолита, ориньякского периода верхнего палеолита, культур конца бронзового и раннего железного века [7, с. 94]. В дальнейшем ученый значительно дополнил свои исследования в вопросе древнейшего прошлого Крыма по антропологическим и археологическим источникам, которые нашли отражение в классической монографии «Палеолит Крыма» [9], публикация которой была завершена уже после смерти ученого. Значение исследований и открытый Г. А. Бонч-Осмоловского в полной мере были оценены в процессе дальнейшего развития штудий в области палеолита. Исследователи биографии и научной деятельности выдающегося археолога (В. В. Бунак, С. Н. Бибиков, С. В. Смирнов, Г. П. Григорьев, С. А. Васильев, Н. И. Платонова) отмечали однозначную прогрессивность выводов Г. А. Бонч-Осмоловского для развития археологической науки в целом и эволюционного направления в антропологии в частности. Редактор посмертно изданной третьей части монографии «Палеолит Крыма», первый биограф Г. А. Бонч-Осмоловского, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова В. В. Бунак (1891-1979) подчеркивал, что Г. А. Бонч-Осмоловский, стремясь наметить общую картину эволюции древних палеолитических орудий, благодаря исследованиям крымских памятников, особое внимание уделял способам изготовления и функциям каменных орудий в жизни людей, сформулировал общую концепцию грота как основного и естественного местопребывания коллективов первобытных людей. Дискуссионными, по мнению В. В. Бунака, являлись предположения Г. А. Бонч-Осмоловского относительно развития кисти руки и стопы древнего человека, что отражало уровень его эволюции от высших приматов. Однако данная дискуссионность выводов могла быть отнесена на счет ограниченности средств и материалов, имевшихся в распоряжении

Г. А. Бонч-Осмоловского при проведении исследований и формулировании выводов [10, с. 391-393]. Доктор исторических наук, член-корреспондент Академии наук УССР С. Н. Бибиков (1908–1988) обращал внимание на полемичность многих положений работ Г. А. Бонч-Осмоловского, прежде всего касавшихся принципов датировки находок в Киик-Кобе, которые имели исключительное значение при оценке места данного памятника в древнейшей истории. Оценивая общее значение работ Г. А. Бонч-Осмоловского, С. Н. Бибиков отмечал значение комплексности исследований ученого, неразрывность археологического контекста с биологическими условиями существования древнего человека, влиянием природного фактора на развитие предков современных людей. Также С. Н. Бибиков проследил судьбу основных положений концепции Г. А. Бонч-Осмоловского в развитии истории науки о древнейшем прошлом человечества. Основной ревизии подверглась датировка найденных в Киик-Кобе останков человека – с периода древнего палеолита данные кости были переведены в период среднего палеолита (эпохи мустье), а останки человека – окончательно отнесены к неандертальскому антропологическому виду. Коррекции подвергся и вывод ученого о слабом развитии охоты среди жителей Киик-Кобы, который был сделан на основании количественного соотношения костей ископаемых животных в нижнем и верхнем слоях грота. Данные поправки, по мнению С. Н. Бибикова, не меняли главного существа открытия в Киик-Кобе, определенные же неточности, потребовавшие корректировки в дальнейшем, исследователь относил на излишнюю увлеченность Г. А. Бонч-Осмоловского (которую отмечали и его сотрудники-современники) общеэволюционными теоретическими построениями [11, с. 279-281]. Подводя итоги, можно сделать вывод о значительности открытия Г. А. Бонч-Осмоловского в контексте комплексных исторических исследований, которые включали в себя скрупулезные археологические, антропологические, геологические, биологические штудии и привели к созданию оригинальной концепции организации жизни первобытных

людей, основные положения которой остаются актуальными и в современных условиях развития исторической науки.

Организатором постоянных комплексных исследований памятников античного и средневекового времени в Севастополе был директор раскопок в Херсонесе, профессор Константин Эдуардович Гриневич (1891–1971). В информационной заметке «Возобновление раскопок в Херсонесе Таврическом (Корсуни – наших древних летописей)», опубликованной в 1926 году, ученый представлял сжатую картину истории древнего города, рассказывал о последовательности его научного изучения с конца XIX в. и до начала Первой мировой войны в 1914 г. К. Э. Гриневич информировал о возобновлении раскопок в совершенно неизученном участке городища – в районе т. н. «Башни Зенона», содержащего слои, насыщенные богатыми археологическими памятниками [12].

В 1926 г. экспедиция под руководством К. Э. Гриневича начала исследования по подтверждению или опровержению предварительных сведений экспедиции 1909–1910 гг. в под руководством Р. Х. Лепера о существовании поселения VII–VI вв. до н. э. на территории Гераклейского полуострова, в районе «Базилики Св. Лаврентия», то есть в центре южной части городища [13]. Согласно стратиграфическому исследованию, возможным представлялось выделить 4 геологических слоя: 1-й – содержал предметы XV–XIX вв.; 2-й относился к X–XI вв.; 3-й – к позднеэллинистическому времени (рубеж эр); 4-й – к IV–II вв. до н. э. [13, л. 1–1 об.]. Автор также дал отдельную характеристику каждому из 6 строительных периодов, в разное время присутствовавших на данной территории: они начинались с III в. до н.э. и сменяли друг друга до конца XIII в., когда средневековый город был окончательно разрушен монголами [13, л. 1 об. – 2 об.]. Главными выводами из раскопок К. Э. Гриневича подтвердили версии К. К. Косцюшко-Валюжинича о существовании на исследуемой территории в X–XII вв. монастыря и опровергли гипотезы Р. Х. Лепера о существовании эллинского поселения на

Гераклейском полуострове в VII–VI вв. до н. э. – оно было основано не ранее III века до н. э., скорее всего, самими жителями Херсонеса [13, л. 3 об.–5].

Продолжением исследований древностей неизученных районов Херсонеса Таврического были раскопки 1927–1928 гг. Отчеты этих экспедиций под руководством К. Э. Гриневича, отложившиеся в фондах Научного архива ИИМК РАН, показывают комплексность задач, сформулированных в начале раскопок [14; 15]. В 1928 г. объектом работ стали остатки масштабного многоуровневого здания, содержавшего 4 культурных слоя (от V в. до н. э. до находок времен Крымской войны 1853–1856 гг.), находившегося на территории бывшего «хутора Бермана», в античное и средневековое время не входившей в городскую черту [15, л. 17–25]. Параллельно К. Э. Гриневич руководил обследованием оборонительных сооружений Херсонеса римского периода (первые века нашей эры), используя при этом материалы работ А. Л. Бертье-Делагарда, как первого серьезного их исследователя [15, л. 27–32]. Последующие исследователи Херсонеса (В. И. Кадеев, В. М. Зубарь, С. Б. Сорочан), проводившие археологические исследования античных и средневековых памятников городища, а также предпринявшие попытки создания очерков истории изучения одного из крупнейших археологических памятников Крыма, отмечали ключевую роль К. Э. Гриневича в возобновлении систематических научных исследований на территории Херсонеса, что позволило создать на территории СССР эталонный памятник греко-римского и византийского периодов. Кроме того, в историографии отдельно подчеркивается исключительная роль К. Э. Гриневича в становлении музея на территории городища, как специализированного профессионального научного учреждения, которое выполняло не только экспозиционную функцию, но и проявило себя как самостоятельный научно-исследовательский центр. Авторы исследований также соглашаются с выводами К. Э. Гриневича, которые он сформулировал относительно предназначения и роли объектов раскопок под его руководством во второй половине 20-х гг. XX вв., эти данные заняли

прочное место в реконструкции истории древнего города и не были опровергнуты или подвержены сомнению [16; 17].

История начала изучения городищ Керченского района в 1927 г. содержится в очерке директора Керченского историко-археологического музея Юлия Юльевича Марти (1874–1959) «Раскопки Керченской экспедиции 1928 года: Предварительное сообщение», написанного на основании отчета, поданного исследователем в ГАИМК, текст которого сохранился в фондах Рукописного отдела Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук [18; 19]. Из группы городищ на бывшей территории европейской части Боспорского царства на Керченском полуострове исследователем выделен Китей. В своем отчете–очерке Ю. Ю. Марти остановился на общей характеристике состояния городища до начала обследования, представил археологический план Китея, уточнил локализацию городища, основываясь на критике сообщений античных авторов и иностранных путешественников конца XVIII – первой половины XIX в. [19, л. 6-7]. Далее ученый подробно описал ход раскопок оборонительных сооружений в 1928 г., позволивший определить время жизни на городище в античную и раннесредневековую эпохи – с V в. до н. э. по V–VI вв. н. э. [19, л. 8-9]. Интересные детали совмещения греческих и варварских (скифо-сарматских) форм погребального обряда представлены в разделе отчета, касавшегося характеристики погребений некрополя Китея [19, л. 9-11]. Также Ю. Ю. Марти в своем очерке опубликовал описание ценной находки из экспедиционных раскопок на горе Митридат в 1928 г. – сохранившийся деревянный детский саркофаг, предположительно созданный в I в. н. э. [19, л. 11-13].

Материалом для организации штудий, посвященных археологическому изучению мусульманских памятников средневековых городов Крыма – Солхата и Бахчисарай - стали результаты экспедиции, организованной Совнаркомом и ЦИКом Крымской АССР в 1925–1926 гг. Ее возглавил профессор Илья Николаевич Бороздин (1883–1959). Отчеты экспедиции составил профессор

Алексей Степанович Башкиров (1885–1963) [20, 21]. В экспедиции принимали участие заведующий художественным отделом ЦМТ, профессор П. И. Голландский (1865–1939) и преподаватель Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе О.-Н. А. Акчокраклы (1879–1938), помошь в проведении экспедиции оказывал Государственный дворец-музей тюрко-татарской культуры в Бахчисарае. Интересы исследователей, согласно отчетам А. С. Башкирова, были сосредоточены на исследовании памятников архитектуры древней столицы крымских татар – Солхата (Старого Крыма). Одним из главных выводов экспедиции стала концепция о значительном влиянии на архитектуру крымских татар в XIV–XVI вв. сельджукского компонента из Малой Азии. А. С. Башкиров выделял это влияние как в памятниках монументального зодчества, так и в деталях декоративной орнаментальной резьбы на каменных сооружениях [20, л. 2-3]. В качестве примера для подтверждения гипотезы приводилось подробное описание солхатской медресе-мечети «времен хана Узбека», датированной 1314 г. Она представляла собой два, тесно связанных между собой, но самостоятельных по назначению, сооружения. Оба имели квадратную форму, помещение мечети в 4 раза превосходило по площади медресе. Мечеть была построена в характерной для сельджуизма манере трехнефного комплекса, с входом в северной стене, михрабом (молитвенной нишей) – в южной, перекрытым плоским потолком. А. С. Башкиров проводил аналогии солхатской мечети Узбека с другими памятниками сельджукской архитектуры Малой Азии и останавливался на общих чертах орнаментации этих памятников [20, л. 4-6]. В заключение, ученый сформулировал основные сходные черты техники строительства солхатской медресе-мечети и сельджукских памятников: использование белого зернистого известняка, как в кладке стен, так и в орнаментации деталей; техника кладки стен массивными блоками (квадрами); полное сходство в проектировании и орнаментации порталов, михраба мечети и надгробий на ее территории [20, л. 11-13].

В отчете 1926 г. А. С. Башкиров предпринял попытку реконструкции первоначального облика исследованного медресе-мечети и привел еще один пример сельджукского влияния в архитектуре – мечеть Куршум-Джами в Старом Крыму, сохранившую основные архитектурные черты сельджукизма, и, вместе с тем, отличавшуюся планировкой от медресе-мечети Узбека [21, л. 27-31]. Значительная часть материалов была посвящена обзору массива солхатских и бахчисарайских надгробий, исследованных экспедицией. Благодаря характерному орнаменту сельджукского происхождения, А. С. Башкиров датировал 10 надгробий XIV–XV вв. [21, л. 42-59].

Таким образом, в течение 1923–1928 гг. сотрудники ГАИМК в рамках экспедиций, организованных центральными государственными памятникоохранительными учреждениями совершили ряд археологических исследований и открытых, позволивших сформулировать значимые концепции в области первобытной, античной и средневековой археологии Крыма. Результаты некоторых полевых исследований предопределили пути развития отдельных отраслей советской археологической науки на последующие десятилетия, дали необходимые материалы для создания широких теоретических выводов. Документальные материалы экспедиций А. С. Башкирова, Г. А. Бонч-Осмоловского, И. Н. Бороздина, К. Э. Гриневича, Ю. Ю. Марти, способствовали становлению советской археологической науки, создавали историографическую основу для последующих исследователей. Однако, в условиях гонений на академическую науку в 30-х гг. XX в., репрессий против ученых (им подверглись А. С. Башкиров, Г. А. Бонч-Осмоловский, И. Н. Бороздин, К. Э. Гриневич) наследие исследователей на долгое время – от одного десятилетия до нескольких – оставалось невостребованным, либо использовалось неполно, а порой и в искаженном виде. Несмотря на это, результаты археологических и памятникovedческих экспедиций под руководством сотрудников ГАИМК в Крыму в 20-е гг. XX в. сыграли значительную роль в дальнейшем развитии археологических исследований в Крыму.

Источники и литература

1. Непомнящий А. А. Історичне кримознавство (кінець XVIII – початок XX століття) : біобібліографічне дослідження / А. А. Непомнящий / Таврійський нац. ун-т ім. В. І. Вернадського. – Сімферополь : Бізнес-Інформ, 2003. – 456 с.
2. Платонова Н. И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века / Н. И. Платонова / РАН ; Ин-т истории материальной культуры. – СПб. : Нестор-История, 2010. – 316 с.
3. Непомнящий А. А. Профессор Николай Эрнст : страницы истории крымского краеведения / А. А. Непомнящий / Таврический нац. ун-т им. В. И. Вернадского. – К. : Стилос, 2012. – 464 с. – (Серия : Биобиблиография крымоведения ; вып. 15).
4. Севастьянов А. В. Десять лет на службе краеведения : Российское общество по изучению Крыма (1922–1932) / А. В. Севастьянов; под ред. А. А. Непомнящего / НАН Украины, УТОПИК; Центр памятниковедения. – К. : Симферополь, 2010. – 255 с. – (Серия : Биобиблиография крымоведения; вып. 13)
5. Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Научный архив, рукописный отдел (ИИМК РАН НА РО), ф. 2, оп. 1 (1923 г.), д. 93, 21 л.
6. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1924 г.), д. 123, 16 л.
7. Бонч-Осмоловский Г. А. Доисторические культуры Крыма / Г. А. Бонч-Осмоловский // Крым. –1926. – № 2. – С. 74–94.
8. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1925 г.), д. 124, 19 л.
9. Бонч-Осмоловский Г. А. Палеолит Крыма: В 3-х вып. – М., Л. : Изд-во АН СССР: Вып. 1 : Гrot Киик-Коба. – 1940. – 226 с.; Вып. 2 : Кисть ископаемого человека из грота Киик-Коба.– 1941.– 172 с.; Вып. 3 : Скелет стопы и голени ископаемого человека из грота Киик-Коба / Г. А. Бонч-Осмоловский; под ред. и доп. В. В. Бунака. – 1954. – 399 с.

10. Бунак В. В. Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский (1890–1943) : биографические сведения и краткий очерк научной деятельности / В. В. Бунак // Палеолит Крыма / Под ред. и доп. В. В. Буняка. – Вып. 3 : Скелет стопы и голени ископаемого человека из грота Киик-Коба. – М., Л. : Изд–во АН СССР, 1954. – С. 388–393.
11. Бибиков С. Н. Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский / С. Н. Бибиков // Советская археология. – 1990. – № 1. – С. 277–283.
12. Гриневич К. Э. Возобновление раскопок в Херсонесе Таврическом: Корсуни – наших древних летописей / К. Э. Гриневич // Крым. – 1926. – № 2. – С. 195–196.
13. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1926 г.), д. 206, 5 л.
14. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1927 г.), д. 209, 68 л.
15. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1928 г.), д. 184, 52 л
16. Кадеев В. И. К 75-летию К. Э. Гриневича / В. И. Кадеев // Советская археология. – 1967. – № 4. – С. 187–189.
17. Сорочан С. Б. Жизнь и гибель Херсонеса / С. Б. Сорочан, В. М. Зубарь, Л. В. Марченко. – Харьков: Майдан, 2001. – С. 42–45.
18. Марти Ю. Ю. Раскопки Керченской экспедиции 1928 года : предварительное сообщение / Ю. Ю. Марти // Крым. – 1929. – № 1 (9). – С. 5–13.
19. ИИМК РАН НА РО, ф. 2 (1929 г.), оп. 1, д. 155, 28 л.
20. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1925 г.), д. 181, 13 л.
21. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1926 г.), д. 179, 97 л.

В статті на підставі аналізу масиву наукових публікацій співробітників Державної академії історії матеріальної культури відтворюється активний дослідницький процес вивчення історії матеріальної культури та охорони пам'яток у Кримській АСРР у 20-тих рр. ХХ ст. Репрезентується оцінка наукової спадщини О. С. Башкірова, Г. А. Бонч-Осмоловського, І. М. Бороздіна, К. Е. Гриневича, Ю. Ю. Марти.

Ключові слова: Державна академія історії матеріальної культури, археологія, пам'ятки, О. С. Башкіров, Г. А. Бонч-Осмоловський, І. М. Бороздін, К. Е. Гриневич, Ю. Ю. Марти.

On the basis of the analysis of the array of scientific publications of the State Academy of History of Material Culture recreated active research process of studying the history of material culture and the protection of monuments in the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic in the 20-ies XX century. An assessment of the scientific heritage of A. S. Bashkirov, G. A. Bonch-Osmolovsky, I. N. Borozdin, K. E. Grinevitch, J. J. Marti.

Key words: State Academy of History of Material Culture, archeology, monuments, A. S. Bashkirov, G. A. Bonch-Osmolovsky, I. N. Borozdin, K. E. Grinevitch, J. J. Marti.

УДК: 930.2

О. К. Шевченко

**Количественный метод в историографии:
к вопросу о двух «Ливадийских» симпозиумах 1995 и 2000 годов,
посвященных Ялтинской конференции**

В статье исследуются вопросы применения статистических данных в историографии. Примером положительного использования количественных данных в историографии выступает анализ двух сборников о Крымской конференции, выпущенных в 1996 и 2001 гг. Статья богата цифрами, диаграммами и фактами.

Ключевые слова: историография, Крымская конференция, статистика.

Актуальность. В современной историографии назрел вопрос о кардинальной смене исследовательских парадигм. Во многом это касается если не анализа, то уж во всяком случае, обработки данных. Отчасти, это связано с интенсивной публикацией новых работ по истории, обобщать которые становится делом крайне трудным, а с точки зрения потери времени – затратным. Одним из способов профилактики складывающейся ситуации является количественный метод первичной обработки информации. Речь идет о широком введении в историографические штудии принципов цифровых классификаций, диаграмм и электронных статистических программ анализа. Однако вопрос упирается в сложнейшую проблему: «Возможно ли разработать универсальную систему цифрового кадастра исторических работ, гипотез, теорий, персоналий...?». В данной статье будет предложен принцип обобщения историографической информации на примере анализа двух сборников, посвященных Крымской (Ялтинской) конференции 1945 г.

Объект: историография Крымской конференции 1945 г.

Предмет: количественный анализ двух сборников тезисов и статей, посвященных Крымской конференции.

Предшественники. Среди специалистов, изучающих количественные методы в историческом познании можно выделить такие персоналии как

А. В. Карагодин,   О. С. Петрова,   Н. Б. Селунская,   И. М. Гарскова,
В. К. Криворученко. Однако, при всем богатстве традиций данного направления исторических усилий, отсутствуют работы с комплексным количественным анализом именно историографического среза исторической науки в контексте Крымской конференции 1945 г.

В работе над созданием матрицы историографических данных автор столкнулся с проблемой формализации источников. После ряда экспериментов и публикаций была принята следующая схема.

Каждый источник анализируется по следующим параметрам:

1. *Классификация работы* (научные тезисы, научная статья, научно-популярная статья)
2. *Город*, где автор создавал работу.
3. *Год публикации*.
4. *Стратегическая задача публикации* (описание, аналитика, краеведение, публикация новых архивных материалов или мемуаров).
5. *Главенствующий блок интересов* (военные, политические, экономические, психологические, территориальные, идеологические, общеметодологические, юридические и др.).
6. *Основополагающий предмет работы* (в диапазоне от германского вопроса до советско-американских отношений).

Каждый параметр получил свою цифро-буквенную атрибуцию, которая представлена в таблице 1.

Таблица 1

Цифро-буквенная атрибуция параметров историографического анализа

А – Классификация работы	Б - город.	В – Стратегическая задача публикации	Г– Главенствующий блок интересов	Д - Основополагающий предмет
Диссертация – 1	Москва – 1	Опис. события – 1	Воен. – 1	Польский вопрос -1
Тезисы – 2	Симферополь – 2	Аналитит. – 2	Полит. – 2	Германский вопрос - 2
Статья – 3	Ялта-3	Краевед. – 3	Экон. – 3	Репатриация - 3
Н/поп. статья - 4	Киев – 4	Нов. арх., мем. данные – 4	Психол. – 4	ООН - 4
Брошюра – 5	Севастополь- 5		Террит. – 5	Общий вопрос - 5
Монография – 6	Электросталь – 6		Идеол. -6	Территориальные изменения (общий вопрос). – 6
	Днепропетровск – 7		Общемет. - 7	Охрана и микроистория - 7
	Феодосия – 8		Общественное мнение - 8	Иран - 8
	Минск – 9		Право - 9	Япония - 9
	Одесса – 10			Территориальные изменения Китай, Монголия -10
	Красноперекопск – 11			Китай общий -11
				Украинский вопрос - 12
				Брит.полит. Британцы -13
				Амер. Полит. Америк. -14
				Британо-америк. Полит. -15
				Совет. Полит. -16
				Совет-брит. Полит амер. -17
				Воиннопленные-18

Первый сборник, который мы подвергнем анализу, был выпущен в 1996 г. и является текстуальным отображением большого симпозиума, проведенного в Ливадийском дворце-музее 5-11 февраля 1995 г. [17]. Всего сборник насчитывает 38 текстов. ЯК* посвящено 24 текста [1-4, 6, 7, 9, 11-13, 15, 18, 19, 21, 23, 25-33], из них перву крымчан принадлежит 9 материалов [1, 2, 7, 13, 25, 26, 28, 31, 33].

География авторов хорошо видна в таблице 2 и на рисунке 1.

Таблица 2

География авторов сборника 1996 года

Ялта	2
Симферополь	7
Днепропетровск	7
Одесса	1
Киев	3
Минск	1
Москва	1

* Под аббревиатурой «ЯК» подразумевается Крымская (Ялтинская) конференция 1945 г.

Рис. 1. География авторов сборника 1996 г.

В своем полном воплощении матрица сборника представлена в таблице 3.

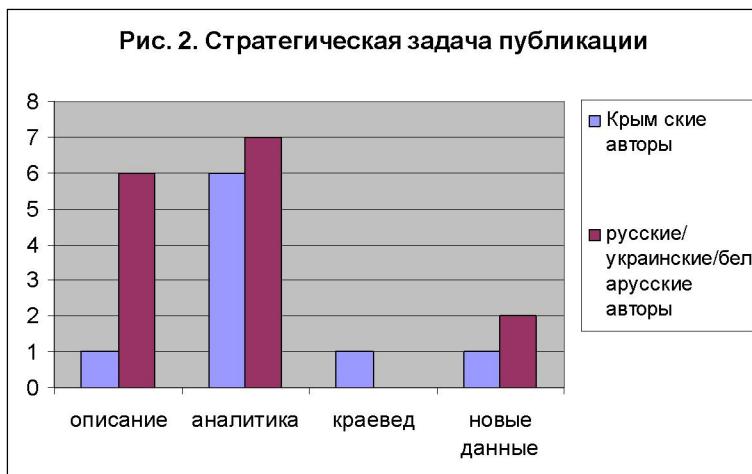
Таблица 3

Матрица публикаций сборника 1996 г.

№	Фамилия автора	А	Б	Год	В	Г	Д
1.	Акулов*	2	2	1996	4	7	7
2.	Вакушин	2		1996	2	2	18
3.	Гусев, Родный	2	7	1996	4	7	7
4.	Завгородный	2	2	1996	2	2	14
5.	Иваненко, Голуб	2	7	1996	2	1	5
6.	Коваленя	3	9	1996	1	2	12
7.	Кондратюк	2	10	1996	1	9	12
8.	Левашов	2	4	1996	2	3	5
9.	Марков	2	7	1996	2	2	2
10.	Мирончук	2	7	1996	1	2	12
11.	Никонов	2	1	1996	1	7	5
12.	Бережинский	2	4	1996	1	1	5
13.	Омельчук	2	2	1996	2	2	2
14.	Пальчикова	3	3	1996	3	7	13
15.	Пахарев	2	4	1996	2	1	15
16.	Слесаренко	2	7	1996	1	9	12
17.	Снапковский	2	9	1996	1	9	4
18.	Федунов	2	2	1996	1	1	7
19.	Чукаева	2	7	1996	4	2	14
20.	Белый	2	2	1996	2	6	5
21.	Калашников	2	7	1996	2	9	5
22.	Кожекин	2	2	1996	2	2	5
23.	Синица		2	1996	2	2	5
24.	Юрченко	3	3	1996	2	2	5

* По фамилии автора анализируемый текст можно найти в списке использованной литературы

Довольно любопытные результаты показывает графа «В», особенно в сравнительном анализе работ (данные представлены в количестве работ, по вертикальной шкале данных).

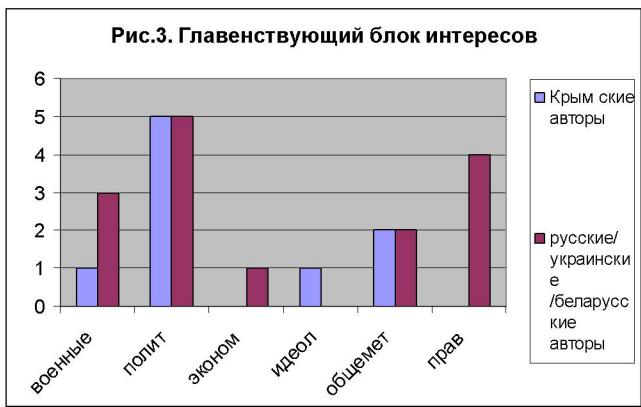
Рис. 2. Стратегическая задача публикации

В сборнике крымчане представили своеобразие тематики, о чём свидетельствует приведенная ниже таблица.

Таблица 4
Тематика публикаций в сборнике 1996 г.

НАПРАВЛЕНИЕ	военные	полит	эконом	идеол	спец	прав
Крымские авторы	1	5			1	2
Русские/украинские авторы	3	5	1		2	4
ВСЕГО	4	10	1	1	4	4

В отличие от других регионов больше половины материалов крымских авторов посвящены политике и специальным исследованиям (краеведению, публикации архивов, музейное дело и т.д.) Это отчетливо видно на рис. 3.

Рис. 3. Тематика публикаций в сборнике 1996 г.

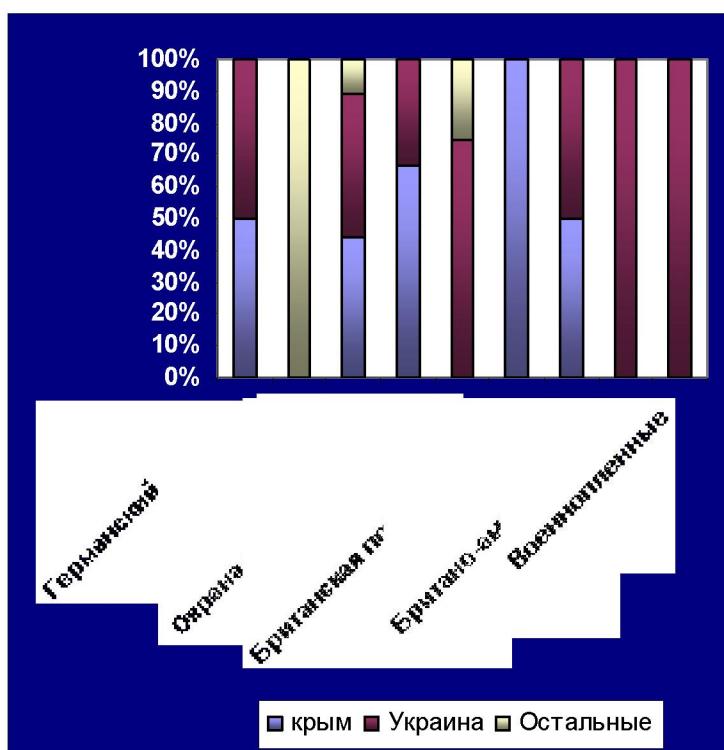
Однако анализ конкретики несколько разочаровывает. Максимальное число исследователей (как крымских та и иных) обратилось к общему вопросу. На втором месте идет микроистория. Единственное резкое отличие - это отсутствие интереса к «Украинскому вопросу», как отличительной черты исключительно историографии ЯК континентальной части Украины. Довольно любопытно, что интерес к британцам проявили именно крымчане (впоследствии это будет наблюдаться в серии работ О. А. Шамрина).

Таблица 5

Конкретный предмет исследования авторов сборника 1996 года

Основополагающий предмет работы	Крымские авторы	Украинские авторы	Русские/белорусские авторы	ИТОГО
Германский вопрос	1	1		2
ООН			1	1
Общий вопрос	4	4	1	9
Охрана и микроистория	2	1		3
Украинский вопрос		3	1	4
Британская полит., британцы	1			1
Американ полит	1	1		2
Британо-америк. Полит		1		1
Военнопленные		1		1
ВСЕГО	9	12	3	24

Нагляднее ситуация выглядит на диаграмме

Рис. 4. Конкретный предмет исследования авторов сборника 1996 г.

Сборник зафиксировал и отчетливо продемонстрировал, что в Крыму живут и работают исследователи весьма высокого уровня, которые активно интересуются ЯК. И речь идет не просто о краеведах или любителях. Имеются в виду, серьезные ученые с готовыми и продуманными разработками. На фоне других авторов крымчане смотрятся увереннее и презентабельнее. Если говорить в целом, то симпозиум, посвященный Ялтинским встречам, выявил серьезный интерес именно к общим вопросам конференции 1945 г. и обострил внимание украинской проблемы, связанной с западными границами и участием в ООН. Но эта ситуация явила лишь единичным фактом в историографии ЯК, так и не превратившаяся в устойчивую тенденцию. Уже вторая масштабная конференция, проведенная спустя 5 лет теми же самыми организаторами четко продемонстрировала «текучесть» историографии ЯК, если не сказать эффект «мерцания» в научных интересах и предпочтениях.

Обратимся к фактам. В 2000 г. прошла большая конференция, инициированная В. П. Казарином, «Ялта 1945-2000: Проблемы международной безопасности

на пороге нового столетия: Междунар. Науч. Симпозиум (4-7 февраля 2000 г. Ялта). А в 2001 г. вышел сборник, посвященный этому мероприятию [35]. В количественном отношении конференция нисколько не уступает «титльному» симпозиуму 1996 г.

Так, всего опубликовано 47 текстов. Но событиям ЯК посвящено всего – 9 материалов [5, 8, 10, 14, 16, 20, 22, 24, 34]. Несомненно, это связано с акцентуацией на новое столетие и политологический дискурс... Но ведь Ялта-45 значится в названии конференции, в ее регламенте и прокламациях. Тем не менее, историков присутствовало мизерное количество. На этом фоне парадоксальным выглядит факт значительного объема текстов именно историков по сравнению с иными публикациями сборника. Из 377 страниц истории ЯК посвящена 81. Таким образом, 10% текстов занимают более 20% объема книжки.

При этом в 1996 г. соотношение по тем же параметрам являло собой такую картину: 63% к 49%. То есть количество докладов уступало их объему. Факт, нуждающийся в объяснении и осмыслении, однако, несколько уводящий нас от генеральной линии статьи.

В цифровом отображении второй сборник выглядит следующим образом:

Таблица 6

Матрица публикаций сборника 2000 года

Фамилия автора	А	Б	Год	В	Г	Д
Юрченко	3	3	2001	2	2	5
Кокурин	3	6	2001	4	1	7
Кружко	3	11	2001	4	1	7
Гусев	2	7	2001	4	7	5
Омельчук	4	2	2001	1	2	5
Зазвонов	3	8	2001	3	7	7
Меламед	3	5	2001	3	7	7
Иванов	3	5	2001	3	7	7
Морозов	3	1	2001	2	2	5

В 2001 г. несколько беднее была представлена география участников. В частности, не было представителей Беларуси. Одесса, Киев и некоторые другие города вообще не были заявлены. По сути, от городов участвовало по одному специалисту (кроме Севастополя). Однако, география крымских участников значительно расширилась. В то же время, на конференции не было представителей украинских регионов (кроме одного автора из Днепропетровска).

В содержательной части также произошли значительные изменения. Основная масса докладов (пять из девяти) были посвящены вопросам микроистории и, в частности, охране конференции. Лишь два доклада имели общий характер. Краеведение и политика абсолютно доминировали – семь докладов из девяти.

Вывод. Представленный анализ двух сборников говорит о значительном изменении сферы интересов исследователей Крымской конференции, о структурной перестройке их концепций и стратегем. Как представляется, сборник 1996 г. завершил этап советских подходов к изучению ЯК. Об этом говорит тематика работ, их лексика, логическое обеспечение, общеметодологические подходы. 2001 год продемонстрировал рождение принципиально новой исследовательской практики, где доминирующим ориентиром являлся не общий анализ конференции на фоне идеологических реалий, а четкий вектор на выявление политических аспектов проблемы при тщательном изучении актов микроистории.

Другим важным фактором историографии ЯК явилось то, что в 2001 г. был зафиксирован случай радикального сужения географии специалистов-«ялтинцев». По сути, сборник 2001 г.- это сборник крымский. Широкие исследовательские круги России или Белоруссии в нем не были заявлены. В 2001 г. интерес к Ялтинской конференции из среды историков перешел к политологам и, отчасти, философам.

Источники и литература

1. Акулов М. Р. Восстановительные работы по подготовке Ялтинской конференции / М. Р. Акулов // Крымская (Ялтинская) конференция 1945 года: уроки и перспективы: Материалы междунар. науч. симпозиума (Ялта, 5-11 февраля 1995). – Симферополь : Крымский архив, 1996. – С. 5-7.
2. Белый Л. К. Крымская (Ялтинская) конференция как политический пролог гуманитарного прогресса во второй половине XX века / Л. К. Белый // Крымская (Ялтинская) конференция 1945 года: уроки и перспективы: Материалы междунар. науч. симпозиума (Ялта, 5-11 февраля 1995). – Симферополь: Крымский архив, 1996. – С. 101-104.
3. Бережинский В. С. Военные решения Крымской конференции / В. С. Бережинский // Крымская (Ялтинская) конференция 1945 года: уроки и перспективы: Материалы междунар. науч. симпозиума (Ялта, 5-11 февраля 1995). – Симферополь: Крымский архив, 1996. – С. 17-22
4. Вакушин В. И. Реализация решений Ялтинской конференции руководителей стран антигитлеровской коалиции в Потсдаме о судьбе главных военных преступников фашистской Германии / В. И. Вакушин // Крымская (Ялтинская) конференция 1945 года: уроки и перспективы: Материалы междунар. науч. Симпозиума (Ялта, 5-11 февраля 1995). – Симферополь: Крымский архив, 1996. – С. 13-17.
5. Гусев В. А., Мирончук В. Д. Мемуары В. М. Бережкова как источник сведений о Крымской (Ялтинской) конференции / В. А. Гусев, В. Д. Мирончук // Ялта 1945-2000: Проблемы международной безопасности на пороге нового столетия: Материалы междунар. науч. симпозиума (Ялта, 4-7 февраля 2000). – Симферополь, 2001. – С. 131-133.
6. Гусев В. А., Родный О. В. Свидетельства участника и очевидца (События Крымской конференции в мемуарах И. М. Майского) / В. А. Гусев, О. В. Родный // Крымская (Ялтинская) конференция 1945 года: уроки и

- перспективы: Материалы междунар. науч. симпозиума (Ялта, 5-11 февраля 1995) – Симферополь: Крымский архив, 1996. – С. 22-25.
7. Завгородний В. В. К вопросу о взглядах Ф. Рузвельта на послевоенное устройство колоний (Ялтинская конференция, 1945 год) / В. В. Завгородний // Крымская (Ялтинская) конференция 1945 года: уроки и перспективы: Материалы междунар. науч. симпозиума (Ялта, 5-11 февраля 1995). – Симферополь: Крымский архив, 1996. – С. 25-28.
8. Зазвонов И. В. Воспоминания солдата, принимавшего участие в хозяйственной подготовке конференции и охране делегатов Великобритании / И. В. Зазвонов // Ялта 1945-2000: Проблемы международной безопасности на пороге нового столетия: Материалы междунар. науч. симпозиума (Ялта, 4-7 фев. 2000). – Симферополь, 2001. – С. 152-161.
9. Иваненко В. В., Голуб А. И. Ялтинская конференция в контексте завершения Второй мировой войны / В. В. Иваненко, А. И. Голуб // Крымская (Ялтинская) конференция 1945 года: уроки и перспективы: Материалы междунар. науч. симпозиума (Ялта, 5-11 февраля 1995). – Симферополь: Крымский архив, 1996. – С. 28-31.
10. Иванов В. Военно-историческое прошлое Севастополя как инструмент открытой политики Украины. Севастопольские странички Ялтинской конференции / В. Иванов // Ялта 1945-2000: Проблемы международной безопасности на пороге нового столетия: Материалы междунар. науч. симпозиума (Ялта, 4-7 фев. 2000). – Симферополь, 2001. – С. 172-188.
11. Калашников В. М. Крымская (Ялтинская) конференция 1945 года и система основных принципов международного публичного права: уроки и перспективы / В. М. Калашников // Крымская (Ялтинская) конференция 1945 года: уроки и перспективы: Материалы междунар. науч. симпозиума (Ялта, 5-11 февраля 1995). – Симферополь: Крымский архив, 1996. – С. 108-114.

12. Коваленя А. А. Проблема западных границ СССР в решениях Крымской конференции / А. А. Коваленя // Крымская (Ялтинская) конференция 1945 года: уроки и перспективы: Материалы междунар. науч. симпозиума (Ялта, 5-11 февраля 1995). – Симферополь: Крымский архив, 1996. – С. 31-39.
13. Кожекин А. Г. Вена 1815 — Ялта 1945: итоги и последствия / А. Г. Кожекин // Крымская (Ялтинская) конференция 1945 года: уроки и перспективы: Материалы междунар. науч. симпозиума (Ялта, 5-11 февраля 1995). – Симферополь: Крымский архив, 1996. – С. 114-116.
14. Кокурин А. И. Охрана и хозяйственное обслуживание Ялтинской конференции руководителей СССР, США и Англии / А. И. Кокурин // Ялта 1945-2000: Проблемы международной безопасности на пороге нового столетия : Материалы междунар. науч. симпозиума (Ялта, 4-7 фев. 2000). – Симферополь, 2001. – С. 121-131.
15. Кондратюк И. И. Ялтинская конференция и вхождение Украины в международное сообщество / И. И. Кондратюк // Крымская (Ялтинская) конференция 1945 года: уроки и перспективы: Материалы междунар. науч. симпозиума (Ялта, 5-11 февраля 1995). – Симферополь: Крымский архив, 1996. – С. 39-41.
16. Кружко Л. П. Один из многочисленных путей к Крымской конференции 1945 года лежал и через Сиваш / Л. П. Кружко // Ялта 1945-2000: Проблемы международной безопасности на пороге нового столетия : Материалы междунар. науч. симпозиума (Ялта, 4-7 фев. 2000). – Симферополь, 2001. – С. 88-94.
17. Крымская (Ялтинская) конференция 1945 года: Уроки и перспективы: материалы Международ. науч. симпозиума (Ялта, 5-11 фев. 1995). – Симферополь: Крымский архив, 1996. – 158 с.
18. Левашов П. С. Об экономическом сотрудничестве СССР и США в период подготовки к Ялтинской конференции / П. С. Левашов // Крымская (Ялтинская) конференция 1945 года: уроки и перспективы: Материалы

- междунар. науч. симпозиума (Ялта, 5-11 февраля 1995) . – Симферополь: Крымский архив, 1996. – С. 41-44.
19. Марков К. А. Крымская конференция и проблема переселения немцев / К. А. Марков // Крымская (Ялтинская) конференция 1945 года: уроки и перспективы: Материалы междунар. науч. симпозиума (Ялта, 5-11 февраля 1995) . – Симферополь: Крымский архив, 1996. – С. 51-54.
20. Меламед Ц. А. О работе узла связи, обслуживающего перелеты участников Крымской конференции / Ц. А. Меламед // Ялта 1945-2000: Проблемы международной безопасности на пороге нового столетия: Материалы междунар. науч. симпозиума (Ялта, 4-7 фев. 2000). – Симферополь, 2001. – С. 161-172.
21. Мирончук В. Д. Участие Украины в создании Организации Объединенных Наций / В. Д. Мирончук // Крымская (Ялтинская) конференция 1945 года: уроки и перспективы: Материалы междунар. науч. симпозиума (Ялта, 5-11 февраля 1995). – Симферополь: Крымский архив, 1996. – С. 54-55.
22. Морозов Е. Ф. Ялтинская конференция как показатель точки бифуркации Кондратьевского цикла / Е. Ф. Морозов // Ялта 1945-2000: Проблемы международной безопасности на пороге нового столетия: Материалы междунар. науч. симпозиума (Ялта, 4-7 фев. 2000). – Симферополь, 2001. – С.322-333
23. Никонов А. К. Международные аспекты музейного дела в свете 50-летия Крымской конференции / А. К. Никонов // Крымская (Ялтинская) конференция 1945 года: уроки и перспективы: Материалы междунар. науч. симпозиума (Ялта, 5-11 февраля 1995). – Симферополь: Крымский архив, 1996. – С. 55-57.
24. Омельчук Д. В. Ялтинская конференция: планы сторон / Д. В. Омельчук // Ялта 1945-2000: Проблемы международной безопасности на пороге нового столетия: Материалы междунар. науч. симпозиума (Ялта, 4-7 фев. 2000). – Симферополь, 2001. – С. 133-142.

25. Омельчук Д. В. Ялтинская конференция и проблема наказания военных преступников / Д. В. Омельчук // Крымская (Ялтинская) конференция 1945 года: уроки и перспективы: Материалы междунар. науч. симпозиума (Ялта, 5-11 февраля 1995). – Симферополь: Крымский архив, 1996. – С. 57-60.
26. Пальчикова А. П. У. Черчилль в Алупкинском дворце / А. П. Пальчикова // Крымская (Ялтинская) конференция 1945 года: уроки и перспективы: Материалы междунар. науч. симпозиума (Ялта, 5-11 февраля 1995). – Симферополь: Крымский архив, 1996. – С. 60-66.
27. Пахарев А. Д. К вопросу об оценке успехов Советской Армии лидерами США и Великобритании на Крымской конференции / А. Д. Пахарев // Крымская (Ялтинская) конференция 1945 года: уроки и перспективы: Материалы междунар. науч. симпозиума (Ялта, 5-11 февраля 1995). – Симферополь: Крымский архив, 1996. – С. 67-69.
28. Синица Д. А. Конец Ялтинской системы: аксиологический аспект / Д. А. Синица // Крымская (Ялтинская) конференция 1945 года: уроки и перспективы: Материалы междунар. науч. симпозиума (Ялта, 5-11 февраля 1995). – Симферополь: Крымский архив, 1996. – С. 147-151.
29. Слесаренко А. Н. Ялтинская конференция и проблема признания Украины субъектом международного права / А. Н. Слесаренко // Крымская (Ялтинская) конференция 1945 года: уроки и перспективы: Материалы междунар. науч. симпозиума (Ялта, 5-11 февраля 1995). – Симферополь: Крымский архив, 1996. – С. 69-72
30. Снапковский В. Е., Елисеев М. Г. Ялтинская конференция и Белоруссия / В. Е. Снапковский, М. Г. Елисеев // Крымская (Ялтинская) конференция 1945 года: уроки и перспективы: Материалы междунар. науч. симпозиума (Ялта, 5-11 февраля 1995). – Симферополь: Крымский архив, 1996. – С. 72-77
31. Федунов В. В. К вопросу об обсуждении военных проблем на первом заседании Крымской (Ялтинской) конференции 4 февраля 1945 года /

- В. В. Федунов // Крымская (Ялтинская) конференция 1945 года: уроки и перспективы: Материалы междунар. науч. симпозиума (Ялта, 5-11 февраля 1995). – Симферополь: Крымский архив, 1996. – С. 77-79.
32. Чукаева В. А. Ялтинский саммит в воспоминаниях Эллиота Рузвельта / В. А. Чукаева // Крымская (Ялтинская) конференция 1945 года: уроки и перспективы: Материалы междунар. науч. симпозиума (Ялта, 5-11 февраля 1995). – Симферополь: Крымский архив, 1996. – С. 81-83.
33. Юрченко С. В. К вопросу об эволюции антигитлеровской коалиции 1941-1945 годов / С. В. Юрченко // Крымская (Ялтинская) конференция 1945 года: уроки и перспективы: Материалы междунар. науч. симпозиума (Ялта, 5-11 февраля 1995). – Симферополь: Крымский архив, 1996. – С. 83-87.
34. Юрченко С. В. Пять уроков геополитики: из дискуссий «большой тройки» на Ялтинской конференции 1945 года / С. В. Юрченко // Ялта 1945-2000: Проблемы международной безопасности на пороге нового столетия: Междунар. науч. симпозиум (Ялта, 4-7 февраля 2000). – Симферополь: Крымский архив, 2001. – С. 142-151.
35. Ялта 1945-2000: Проблемы международной безопасности на пороге нового столетия: материалы Междунар. науч. симп. (Ялта, 4-7 февр. 2000). – Симферополь: Крымский архив, 2001. – 383 с.

У статті досліджуються питання застосування статистичних даних в історіографії. Прикладом позитивного використання кількісних даних в історіографії виступає аналіз двох збірок що до Кримської конференції, випущених в 1996 і 2001 рр. Стаття багата цифрами, діаграмами і фактами.

Ключові слова: історіографія, Кримська конференція, статистика.

This article investigates the application of statistics in the historiography. An example of the positive use of quantitative data analysis appears in the historiography of two books about the Yalta Conference issued in 1996 and 2001. Article is rich in figures, charts and facts. Paying special attention to comparative analysis and transformation of quantitative analysis in the analysis of the facts.

Key words: historiography, the Crimean conference statistics.

А. А. Шелягова

Симферопольская частная мужская гимназия

Е. И. Свищева: ретроспективный анализ

В статье рассматривается процесс становления и развития Симферопольской частной мужской гимназии Е. Свищева в XIX – начале XX вв. Анализируется состав учащихся по сословиям и вероисповеданиям, педагогический персонал, программы преподавания, специфика учебно-воспитательной деятельности и источники существования частной мужской гимназии.

Ключевые слова: гимназическое образование, гимназии, Крымский регион, Симферопольская частная мужская гимназия Е. Свищева.

Постановка проблемы. В связи с развитием независимого украинского государства особо важное значение приобретает исследование актуальных аспектов исторического опыта системы образования. Именно поэтому важным является анализ процесса становления и развития гимназического образования в Крыму в XIX – начале XX вв. с целью использования опыта педагогических достижений этого периода в подготовке подрастающего поколения к жизни в современной Украине и в поликультурном Крыму. Актуальность данной тематики обусловлена также тем, что в последние годы в стране происходит возрождение и обновление гимназий как учебных заведений.

Анализ последних исследований и публикаций. Сегодня проблема гимназического образования является чрезвычайно актуальной. Так, в работах А. Глузмана, О. Гривы, Н. Дундук, Л. Маршалла, Л. Москаленко, Л. Моисеенковой, О. Новиковой, А. Попова, Д. Прохорова, Л. Редькиной, Т. Шушары представлен ретроспективный анализ становления и развития системы общего среднего образования в Крыму. Новый опыт работы гимназий в регионе раскрывают руководители этих учебных заведений: В. Горюшкин, И. Ковалёв, П. Павленко, Н. Руденко и др.

Вместе с тем, анализ проблематики этих исследований даёт право утверждать, что они не достаточно раскрывают проблемы становления и развитие крымских гимназий XIX – начала XX вв. на региональном уровне.

Цель статьи – анализ деятельности Симферопольской частной мужской гимназии, учрежденной Е. Свищевым в XIX – начале XX вв., с целью дальнейшего усовершенствования системы современного общего среднего образования.

Изложение основного материала исследования. К началу XX в. в городе Симферополе, согласно предложению Министерства народного просвещения № 26412 от 19 ноября 1907 г., Евгению Ивановичу Свищеву разрешили учредить частную четырёхклассную прогимназию с правами для учащихся.

В результате исследования установлено, что 7 января 1908 г. прогимназия была открыта в составе первых двух классов и располагалась на улице Екатерининской в доме Хаджи [2, л. 43]. В этом же году последовало открытие третьего класса, а в 1909 г. – четвертого [4, л. 85]. При прогимназии был создан пансион, плата за содержание в котором составляла 450 рублей в год (в эту сумму включалась и плата за право обучения). Воспитанники пансиона получали пищу, белье, одежду, обувь и учебные пособия [1, л. 46].

По данным отчетов о состоянии гимназии, общее число воспитанников гимназии составляло: в 1908 г. – 32 учащихся, в 1909 – 59, 1910 – 113, 1911 – 136, 1913 – 127, 1914 – 213 и в 1915 – 229 учащихся.

Преподавание в гимназии осуществлялось по программам, принятым в Симферопольской казенной мужской гимназии: закон Божий, математика, история, география, естественная история, русский язык и словесность, латинский, французский, немецкий языки, рисование и чистописание [1, л. 50–51]. Педагогический персонал был сформирован из преподавателей казенных учебных заведений города Симферополя и состоял из 17 лиц: 1 законоучитель, 2 вероучителя, 10 преподавателей наук и языков, 2 учителя искусств и 2 помощника классных наставников [2, л. 122]. Это были И. Родников, П. Пятковский, И. Оболенский, М. Смирнов, И. Ерофеев, И. Грищинский,

Р. Глауберг, А. Зайцева, Н. Смирнов, М. Эфенди, А. Тырмос, П. Попов [2, л. 85–87].

В послеобеденное время проводились занятия по музыке, пению и танцам. При прогимназии были созданы духовой оркестр из 18 воспитанников и церковный хор из 22 лиц. Преподавателями прогимназии организовывались экскурсии в местные музеи, на фабрики и заводы, а в праздничные дни – в близлежащие города Крымского полуострова: Бахчисарай, Севастополь, Ливадию, в каникулярное время – в более отдаленные места [2, л. 44–45]. При гимназии проектировалось учреждение «Общества образовательных экскурсий», устав которого был представлен на утверждение Попечителю Одесского учебного округа [4, л. 4]. Симферопольская мужская частная прогимназия Е. Свищева играла заметную роль в культурной жизни города, организовывая различные мероприятия. Так, 29 ноября 1909 г. здесь состоялось «Литературное утро» в память Полтавской победы, была устроена выставка в память 1812 г. [1, л. 85].

Наряду с учебой и развитием интеллекта учеников, в гимназии много времени отводилось физическому воспитанию учащихся. Занятия гимнастикой проводились офицером Козинцевым по военно-сокольской системе, состоящей из следующих упражнений: строевых, со снарядами, боевых, а также групповых и массовых [2, л. 46]. 28 июля 1911 г. государем Императором был произведен осмотр гимназии и обращено особое внимание на «блестящие результаты обучения детей военному строю и гимнастическим занятиям, на бодрый и здоровый вид юных отрядов, вполне усвоивших военную дисциплину» [2, л. 83].

Директором народных училищ на основе предложения Управления Одесского учебного округа № 40528 от 14 декабря 1909 г. для частных гимназий были установлены следующие экзамены: по новым языкам – для четырехклассных частных гимназий и реальных училищ с правами для учащихся; по двум новым языкам – для шести и восьмиклассных частных гимназий [1, л. 98].

В 1909 г. учредителем гимназии Е. И. Свищевым был подготовлен доклад «О содействии татарам к получению среднего образования», который был зачитан в особой комиссии при Ялтинской уездной земской управе, после чего при прогимназии открылся интернат для детей татар и подготовлены сметы на его содержание. Основная цель учреждаемого интерната заключалась в подготовке татарских детей, без различия сословий, в возрасте от 8 до 12 лет, к поступлению в приготовительный и первый классы средних учебных заведений (в том числе и гимназий) и предоставлении им «надлежащих познаний татарского языка и магометанского вероучения» [1, л. 35–39].

По данным «Справочной книги по г. Симферополю 1911 года», в прогимназии курс обучения составлял четыре года, плата за учение – 100 рублей, и всего насчитывалось 136 учащихся, которые пользовались всеми правами, что и в казенных учебных заведениях. Учредителем и заведующим прогимназии являлся надворный советник Евгений Иванович Свищев, одновременно преподававший географию [10, с. 96]. Е. Свищев окончил полный курс наук в Императорском Московском археологическом институте по специальности история и география со званием домашнего учителя. Он также являлся почетным членом Керченского городского попечительства о детских приютах ведомства Императрицы Марии. На основе материалов экскурсий Свищевым был написан ряд работ по археологии [9, с. 114-116].

В 1910 – 1911 гг. плата за учение в гимназии составила 12500 руб., из которых было израсходовано на выдачу вознаграждения личному составу – 7972 руб. 50 коп.; наем помещения – 1700 руб.; жалованье низшим служителям – 624 руб.; приобретение классной мебели, учебных пособий и гимнастических приборов – 1230 руб.; устройство литературных чтений и образовательных программ – 180 руб.; вознаграждение врачу за обследование учащихся – 40 руб.; отопление, освещение и содержание дома в чистоте – 475 руб.; оплату за пользование телефонным сообщением – 75 руб.; ремонт помещения – 80 руб.; канцелярские принадлежности и почтовые расходы – 60 руб. и прочие мелкие расходы – 63 руб. 50 коп. Первые три года своего существования прогимназия

испытывала материальные затруднения, но при этом она не обращалась ни в одно из местных обществ или учреждений с просьбами о субсидиях и таковыми не пользовалась [2, л. 44].

В июне 1911 г. состоялся первый выпуск 14 воспитанников, показавших удовлетворительные познания в курсе первых четырех классов Симферопольской мужской частной прогимназии [2, л. 68]. В связи с переполненностью учащимися старших классов казенных учебных заведений Симферополя и других городов Таврической губернии, в декабре этого же года Е. Свищев ходатайствует перед Министром народного просвещения об открытии в текущем году при учрежденной прогимназии пятого класса [2, л. 118–123].

В результате исследования установлено, что 13 февраля 1913 г., на основе предложения Министерства народного просвещения № 4583 от 31 января 1913 г., прогимназия была преобразована в частное учебное заведение первого разряда с присвоением ему наименования частной гимназии, после окончания которой учащиеся получали право поступления в университет, но при соблюдении определенных условий: 1) учебные программы должны были быть не ниже программ соответствующих классов правительственные мужских гимназий; 2) испытания должны были проводиться в присутствии и под наблюдением депутата от учебного округа; 3) число учеников в классе не должно было превышать 40; 4) прием лиц иудейского исповедания должен был быть ограничен нормой (15%), установленной для правительственные учебных заведений. После преобразования гимназию предполагалось перевести в новый город в специально построенное здание. Однако она была перенесена на улицу Дворянскую, в дом № 12, который был приспособлен для учебных целей «насколько это оказалось возможным» [4, л. 3].

С 1915-1916 учебного года Е. Свищеву разрешено открыть полноправную мужскую гимназию в составе восьми классов, и он же назначен исполняющим обязанности директора данной гимназии. Учебное заведение стало называться – Симферопольская мужская гимназия, учрежденная Е. Свищевым [4, л. 21–22].

Гимназия арендовала помещение за 6000 руб. в доме Городского кредитного общества (ул. Дворянская, 12). На втором этаже здания располагались: актовый зал, приемная, классы, учительская, буфетная, комнаты учебных пособий и для занятий метеорологией, рекреационные коридоры. На первом – молитвенный дом, физический кабинет с аудиторией и комнатой для опытов по химии, музей древностей, естественно-исторический кабинет, гимнастический зал с комнатой для хранения приборов и музыкальных инструментов, библиотека (фундаментальная и ученическая), раздевалка и комната для низших служителей. Книжный фонд ученической библиотеки составлял 2578 названий на сумму 2500 руб. В основном преобладала художественная литература на русском и французском языках, а также книги по истории и географии, религии и естествоведению. В фундаментальной (или учительской) библиотеке насчитывалось 689 названий в 732 томах на сумму 900 руб., значительную часть ее составляла литература по методике и педагогике преподавания. В 1914–1915 учебном году приобретено в ученическую библиотеку 201 название в 217 томах на сумму 155 руб. 60 коп., а в учительскую – 138 названий в 144 томах на сумму 198 руб. [3, л. 310].

С разрешения Попечителя Одесского учебного округа на первом этаже гимназии были выделены 2 комнаты на 8 кроватей под лазарет для больных и раненых воинов, присмотр за которыми осуществляли учащиеся и педагогический персонал гимназии. В этом же доме находился и пансион из 8 комнат, рассчитанный на 10 воспитанников гимназии. Плата за содержание в пансионе взималась в размере 550 руб. в год [6, л. 33–34].

Основным источником существования учебного заведения являлась плата за обучение, которая в 1914 г. составила 29900 руб., в том числе 24000 руб. (80%) из сбора за учение и 5500 руб. (18 %) из сбора за содержание пансионеров. Гимназия была хорошо обеспечена «необходимыми учебными и наглядными пособиями по всем предметам и использовалось на это свыше 1500 руб. ежегодно» [4, л. 5].

Развитие частной мужской гимназии шло достаточно интенсивно, о чём свидетельствуют следующие факты. Уже к 1915 г. в гимназии насчитывалось 229 учащихся, из них православных – 106 (46,3%), католиков – 2 (0,9%), лютеран – 47 (20,5%), армян – 8 (3,5%), магометан – 21 (9,2%), иудеев – 36 (15,7%), караимов – 9 (3,9%). В гимназии преобладали дети мещан и цеховых – 95 (41,5%), крестьян – 75 (32,8%), потомственных дворян – 21 (9,2%), личных дворян и чиновников – 19 (8,3%) [6, л.53].

Гимназия функционировала в составе восьми классов. Учащиеся по классам распределялись следующим образом: в первом – 28, во втором – 37, в третьем – 35, в четвертом – 40, в пятом – 30, в шестом – 27, в седьмом – 19 и в восьмом – 12 [4, л. 5].

Средняя успеваемость учащихся по гимназии составляла 79,4% Результаты испытаний под наблюдением представителя Одесского учебного округа выглядели следующим образом: закон Божий – 100%, русский язык – 91,3%, латинский язык – 91,3%, математика – 100%, история – 95,7%, география – 100%, природоведение – 100%, французский язык – 87%, немецкий язык – 100% и физика – 100% [6, л. 38].

По итогам испытаний зрелости в 1915 г. удостоены свидетельства об окончании гимназического курса 11 воспитанников, из которых 7 продолжили обучение на медицинском факультете, 2 – на физико-математическом и по 1 – на историко-филологическом и юридическом факультетах [5, л. 94–96].

Всего служащих к 1 января 1915 г. в гимназии состояло 15 лиц, а именно: 2 законоучителя и вероучителя, 2 преподавателя русского языка и словесности, 1 – французского языка, 2 – истории и географии, 1 – математики и физики, 3 – новых языков, 1 – естественной истории, 1 – помощник классных наставников и 1 – учитель гимнастики. Это: Ф. Анастасьев, П. Архангельский, Л. Бернарделли. Н. Жолоб, А. Лабунский, Б. Малахов, А. Преображенский, М. Сидоров и др. [Ф. 154, оп.1 Д. 18, л.34; л.300]. Распределение числа уроков в Симферопольской мужской гимназии, учрежденной Е. Свищевым [3, л. 312] представлено в таблице 1.

Таблица 1

Распределение числа уроков в Симферопольской мужской гимназии,
учрежденной Е. Свищевым в 1914 – 1915 учебном году

№ п/п	Название предмета	ФИО преподавателя	Число уроков в основных классах								ВСЕГО
			1	2	3	4	5	6	7	8	
1	География	Е. Свищев		2	2			1	1	1	7 (3%)
		М. Смирнов				2	2				4 (1,7%)
2	Закон Божий	А. Бычковский	2	2	2	2	2	2	2	2	16 (6,8%)
3	Русский язык	М. Сидоров				4	7	8	4	4	27 (11,4%)
		М. Долженкова	7	5	4	4					20 (8,5%)
4	История и латинский язык	А. Лабунский					5	5	9	8	27 (11,4%)
5	Математика и физика	К. Бабич				4	5	4	3	3	19 (8%)
6	Природоведение	Г. Канкров	9	6	6						21 (8,9%)
7	Рисование	Н. Жолобов	2	2	1						5 (2,1%)
8	Французский язык	С. Гейдукеевич		5	3	4	3				15 (6,3%)
9	Латинский язык	П. Архангельская		3	7	5		3	3	3	24 (10,1%)
10	Немецкий язык	Л. Бернарделли	4	3	3	3	3	2	3	2	23 (9,7%)
11	Гимнастика	Н. Ильинский	2	2	2	2	1	1	1	1	12 (5%)
12	Магометанская вера	М. Эфенди	2	2	2	2	2	2	2		14 (5,9%) (сводные уроки)
13	Помощник классных наставников	П. Попов	2								2 (0,004%)
ИТОГО			30	32	32	32	30	28	28	24	236 (100%)

Плата за учение взималась в размере 120 руб. в 1–4 классах, 150 руб. в 5–7 классах и 180 руб. – в 8 классе. Это была сравнительно низкая цена по сравнению с другими частными гимназиями города Симферополя. Средняя стоимость обучения одного воспитанника составляла 128 руб. 82 коп., а содержание пансионера – 550 руб.. Беднейшие воспитанники (10% от общего числа) освобождались от платы за обучение. Симферопольское городское управление и местное Общество взаимного кредита вносили в половинном размере плату за обучение трех воспитанников гимназии [6, л. 40].

Являясь ученым-археологом, Е. Свищев уделял большое значение экскурсиям, о чем свидетельствуют такие материалы как «Дело о проведении ученических экскурсий по Крыму» [7]. В «Справочной книге по

г. Симферополю на 1913 год» упоминается Общество ученических общеобразовательных экскурсий при гимназии Е. Свищева, которое на тот момент находилось в начальной стадии организации [11, с. 107.].

Анализируя данные годового отчета, управляющий Одесского учебного округа положительно и объективно отзыается о Симферопольской гимназии, учрежденной Е. Свищевым: «...Училище достаточно оборудовано и учредителем приложено немало забот для правильной постановки учебно-воспитательного дела. Успешность хорошая, если она не следствие щедрой высокой оценки...» [6, л. 94].

Мужские и женские средние учебные заведения не могли удовлетворить потребность в среднем образовании местного населения. В связи с неоднократными обращениями об учреждении в гимназии классов для взрослых, педагогический совет гимназии 31 августа 1917 г. принял решение об открытии общеобразовательных вечерних курсов для взрослых обоего пола, о чем свидетельствует дело «Об общеобразовательных вечерних курсах для взрослых при гимназии» [8, л. 94].

Попечительский совет в своём заседании 4 сентября 1917 г. присоединился к предложенному выше постановлению педагогического совета. Курсы планировалось открыть на следующих условиях:

1. Вечерние курсы помещаются в здании Симферопольской гимназии, учрежденной Е. Свищевым по адресу – улица Дворянская, 12.
2. Заведывание хозяйственной частью и снабжение курсов необходимыми учебными пособиями возложить на попечительский совет гимназии, который также должен был: а) определить размер платы за обучение на курсах; б) сообщить педагогическому совету о замеченных недостатках или упущениях по учебной части; в) составить годовой отчёт о курсах; г) обсудить с педагогическим советом организационные вопросы по учреждению курсов.
3. Ответственность за состояние курсов в учебном отношении возложить на педагогический совет Симферопольской гимназии, учрежденной Е. Свищевым.

4. Педагогический персонал должен состоять из преподавателей Симферопольской мужской гимназии. Допускается привлечение преподавателей из других средних учебных заведений города.

5. Обучение на курсах будет осуществляться по программам правительственныех мужских гимназий Министерства народного просвещения.

6. Курсы подразделяются на три группы: I – по программам 3–4 классов, II – по программам 5–6 классов, III по программам 7–8 классов мужских гимназий.

7. Слушателями курсов могут быть лица женского и мужского пола.

8. Число слушателей в группе не должно превышать 40.

9. Ежегодно (май-июнь) в каждой группе проводятся испытания.

10. Лица, успешно выдержавшие испытания, пользуются правами, окончивших соответствующие классы правительственныех гимназий [8, л. 1].

Расписание уроков вечерней гимназии в 1918–1919 учебном году свидетельствует о полном соответствии курсов гимназической программе мужских гимназий: Закон божий, русский язык, арифметика, алгебра, природоведение, геометрия, тригонометрия, история, география, физика, космография, психология, немецкий, французский и латинский языки. Учебные занятия длились один час пятьдесят минут и проходили с шести до десяти вечера, а иногда и до двенадцати ночи [8, л. 4].

После окончательного установления советской власти в Крыму, гимназия была преобразована в Третью семилетнюю трудовую школу второй ступени города Симферополя [9, с. 119–120].

Выводы. Ретроспективный анализ даёт возможность утверждать, что Симферопольская частная мужская гимназия, учрежденная Е. Свищевым сыграла значительную роль в развитии гимназического образования в Крыму дореволюционного периода, так как: 1) содействовала распространению образования и повышению интеллектуально-культурного уровня населения региона; 2) предоставляла наиболее полноценное и фундаментальное среднее образование, которое необходимо было для получения высшего;

3) формировала всесторонне развитую, гармоничную личность различными способами и методами.

Перспективным, на наш взгляд, может быть дальнейшее изучение роли учителя в учебно-воспитательном процессе гимназий Крыма XIX – начала XX вв.

Источники и литература

1. Государственный архив в Автономной Республики Крым, г. Симферополь (ГААРК), ф. 154, оп. 1, д. 2, 102 л.
2. ГААРК, ф. 154, оп. 1, д. 3, 131 л.
3. ГААРК, ф. 154, оп. 1, д. 10, 333 л.
4. ГААРК, ф. 154, оп. 1, д. 16, 88 л.
5. ГААРК, ф. 154, оп. 1, д. 17, 129 л.
6. ГААРК, ф. 154, оп. 1, д. 18, 329 л.
7. ГААРК, ф. 154, оп. 1, д. 25, 6 л.
8. ГААРК, ф. 154, оп. 1, д. 32, 18 л.
9. Журавлëв Д. В «Учёный-археолог Е. И. Свищев» (биография) / Д. В. Журавлëв // VII Таврические научные чтения, г. Симферополь, 19 мая 2006 года : сб. науч. статей. Ч.1 – Симферополь. – 2007. – С. 114-121.
10. Справочная книга по Симферополю на 1911 год / Издание Симферопольской городской управы. – Симферополь : Типография Г. М. Эпеля и Ф. Т. Коршунова, 1911. – 318 с.
11. Справочная книга по Симферополю на 1913 год / Издание Симферопольской городской управы. – Симферополь : Типография Г. М. Эпеля и Ф. Т. Коршунова, 1913. – 203 с.

У статті розглядається процес становлення та розвитку Сімферопольської приватної чоловічої гімназії Є. Свіщева в XIX – на початку ХХ ст. Аналізується склад учнів за станом

та віросповіданням, педагогічний персонал, програми викладання, специфіка навчально-виховної діяльності і джерела існування приватної чоловічої гімназії.

Ключові слова: гімназійна освіта, гімназії, Кримський регіон, Сімферопольська приватна чоловіча гімназія Є. Свіщева.

The paper deals with the process of formation and development of private E. Svishcheva Simferopol gymnasium in XIX – early XX centuries. The composition of students in classes and religions, teaching staff, teaching programs, specific educational activities and livelihoods of private boys' school are analyzed in the article.

Key words: gymnasium education, gymnasiums, Crimean region, Simferopol Private Men Gymnasium of E. Svishchev.